

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2011 – 8 (230)

Научно-информационный бюллетень

Издается с 1992 года

**Москва
2011**

*Центр гуманитарных
научно-информационных исследований*

Редакционная коллегия:

Л.В. Скворцов – д-р филос. наук, шеф-редактор, *А.Г. Бельский* – канд. ист. наук, автор проекта, научный консультант, *Е.Л. Дмитриева* – главный редактор, *О.П. Бибикина* – канд. ист. наук, первый зам. главного редактора, *Д.Б. Малышева* – д-р полит. наук, *А.В. Малащенко* – д-р ист. наук, *А.Ш. Ниязи* – канд. ист. наук, зам. главного редактора, *В.Г. Садур* – канд. ист. наук, *Д.Е. Фурман* – д-р ист. наук, *В.Н. Сченснович* – отв. за выпуск.

Россия и мусульманский мир: Научно-информационный бюллетень / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. – М., 2011. – № 8 (230). – 184 с.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Олег Богомолов.</i> Демократия и социально-экономический прогресс	4
<i>Юрий Бочаров.</i> А судьи кто? (О рейтингах России в мире)	19
<i>А. Юнусова.</i> Мусульманское самоуправление в России.....	28
<i>В. Шаповалов.</i> Ренессанс ислама в России и потребности в исламском образовании.....	34
<i>Р. Мухаметшин.</i> Становление конфессиональной политики в России: Опыт Татарстана	40
<i>О. Цветков.</i> Адыгский (черкесский) вопрос на Кавказе	56
<i>Алексей Малащенко.</i> 2020 год – последний шанс для Кавказа?.....	70
<i>Ренат Беккин.</i> Исламские методы финансирования в Азербайджане	86
<i>Аскар Акаев.</i> Киргизстан: Тревожные предчувствия.....	92
<i>Аркадий Дубнов.</i> Таджикистан: Новая оппозиция старому президенту	108
<i>Александр Скиперских.</i> Интеллектуалы и становление демократических институтов в постсоветском Узбекистане.....	112
<i>Андрей Зюков.</i> Межэтнические конфликты в государствах – участниках СНГ	121
<i>М. Гареев.</i> Россия и Афганистан: Что нам надо делать в сложившейся обстановке?.....	127
<i>И. Серенко.</i> Реформа религиозного образования и усиление исламистской активности в Пакистане	138
<i>Валид Фарес.</i> Ветер ужаса и ветер надежды. (Большой Магриб: Джихадисты и их заклятые враги).....	145
<i>Э. Ноймайер, Т. Плюмпер.</i> Международный терроризм и конфликт цивилизаций.....	158
<i>Р. Пашков.</i> Доктринальные основы исламского государства....	160

КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – **НЕТ!**
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – **ДА!**

Олег Богомолов,
академик РАН
**ДЕМОКРАТИЯ
И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ПРОГРЕСС**

Связь между политической демократией и рыночной экономикой продолжает оставаться предметом споров. Преобладает мнение, что демократическое устройство в рыночных условиях благоприятствует экономическому прогрессу. Хотя имеются и исключения. С другой стороны, можно привести не только аргументы, но и реальные примеры относительно успешного функционирования рыночных механизмов при авторитарной государственной власти. Некоторые считают, что такая власть даже больше устраивает крупный капитал, чем демократические порядки. Однако является фактом, что в век глобализации демократия стала преобладающей концепцией общественного и государственного устройства в мире, а диктаторские и авторитарные режимы воспринимаются скорее как исключение. Даже при сильном и образованном правителе они со временем теряют устойчивость в результате нарастающих внутренних противоречий.

Конечно, под названием «демократические» порой скрываются режимы, которые лишь с большими оговорками можно так называть. С 1990 по 2010 г. число автократических режимов в мире уменьшилось, а демократических увеличилось с 69 до 116. Доля населения мира, живущего в условиях тех или иных форм демократии, возросла к 2002 г. до 57%. И это позитивно сказывается на мировом социально-экономическом развитии.

Демократического переустройства требует в особенности современная экономика, основанная на знаниях и результатах инноваций. Она нуждается в свободных, образованных и независимо мыслящих личностях. При этом становятся возможными отбор

наиболее честных и способных лидеров, выработка эффективной политики на основе учета доводов «за» и «против», раскрытие творческого потенциала общества. Процесс глобализации стимулирует распространение демократии, поскольку информация и знания очень быстро становятся общемировым достоянием. Примеры успешно функционирующей демократии обретают большую притягательную силу для прогрессивной общественности и даже правящих кругов в различных странах мира.

Все больше накапливается доводов и фактов в пользу того, что эффективная демократия, претворяющая в жизнь свои основополагающие принципы, может быть серьезным фактором экономического роста и повышения национальной конкурентоспособности. В теории к главным атрибутам демократии обычно относят обеспечение прав и свобод человека, в том числе на выражение своих взглядов, критику властей, свободное волеизъявление на выборах руководящих органов и лиц. Кроме того, она предполагает контроль избирателей за деятельностью выбранных структур власти и управления. Это ядро представительной демократии.

Осуществление демократии требует наличие гласности в стране, доступности информации о положении дел в обществе и экономике, прозрачности деятельности выбранных органов власти и высших руководителей. Одними из неперемennых атрибутов демократии являются также разделение законодательной, исполнительной и судебной властей, независимость судов и наличие независимых СМИ. Все ветви власти, включая и четвертую – СМИ, особенно телевидение, должны образовывать систему «сдержек и противовесов», предотвращающую принятие ошибочных или недостаточно проработанных решений. Но если законодательная, исполнительная и судебная власти в демократических государствах формируются, как правило, на выборной основе, то «четвертая власть», влияние которой стремительно возрастает, не избирается и контролируется собственниками СМИ и зависит от политики властей. А это не может не ограничивать действенности демократического устройства.

Следует также добавить, что такое устройство государства становится эффективным, когда опирается на развитое гражданское общество, многопартийную систему, наличие наряду с правящей партией или коалицией также оппозиционных партий, пользующихся равными правами. Развитое гражданское общество предполагает активную деятельность неправительственных организаций.

Однако модель демократии, в которой бы нашли последовательное воплощение все ее основные атрибуты, едва ли где-либо в мире присутствует. Они реализуются часто лишь в той мере, в которой не ставят под угрозу интересы правящего слоя, не подрывают его власти. Кроме того, специфические условия стран, исторические традиции, уровень экономического развития, культуры населения и другие обстоятельства не могут не отражаться на конкретных формах общественного устройства, полноте претворения в жизнь демократических начал. На практике имеют место большие или меньшие ограничения в их применении, а нередко демократические декорации служат лишь маскировкой авторитарного правления. Все эти особенности обуславливают многообразие моделей демократии.

При низком материальном и культурном уровне населения, наследии вековой несвободы попытки ускоренного перехода к демократическому устройству западноевропейского или американского типа могут принести противоположные результаты. Непросвещенными и забитыми житейскими тяготами людьми легко манипулировать. В таких условиях свобода и гласность могут обернуться торжеством бесправия, демагогии, разгулом криминала, самоуправства. Они способны расчистить путь наверх карьеристам и проходимцам. Поэтому утверждение демократии в незрелом обществе не может не быть поэтапным и достаточно длительным процессом. Во имя поддержания стабильности и порядка в обществе, в интересах подготовки и постепенного созревания подлинной демократии свобода волеизъявления и выбора, гласность и свобода слова могут подвергаться контролю и ограничению со стороны властвующих «верхов». Но это может делаться и с корыстной целью удержания «верхами» как можно дольше власти и ухода от ответственности за злоупотребления ею.

В этой связи выглядит опасной и двусмысленной мессианская роль США по насаждению демократии в других странах. Экспорт демократии американского покроя, внешнее участие в «оранжевых революциях» и организации других массовых акций и даже дворцовых переворотов совершаются якобы во имя благородных идеалов свободы и демократии, а в сущности, имеют целью замену тех режимов, которые не устраивают США и некоторых их союзников. Но эти методы, противоречащие самому духу и идеалам демократии, на деле являются ее компрометацией в глазах народов соответствующих стран. Последствиями такого вмешательства нередко оказываются дестабилизация, расстройство

внутренней жизни этих стран, новые тяготы для их народов. Нельзя не согласиться со словами З. Бжезинского, который считает, что «американская глобальная мощь противоречит демократии как внутренней, так и экспортированной». По его мнению, нельзя недооценивать серьезного «противоречия между демократическими ценностями и обязанностями глобальной державы».

Разумеется, было бы наивно думать, что в цивилизованных западных обществах демократия работает в соответствии со своими провозглашенными основополагающими принципами. Кризис западной демократии констатируют многие политологи и политики в Европе и США. Выборы без подлинного выбора и честного учета мнения большинства избирателей, как они заявляют, не позволяют достичь оптимального государственного устройства, обеспечивающего гармоничное развитие общества, приход к власти наиболее достойных и компетентных деятелей. Французский парламентарий А. Беллон отмечает в своей статье в газете «Монд дипломатик» «упадок демократических процедур, превращение выборов скорее в акт подчинения, чем свободы». Сужение народных прав проявляется и в том, что налогоплательщики имеют все меньше возможностей влиять на распределение поступающих в государственную казну средств. Их расходование нередко происходит в интересах господствующих слоев общества. Политические партии теряют свой авторитет как выразителей нужд и надежд различных слоев общества, превращаются в инструмент лоббирования интересов тех, кто их финансирует. Их программы часто мало отличаются друг от друга, так что характер голосования избирателей больше зависит от их симпатий или антипатий к партийным лидерам. Словом, демократические принципы девальвируются.

Этот факт констатирует все большее число видных политиков и политологов. Ж. Аттали в книге «Мировой экономический кризис. А что дальше?» пишет: «Человечество вползло в депрессию планетарного масштаба, пожалуй, самую тяжелую ныне за последние 80 лет... Это одновременно кризис социальный, идеологический и политический, обнаживший несостоятельность неоллиберальных концепций, которые носят недемократический характер».

Кризис западной демократии нарастает на фоне славословия американских политиков по поводу такого устройства общества, в особенности его заокеанского образца. С одной стороны, в конституции все большего числа стран закладываются демократические

принципы, а с другой – в государствах, давно практикующих демократию, содержание этого понятия, а именно: народовластие, т.е. власть народа и для народа, выхолащивается. Выборы, как главный признак наличия демократии, теряют смысл, ибо с помощью больших денег и возможностей телевидения, приемов так называемых «политтехнологов», «административного ресурса» властей и других средств обработки общественного мнения удается манипулировать поведением избирателей. Кроме того, избиратель все более ощущает свое бессилие влиять на политику и формирование власти. Сталкиваясь с аморальностью и беспринципностью многих политических деятелей, он сторонится политики, считая ее грязным делом, становится безучастным к гражданским делам. Да и сами выборы все больше походят на театрализованное шоу, чем на политический акт. С экранов телевизоров, эстрадных подмостков, со страниц газет и журналов людей убеждают голосовать за телегеничных кандидатов, нередко превращая в политическую фигуру сомнительную, но примелькавшуюся на экранах личность, главное достоинство которой в готовности после избрания отстаивать интересы тех, кто ее финансировал и «раскручивал».

Уже есть примеры передачи верховной власти прямым или назначенным наследникам, что, по меткому определению одного из политологов, превращает демократический режим в «выборную монархию». Более наглядной демонстрации кризисного состояния современной демократии трудно и придумать. Прав К.Н. Брутенц, автор обстоятельной книги «Закат американской гегемонии», когда пишет: «Кризисные явления в современной демократии, заявляемой как стандарт для всего мира, столь глубоки и существенны, если не разрушительны, что уже не кажется еретической мыслью об актуальности поисков иной, альтернативной ее формы – свободной от издержек и слабостей нынешней, возвращенной к ее подлинному смыслу и к эгалитарности граждан, отвечающей современным социально-экономическим и коммуникационным условиям». Конечно, далеко не все политики и политологи готовы признать справедливость этого вывода. Вопрос не ставится так, что народовластие, понимаемое в строгом смысле этого слова, сегодня стало непрактичным и нереалистичным и поэтому нам остается довольствоваться существующими его формами. Напротив, предстоит отыскивать пути и способы преодоления того, что сегодня даже в развитых странах искажает смысл демократии.

Реализация ее принципов на практике требует определенных реформ демократических механизмов. Действенная, а не выхолощенная демократия способна дать многое для создания наиболее благоприятных условий экономического и социального развития. Прежде всего, обеспечить представительство и защиту интересов основных слоев, классов и групп населения, способствовать нахождению консенсуса по жизненно важным вопросам, консолидации общества и гармонизации различающихся подходов в политике. При правильном и честном применении демократических процедур становится возможной селекция на руководящие посты наиболее компетентных и пользующихся доверием общественности граждан, контроль за их деятельностью, отчетность и ответственность народных избранников перед избирателями. Такие процедуры – фундамент общественного согласия, доверия народа к власти. Это тот социальный капитал, который необходим для устойчивости и успешного развития экономической системы. Можно сказать, что проблема совершенствования демократии привлекает внимание во многих странах мира, она волнует и все наше общество. Об этом, в частности, свидетельствует проведенный в сентябре 2010 г. в Ярославле Мировой политический форум.

К сожалению, наша новейшая история изобилует примерами раскола в общественном сознании. Съезд народных депутатов Советского Союза, собравшийся в 1989 г., выпукло обозначил идейный водораздел. Философы называют его антиномией. Одни депутаты, представлявшие меньшинство съезда, были искренне убеждены в необходимости знать полную правду о прошлом и настоящем, требовали окончательного разрыва со сталинизмом во всех его проявлениях. Они считали необходимым проведение реформы отношений собственности, введение настоящего народовластия, добивались торжества социальной справедливости и национальных прав. По мнению другой части съезда, допустимы и даже более предпочтительны полумеры, лишь частичная либерализация и гласность. Им казалось, что лучше не ворошить прошлого, не поднимать вопроса об ответственности за длительный застой и подавление десятилетиями живой мысли, за преступления той поры. Были и такие, кто был готов оправдать применение грубой военной силы против тех, кто отстаивает иные политические лозунги, выходит на митинги и демонстрации.

Тем не менее перестройка и участие широких народных масс в подавлении августовского путча 1991 г. придали сильный импульс демократизации российского общества и породили надежду

на окончательное преодоление тоталитарного прошлого. К сожалению, распад Советского Союза, слом прежнего государственного устройства и хаотичный характер становления новой государственности в России, наконец, шоковый переход к ультралиберальному рынку повернули развитие вспять. Произошло обеднение основной массы населения и чудовищное имущественное расслоение общества. Свертывание производства, остановка и закрытие заводов, галопирующая инфляция вызвали разочарование людей в выбранном курсе реформ. Произошел раскол в общественном сознании по отношению к шоковой терапии и перспективам дальнейшей демократизации.

Российский Съезд народных депутатов и Верховный Совет, избранные на основе относительно свободного волеизъявления, без широкого использования современных политтехнологий, предлагали скорректировать принятый курс реформирования. Президент всячески противился этому. Отставка исполняющего обязанности главы правительства Е.Т. Гайдара и замена его на В.С. Черномырдина не разрядили обстановку. На встречах экспертов и общественных деятелей к середине 1993 г. наметилось согласие о путях улучшения положения в стране. Однако президент и правительство проигнорировали представленные им компромиссные предложения. Противостояние продолжалось, нарастало напряжение в обществе, накалялись страсти. Б.Н. Ельцин и его окружение предпочли силовые методы решения общественных противоречий. Критики разрушительного курса реформирования были объявлены «красно-коричневыми», с которыми невозможен компромисс. Кульминацией стал осенью 1993 г. расстрел из танков Белого дома. В нем находилась часть членов Верховного Совета, полных решимости защитить законно избранный парламент. Дым из окон верхних этажей горящего здания, неизвестные снайперы в округе, стреляющие с крыш домов по людям, штурм спецназовцами парламента, сражение в Останкино у телецентра – все это позорное действо, увиденное миллионами потрясенных телезрителей, затоптало пробивающиеся ростки российской демократии, надолго похоронило в массовом сознании веру в возможность построения правового государства.

Известно к чему привели инсценированный фашистами поджог рейхстага в Германии, захват военными президентской резиденции в Чили. Скатывание к авторитарной форме правления, прикрываемой демократическими декорациями, стало естественным результатом конституционного переворота в России. Чтобы

возродить веру людей в идеалы демократии, в возможность влиять на формирование власти, пробудить в элите общества гражданскую ответственность за судьбы страны, потребуется не одно десятилетие. То же можно сказать о надеждах на установление правового государства, в котором торжествует диктатура закона, а не сила денег.

В современном обществе силой, тем более военной, массовой пропагандой и демагогией не обратить несогласных в свою веру. На мой взгляд, путь к консолидации ведет через разрешение глубоких противоречий общественного бытия, которые столь по-разному воспринимает массовое сознание. Общество при Ельцине и его наследниках все очевиднее раскалывалось, и это, со своей стороны, стопорило назревшие преобразования. Выход из клинча возможен двоякий: либо одна из противостоящих сторон берет верх и силой навязывает свою волю, либо удастся прийти к приемлемым компромиссам, необходимой степени согласия относительно того, что и как надо делать. В.В. Путин в конце своего президентства, а затем президент Д.А. Медведев склонны встать на второй путь.

К сожалению, нередко вместо выяснения причин, раскалывающих общество, и поиска путей к согласию превалируют попытки дать отпор критикам, отодвинуть их в сторону, не допустить к участию в принятии решений. Их стараются не подпускать к телевизионному экрану и влиятельной прессе. До сей поры живучи представления о диалектике общественного развития как единстве и борьбе противоположностей, заканчивающейся отрицанием отрицания. Убежденность в бескомпромиссности борьбы, видимо, крепко засела в сознании людей, сформировавшемся под влиянием марксизма-ленинизма. Если появляются силы, противостоящие политике властей, то задача последних – разгромить их как можно скорее. Удобная сталинская диалектика. А между тем в сегодняшнем мире достаточно примеров синтеза, взаимного оплодотворения различающихся начал, достигаемого в результате компромиссов, или, как теперь часто говорят, – конвергенции, а не отрицания одного другим. Можно называть это решением противоречий политическими средствами, или сознательным добровольным согласием, или как-нибудь по-другому; важно, что прогресс сегодня становится возможным именно на такой основе, создаваемой введением демократии.

В советскую эпоху страна неоднократно страдала от волюнтаризма правителей, убежденных в правоте своих часто далеко не

беспорных решений. При нынешней концентрации власти страна не застрахована от новых проявлений волюнтаризма. Чтобы избежать серьезных ошибок, нужно прислушиваться к оппонентам, анализировать их аргументы. Политическая оппозиция – неотъемлемый элемент демократического устройства, механизм самокоррекции деятельности государственной машины. В политике, как и в науке, истина рождается в спорах и окончательно утверждается, когда ее подтверждает практика.

Если такой механизм отсутствует, отсутствует и ответственность руководителей за ошибочную политику, неверные решения, нанесшие ущерб стране. Те, кто предлагал им альтернативу, предупреждал о негативных последствиях, остаются невостребованными политиками или учеными. В нормальном демократическом обществе такое случается редко. Обанкротившихся деятелей сменяют те, кто доказал правоту своего видения проблем и имел соответствующую программу действий. Можно только надеяться, что в конце концов архитекторов реформ и их последователей, ввергнувших российскую экономику и социальную сферу в упадок, из которого за двадцать с лишним лет не удастся выйти, призовут признать свою ответственность. Важно, чтобы представительные органы, выбранные руководители, а также чиновники, нанятые на средства налогоплательщиков, несли ответственность за свои действия не только перед вышестоящим начальством, но и перед теми, кто за них голосовал и кого их деятельность затрагивает. Но для этого нужна конструктивная оппозиция в обществе и парламенте, нужно развивать институты гражданского общества.

Интересам экономики отвечает такое государственное устройство, которое способно обеспечивать бесконфликтность смены высших органов власти и их лидеров, отбор наиболее компетентных, неподкупных и добросовестных руководителей, заслуживающих безоговорочного доверия большинства населения. А с другой стороны, своевременную «выбраковку» тех, кто в деловом и моральном плане оказался несостоятельным. Личность руководителей, деловые и нравственные качества политической элиты, как известно, решающим образом влияют на выработку политики и ее реализацию.

Трудно представить сегодня лучший способ предотвратить ошибки и провалы в политической и управленческой деятельности без строгого разделения законодательной, исполнительной и судебной властей, учета мнений не только большинства, но и разумных возражений меньшинства. Нужны независимые от власти, но

не от избирателей, контрольные органы, особенно по бюджетным и денежным делам, социальным конфликтам и жалобам граждан. Их выводы должны быть предаваемы гласности, а виновные в злоупотреблениях и несправедливых действиях привлекаемы без исключений к ответственности. Нужна объективная государственная статистика важнейших социально значимых показателей – прожиточного минимума, инфляции, распределения доходов и имущества и др., – прошедшая экспертизу и одобрение экономической науки, профсоюзов, представителей общественности. Достоверные цифры – залог принятия правильных решений правительством и активного участия людей в их выполнении.

Селекция кадров управленцев всех уровней приобретает ключевое значение с точки зрения эффективности функционирования демократии и развития экономики. Лозунг «кадры решают все» справедлив и сегодня. Тем более что ныне назначения на руководящие посты нередко определяются в очень узком кругу. В таких случаях личные симпатии, соображения лояльности, знакомство по прежней совместной работе могут исключать оптимальный выбор. Во власть попадают случайные деятели, не имеющие за плечами долголетнего опыта руководящей работы, завоеванного авторитета в обществе или среди коллег, не доказавшие делами своей компетенции и организаторских способностей, не говоря уже о честности и неподкупности. Противоядие такой практике хорошо известно – отлаженные механизмы выращивания и назначения управленцев, свобода слова, гласность, процедуры отбора руководящих кадров, включающие проверку их знаний, культурных и нравственных качеств.

Социологические исследования, проводимые в разных странах мира, не оставляют сомнения в том, что демократия, реализующая шаг за шагом свои основополагающие принципы, создает благодатную почву для процветания экономики. Поэтому ее совершенствование должно стать стержнем модернизации российского общества и его экономического базиса.

Разочаровавшись в социалистической системе, многие граждане и политики в России и странах Центрально-Восточной Европы не сомневались в том, что ей на смену должно прийти общественное устройство подобное американскому или западноевропейскому. Такое устройство оправдало себя на протяжении многих десятилетий и даже веков, потому что основывалось на демократии и рыночных отношениях. Оно служило бесспорным примером и ориентиром для того, чтобы пойти тем же путем. Ма-

до кто задумывался во время «бархатных» революций в Восточной и Центральной Европе над тем, что в мире существуют различные формы демократии и рынка, что это объясняется историческими особенностями и традициями отдельных стран, менталитетом и уровнем культуры их народов. Поэтому нынешние модели общественного устройства в США и Европе, складывавшиеся в ходе длительного исторического процесса, могут оказаться малопригодными для переноса на другую почву. Тем более результат длительного исторического процесса недостижим в короткие сроки с помощью искусственных приемов. Методы социальной инженерии и шоковой терапии, использовавшиеся некоторыми новыми политическими режимами, неспособны за несколько дней и даже месяцев и лет переделать психологию и поведение людей, заставить их принять новые духовные и нравственные ценности. Отсюда проистекают многие неудачи предпринятых преобразований и разочарование в них значительных масс населения. Поэтому не является праздным вопрос о том, через какие этапы должны проходить преобразования и какая модель экономического и социального устройства была бы наиболее удачным итогом постсоциалистической трансформации. Воодушевляющие цели, удваивающие людскую энергию, остаются востребованными.

К сожалению, опыт и продуманная стратегия трансформации в России и большинстве других постсоциалистических стран отсутствовали. Упускались из вида сложности и возможные последствия кардинальных преобразований, нечетко выделялись их конечные цели. Оказывалась не на высоте политическая, хозяйственная и творческая элита. Ее нравственные качества и гражданская ответственность, стратегическое видение не отвечали вызову нового времени. В результате рождались извращенные формы демократии и рыночных отношений, приводящие к поляризации общества и социальной напряженности. Вместо подлинного гражданского общества устанавливались псевдодемократические порядки, волеизъявление избирателей становилось объектом манипуляций. Власть утрачивала связь с народом. Отсутствовали механизмы обратной связи, позволяющие вовремя корректировать политику. Вместо зрелых форм капитализма складывались дикие, примитивные рыночные и нерыночные отношения, которые западноевропейские страны давно изжили, потому что они были чреватые революционными потрясениями и братоубийственными конфликтами. Неприемлемый размах приобрели преступность и коррупция, моральная деградация общества.

В современную эпоху общественное устройство большинства развитых стран Запада покоится на двух главных устоях – государственных и гражданских институтах и рыночной экономике. Но различия между странами обуславливают то, как складываются отношения между государством и экономикой, между государственными структурами и гражданским обществом, каков сам характер власти. В одних случаях может быть больше государственного вмешательства и меньше рыночных свобод, в других наблюдается обратное соотношение. То же самое относится к роли и влиянию институтов гражданского общества и их взаимоотношениям с государственной властью. Заверяя о своей приверженности идеалам демократии, власть может выступать выразителем и защитником интересов наиболее богатой и влиятельной части общества, пренебрегать интересами других слоев населения, использовать авторитарные методы управления, утрачивая всеобщее доверие.

Существуют и немалые расхождения в идеологии и политике формирования общественных отношений. В зависимости от того, как складываются упомянутые взаимосвязи, меняется характер общественного устройства, различаются его модели. Нелишне поэтому задуматься над тем, какая из моделей наиболее подходит в качестве цели постсоциалистической трансформации.

Выбор стратегии развития для стран, переходящих к иному общественному устройству, сводится либо к воспроизведению с теми или иными поправками уже апробированного опыта стран Запада, либо попытке найти свой путь, учитывая особенности своего исторического опыта и принимая во внимание то, что вызревает из кризисного состояния современного капитализма, но еще не стало там определяющим. Второй путь не лишен риска, но зато обещает в случае успеха стратегический прорыв в социально-экономическом развитии. К сожалению, политики часто предпочитают проторенные дороги.

В этой связи уместен вопрос: все ли из прошлого постсоциалистических стран подлежит разрушению? Все ли нуждается в замене на западные либеральные модели? Это не надуманные вопросы. Они злободневны, ибо многие люди в постсоциалистических странах приходят к пониманию того, что не следует пренебрегать рядом преимуществ прошлого строя. Кстати, еще 50 лет тому назад один из известных американских историков и дипломатов Дж.Ф. Кеннан пророчески писал: «Некоторые черты советской системы заслуживают того, чтобы они пережили ее». Добавим к этому, что и в Европе возникла социальная модель капитализма –

«государства благосостояния», которая сильно отличается от неолиберальной англосаксонской, положенной в основу рыночных реформ в большинстве постсоциалистических стран. Современный капитализм извлек уроки из истории и вынужден во имя социального мира и консолидации общества придавать экономическому развитию все большую социальную ориентацию, включать государство в перераспределение ВВП. Этому способствовало и влияние Советского Союза и его достижений в социальной сфере. Кроме того, сегодня этого требует накопление человеческого и социального капитала, что выражается в повышении уровня знаний, культуры, здоровья населения, а также доверия людей к социально-экономическому строю, к власти, наконец, в духовном и моральном состоянии общества.

Словом, есть основания утверждать, что социальная ориентация развития, возрастающая роль государства в перераспределении валового внутреннего продукта, предоставление населению социальных гарантий во имя консолидации общества и социальной справедливости – все это остается факторами успешного подъема экономики и ее конкурентоспособности.

Такие «государства благосостояния», как Дания, Норвегия, Швеция, Финляндия, продемонстрировали на протяжении ряда последних десятилетий динамичный рост экономики и народного благосостояния. По многим важным социально-экономическим параметрам они превосходили другие европейские государства и США. Английский журнал «Экономист», посвятивший в своем сентябрьском номере 2006 г. специальную статью шведской модели общественного устройства, отмечает ее достоинства, но не считает единственной, заслуживающей подражания. И тем не менее социальная ориентация экономического развития становится для многих стран актуальной задачей.

Содержание понятия «социальное государство» не разъяснено ни в Конституции Российской Федерации, ни в других официальных документах или речах. Это позволяет трактовать его различным образом соответственно пониманию того или иного автора. Либо вообще не вспоминать о нем. Можно лишь догадываться о том, что имели в виду составители Конституции, включив в текст эту расплывчатую формулу. Присутствовало ли у них желание сохранить преемственность с социалистическим прошлым, или они руководствовались намерением подсластить предстоящую реставрацию капитализма?

Опыт европейских «государств благосостояния» позволяет выделить ряд характерных для них общих черт:

– наличие крупного среднего класса с относительно высоким уровнем жизни;

– отсутствие крайней дифференциации доходов различных слоев населения;

– государственные социальные гарантии населению (бесплатная медицинская помощь, образование, предоставление нуждающимся социального жилья, достойные пенсии и др.);

– значительная роль государства в перераспределении доходов, практика государственно-частного партнерства, участие социал-демократов в политике;

– эффективные формы демократического устройства и гражданского общества.

О роли государства в перераспределении национального дохода и осуществлении социальных функций косвенно свидетельствует доля собираемых им налогов в ВВП. По данным британского журнала «Экономист», в 2004 г. в Швеции она составляла 50%, в Дании – 49, в Бельгии – 45, в Норвегии – 44, в Финляндии и Франции – 43, в Австрии – 42%. Примеры успешного функционирования этой модели в Европе могут и нам подсказать многое. Построение в России социального государства в гораздо большей степени отвечает психологии людей и историческому опыту социалистической эпохи, ее сильным сторонам.

Выбор модели социального государства мог бы означать для России следующее:

1) сохранение социальных завоеваний прошлого и важной регулирующей роли государства в восполнении провалов рыночной экономики;

2) недопущение беспрецедентной пропасти между бедными и богатыми, отсутствие массовой нищеты, большой безработицы, достойный уровень средней заработной платы;

3) равные возможности для всех вне зависимости от уровня благосостояния, религии, национальности, места жительства для реализации своих способностей, получения образования и обеспечения своим трудом достойного уровня жизни;

4) активная роль государства в обеспечении интересов всего общества, в формировании социально справедливой политики доходов, в предоставлении основных социальных гарантий всему населению, в развитии науки, культуры, здравоохранения, просвещения, охране окружающей среды, поддержке инноваций и

технического прогресса, борьбе с преступностью и в поддержании необходимого морального климата в стране;

5) обеспечение демократических процедур принятия важнейших государственных решений, честного информирования общества о положении дел в стране, поддержка институтов гражданского общества, независимость СМИ и демократический контроль за их деятельностью.

Понятно, что ко всему этому путь пролегает через ряд этапов. Важно, однако, видеть перспективу. Некритичное заимствование западных моделей политического и экономического устройства, игнорирование собственного исторического опыта привели к серьезным осложнениям в постсоциалистической трансформации. Засилие неолиберальной идеологии и политики, усиленно рекламируемой Западом, помешало увидеть возможности других моделей и решений, в частности китайского опыта преобразований. Не позволило разглядеть ориентиры будущего развития мировой цивилизации. Характерным примером неудачного заимствования чужих моделей может служить переустройство по либеральным рецептам венгерского сельского хозяйства. Эта процветающая в социалистическом прошлом в Венгрии отрасль пришла в упадок в результате разрушения ее кооперативных форм.

Можно привести и другие примеры, подтверждающие, сколь неразумно следовать либеральным догматам вопреки здравому смыслу и собственному историческому опыту. Политическую и экономическую системы тогда можно считать адекватными, когда они обеспечивают устойчивое и динамичное социально-экономическое развитие страны, подъем благосостояния и культуры всех слоев общества.

В модели такого общественного устройства многое зависит от нахождения правильного соотношения между государственным регулированием и рыночным саморегулированием. Наивно полагать, что нынешний капитализм заслуживает безоговорочного подражания и Россия должна придерживаться догоняющего варианта развития. Последний наиболее разрушительный за всю послевоенную историю капитализма кризис, несомненно, поставил на повестку дня реформирование буржуазного общества, придание его эволюции социальной направленности и усиление регулирующих функций государства. Одна из важных функций государства будет заключаться в обеспечении гармонии частных и общественных интересов, интересов труда и капитала и недопущении подчинения экономической политики корыстным побуждениям тех или

иных слоев общества. Поэтому постсоциалистическая трансформация не может не учитывать этого в определении стратегических ориентиров проводимых преобразований. Надо искать ориентиры в том, что несет с собой будущее мировой экономики, что серьезно рассматривается сегодня в качестве направлений ее реформирования.

«Новая и новейшая история», М., 2011 г., № 1, с. 3–12.

Юрий Бочаров,
политтехнолог (Израиль)
А СУДЬИ КТО?
(О рейтингах России в мире)

В конце 2010 г. журнал «Newsweek» опубликовал рейтинг-2010 лучших стран мира. Эксперты издания проанализировали данные из 100 стран по таким категориям, как здравоохранение, рост экономики, уровень образования, политика и качество жизни. На первой строчке оказалась Финляндия, потом Швейцария и Швеция. США заняли 11-е место, Германия оказалась на 12-м, Франция – на 16-м, Израиль – на 22-м месте. Три последних места в рейтинге заняли Нигерия, Камерун и Буркина-Фасо. Из государств постсоветского пространства лидируют Эстония (32-е место), Латвия (36-е), Украина (49-е), Россия (51-е), Белоруссия (56-е), Казахстан (61-е) и Азербайджан (69-е). Остальные бывшие советские республики, а ныне независимые государства, не попали в рейтинг. По итогам публикации журнала «Newsweek» тут же вышли десятки статей практически на всех сайтах мира. Таким образом, опубликованный рейтинг сформировал имидж многих стран на ближайшее время.

Однако у читателя, имеющего общее представление о жизни в мире, а тем более в странах СНГ, рейтинг вызывает недоумение. И это еще мягко сказано.

Даже беглый взгляд на распределение мест по подразделам рейтинга вызывает множество вопросов. Оказывается, в Казахстане (14-е место) такой же уровень образования, как и во Франции, но при этом вдвое хуже, чем в Эстонии (7-е). А Израиль в разделе «образование» – на 41-м месте. По всем другим заслуживающим доверия статистическим отчетам, уровень системы образования в Израиле один из лучших в мире. А вот авторы рейтинга хотят убедить меня, что уровень образования в Израиле ниже, чем во всей

**Рейтинг-2010 лучших стран мира
по версии журнала «Newsweek»**

<i>Рейтинг</i>	<i>Страна</i>	<i>Образование</i>	<i>Здраво- охранение</i>	<i>Качество жизни</i>	<i>Развитие экономики</i>	<i>Политическая обстановка</i>
1	Финляндия	1	17	4	8	5
11	США	26	26	9	2	14
12	Германия	16	7	7	16	12
16	Франция	14	7	11	18	16
21	Испания	32	3	22	19	27
22	Израиль	41	7	25	15	27
23	Италия	34	3	20	44	22
32	Эстония	7	42	42	35	37
36	Латвия	25	52	41	53	38
49	Украина	40	75	40	66	50
51	Россия	31	75	50	36	75
52	Турция	53	42	58	68	64
53	Иордания	44	61	57	40	73
56	Белоруссия	35	66	35	34	91
61	Казахстан	14	82	45	43	81
69	Азербайджан	83	80	49	31	86
74	Египет	60	66	61	83	74
79	Ирак	55	73	59	80	97
83	Сирия	46	61	56	91	100

Европе, а также в Эстонии (7-е место), Латвии (25-е), России (31-е), Белоруссии (35-е) и Украине (40-е). Израильские университеты, согласно другим рейтингам, входят в сотню лучших университетов мира, куда почти не попадают вузы упомянутых стран. Но в итоге Израиль «ниже» всех!

Рейтинг в разделе «здравоохранение» тоже вызывает вопросы. Вполне могу согласиться, что здравоохранение в России (75-е место) находится не на одном уровне с Германией, Израилем и Францией (7-е место), но нигде не читал, что оно хуже, чем в Турции (42-е), Иордании (61-е), Египте (66-е) и, что самое парадоксальное, хуже, чем в Ираке (73-е).

А что это за термин «качество жизни»? По мнению авторов рейтинга, в России (50-е место) оно хуже, чем в Украине, Белорус-

сии, Азербайджане и Узбекистане, и чуть-чуть лучше, чем в Ираке (59-е).

Возникает вопрос: что это за показатели, откуда их взяли, как считали и, самое главное, кто считал?

В связи с этим я вспоминаю молодость, когда мне довелось выступать за сборную Азербайджана по баскетболу. Я помню, как перед каждой поездкой за пределы республики на игры наши тренеры всегда интересовались: «А кто судит?», потому что от этого, к сожалению, чаще всего и зависел исход матча. Ведь у нас говорили: «Судья на поле – шестой игрок!» Вот и сейчас, анализируя отчет журнала «Newsweek», я хочу задать риторический вопрос: «А судьи кто?» И главное, насколько мы можем доверять такому «судейству»? Журнал «Newsweek» – американский журнал, который входит в «большую тройку» еженедельников США. Основан он был в 1933 г., а в 1961 г. приобретен Филипом Грэмом, владельцем газеты «Вашингтон пост». Штаб-квартира расположена в Нью-Йорке. Зарубежные версии выходят на шести языках, в том числе и на русском. В принципе издание солидное, с большим влиянием на американскую политику, служит рупором и пропагандистом «американского образа жизни». Поэтому не будем задавать риторический вопрос, в угоду чьим интересам составлялся этот рейтинг.

Теперь другой вопрос: на основании каких данных он составлен и насколько ему можно доверять? Отмечено, что в качестве базы исследования выступают публикации и статистические сборники авторитетных организаций со всего мира – ВОЗ, МВФ, ВБР, в том числе подразделений ООН и департаментов США, а также отчет ЦРУ «Всемирная книга фактов». Но вот в чем проблема: практически на всех сайтах вышеуказанных организаций есть десятки статистических отчетов по различным, порою похожим разделам и за разные годы, но ни один из них не совпадает с версией другого, поэтому их достоверность вызывает большое сомнение. А при пристальном рассмотрении проскакивает мысль и о политическом заказе отчетов. Но рассмотрим факты по всем разделам рейтинга.

Образование. Раздел состоит из двух подразделов: «всеобщая грамотность» и «количество лет учебы». Почему ответы именно на два этих вопроса могут составить верное представление об уровне образования в стране, оставим на совести составителей отчета. Так вот, согласно отчету ЦРУ «Всемирная книга фактов», всеобщая грамотность в России (т.е. число лиц в возрасте более

15 лет, умеющих читать и писать) составляет 99,4%. Однако, как отмечено на сайте ЦРУ, это данные за 2002 г.! В разделе «количество лет учебы» стоит 13,6 года, хотя в другом отчете того же ЦРУ указано 14 лет. В результате таких «расчетов» Россия находится в разделе на 31-м месте. Парадоксально, что грамотность в Ираке составляет 77,2%, а число лет учебы в школе – 14, но он на 55-м месте, что значительно лучше Азербайджана (83-е). Не менее удивительно выглядит рейтинг Иордании (44-е место), где грамотность составляет 90%, а срок обучения 12,8 года. В итоге эти показатели выводят ее на уровень образования в странах СНГ.

Здравоохранение. Раздел «здравоохранение» обозначен «продолжительностью жизни». Она составляет в России, по данным авторов рейтинга, 60 лет. Данные якобы взяты из статотчетности Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ). Но вот что вызывает сомнение. На сайте ВОЗ в разделе статистики есть несколько отчетов по данной тематике. Под рубрикой «здоровое продолжение жизни» в России в 2008 г. указано 68 лет, а в отчете ЦРУ – 66 лет. По данным же Росстата, продолжительность жизни в России в 2009 г. составила 67,9 года. В итоге, если остановиться на усредненных данных и считать, что в России средняя продолжительность жизни составляет 67 лет, то тогда в рейтинге «Newsweek» ей принадлежит не 75-е место, а минимум 35-е. В то же время в Ираке продолжительность жизни показана в 61 год. А он находится на 55-м месте, впереди России. Если смотреть новости по ТВ, то кроме взрывов бомб, спецопераций и захватов заложников в Ираке ничего не происходит. Как же он оказался на 79-м месте в общем зачете после Индии (78-е), но впереди таких стран, как Вьетнам (81-е), Южная Африка (82-е) и Сирия (83-е)? Видимо, американской администрации необходимо продемонстрировать всему миру, что Соединенные Штаты с честью выполнили свою миссию, построив в Ираке демократическое и развивающееся государство. Отсюда и весь рейтинг.

Качество жизни. Раздел «качество жизни» состоит из семи подразделов, построенных на основании отчетов UNDP (Программы развития ООН), ВОЗ, Всемирного банка и «Всемирной книги фактов» ЦРУ. Рассмотрим ряд государств СНГ, об уровне жизни которых нам известно не понаслышке, а также те страны, что выше России по рейтингу. Впереди идут Белоруссия (35-е), Украина (40-е), Латвия (41-е), Эстония (42-е), Казахстан (45-е), Азербайджан (49-е), а Россия на последнем месте (50-е).

Таблица 2

<i>Качество жизни</i>	<i>Белоруссия</i>	<i>Украина</i>	<i>Латвия</i>	<i>Эстония</i>	<i>Казахстан</i>	<i>Азербайджан</i>	<i>Россия</i>
Неравенство по доходам в семье (между мужчиной и женщиной) (0% – отлично, 100% – очень плохо) UNDP	27,9	28,3	36,0	35,7	33,9	36,5	37,5
Гендерный разрыв – социально, экономически и культурно обусловленный разрыв между мужчинами и женщинами. (0 – плохо, 1 – идеально)	0,714	0,690	0,70	0,74	0,7	0,663	0,699
Процент людей, живущих меньше чем на 2 \$ в день	2%	2%	2%	2%	2,%	2%	2%
Потребление на душу населения, в \$	2920	1871	6480	6116	3497	2209	5326
Количество самоубийств на каждые 100 000 человек	6,8	9,0	9,1	8,4	12,7	1,9	20,2
Влияние состояния экологии на здоровье людей	74,7	73,9	76,9	75,1	69,5	62,7	68,8
Уровень безработицы (%)	1	4,8	14,3	16,6	6,3	6,0	8,9

Интересно, что во всех странах СНГ «процент людей, живущих на сумму менее 2 долл. в день», одинаков – 2%. То же самое в Европе – всего 1,99%. Возникает вопрос, это на самом деле так или у составителей отчета просто не хватило данных. В то же время в Ираке этот показатель равен 8,03%, в Турции – 8,23, а в Китае – 36,2%.

Показатель «число самоубийств на каждые 100 тыс. человек» очень сильно разнится с отчетами, предоставленными другими организациями этих стран, хотя тенденция отмечена верно.

Так, согласно российской статистике, число самоубийств колеблется в размере 30 человек. По отчетам различных европейских организаций, в среднем по странам Евросоюза этот показатель – около 20 человек и составляет во Франции – 18 человек, в Германии – 13, в Испании – 8 человек. В то же время в отчете ЦРУ, который указан в рейтинге, эти цифры по Европе занижены почти в десять раз! По итогам 2009 г. Институт развития здоровья Эстонии объявил о снижении числа самоубийств и обнародовал цифру в 20 человек, в то же время в отчете ЦРУ, который указан в рейтинге, этот показатель 9,1 человека, или вдвое ниже. Возможно, именно такая «игра» с цифрами и выводит Эстонию и ряд других стран в фавориты рейтинга среди постсоветских государств. Но ведь это явная подтасовка фактов в угоду политическим интересам! Нетрудно догадаться, почему и кому выгодно показать, что страны Прибалтики, выбравшие «западный путь развития», сразу начали опережать в этом развитии другие постсоветские страны.

Уровень безработицы в этих странах также не совсем соответствует данным, «озвученным» госкомитетами этих республик. В Белоруссии он – 0,9% (в отчете показан 1%), в Украине – 1,9 (4,8), в России – 8,2 (8,95), в Латвии – 17,3 (14,3), в Эстонии – 17,5% (16,6%). Получается, что в отчете уровень безработицы в России и Украине завышен, а в Латвии и Эстонии занижен. Так кому же верить? Тем более что изменение каждой цифры в подразделе отчета выводит страну на совершенно другое место в рейтинге.

Экономическая составляющая. Раздел состоит также из семи подразделов и якобы основан на отчетах Всемирного банка. Возможно, из-за того, что в данном разделе все цифры легко проверяются, он более или менее соответствует действительности. Азербайджан здесь впереди всех постсоветских стран и находится на 31-м месте, Белоруссия – на 34-м, Эстония – на 35-м, Россия – на 36-м, Казахстан – на 43-м, Латвия – на 53-м, а Украина – на 66-м месте.

Однако отсутствие описания итогового принципа подсчета рейтинга в этом и других разделах не позволяет сделать выводы о том, насколько рейтинг правильно составлен. Удивляют также одинаковые цифры практически для всех стран СНГ по разделу «процент промышленного производства». Стоит также отметить, что в итоговом отчете о рейтинге России сказано, что численность населения – всего 139,4 млн. человек, а доход на душу населения составляет 9370 долл. При этом, по данным Росстата, насчитыва-

ется 141,9 млн. человек, а доход на душу населения составил 11 474 долл. И хотя разница вроде небольшая, всего несколько процентов, но мы и здесь видим, как эта небольшая разница меняет всю картину рейтинга.

Таблица 3

<i>Развитие экономики</i>	<i>Азербайджан</i>	<i>Белоруссия</i>	<i>Эстония</i>	<i>Россия</i>	<i>Казахстан</i>	<i>Латвия</i>	<i>Украина</i>
Средний показатель темпа роста ВВП в течение последних 10 лет (в тысячах \$ США)	10,4	11,6	18,7	15,1	11,8	14,5	6,4
Страны, которые не могут рассчитывать на сельское хозяйство и/или природные ресурсы (%)	23,8	45,7	68,0	57,7	51,0	74,0	54,7
Процент промышленного производства в ВВП (%)	22,8	22,8	22,8	16,2	22,8	22,8	14,8
Инновационный показатель. Готовность стран инвестировать в сферу знаний	3,53		3,64	3,35	31,5	2,94	3,21
Шкала (от 1 до 183) нормативно-правового благоприятствования для работы бизнеса	38	58	24	120	63	27	142
Число лет от регистрации до объявления банкротства	2,7	5,8	3,0	3,8	1,5	3,0	2,9
Время для открытия бизнеса (дни)	10	6	7	30	20	16	27

Политическая стабильность. Раздел состоит из трех подразделов, степень объективности которых вызывает большие сомнения. Отчет построен на данных компаний «Economist Intelligence Unit» (EIU) и «Freedom house», занимающихся различного рода социологическими и экономическими исследованиями. Трудно оценить их объективность, так как нет логического, арифметического просчета составляющих раздел. Страны СНГ в конце таблицы: Россия – 75-е место, Казахстан – 81-е, Азербайджан – 86-е, Белоруссия – 91-е место. Зато с большим отрывом идут Эстония – 37-е и Латвия – 38-е место. При этом Турция на 64-м, Иордания на

73-м, Египет на 83-м месте. Видимо, по мнению авторов отчета, в этих странах политическая обстановка, а точнее демократия, такая же, как и в странах СНГ. И хотя я согласен, что в большинстве своем демократия в СНГ еще хромает, но не настолько же, как на Ближнем Востоке!

Таблица 4

<i>Политическая обстановка</i>	<i>Эстония</i>	<i>Латвия</i>	<i>Россия</i>	<i>Азербайджан</i>	<i>Казахстан</i>	<i>Белоруссия</i>
Оценка степени свободного участия в избирательном процессе. (1 – самые свободные, 10 – не-свободные)	1	1,5	5,5	5,5	5,5	6,5
Индекс демократии. Возможность участия в политической и общественной деятельности. (Улучшается от 0 до 10)	5	6,11	5,56	3,33	2,78	3,33
Политическая стабильность	71	69	64,5	65	72	64

Почему «исследователи» с разрывом в 10–15 мест оценивают эти страны, мне не совсем понятно. И почему демократия в Иордании выше, чем в Египте, и просто отлично выглядит по сравнению с Сирией? Согласитесь, что при всех издержках и минусах даже не совсем развитые институты народовластия в странах СНГ все же более демократичны, чем королевская власть в Иордании.

А кто еще нас «считает»? В мире регулярно публикуются сотни рейтингов, учитывающих практически все нюансы нашей жизни. Часть из них с помощью рекламы и PR формируют общественное мнение, а вместе с ним – имидж страны. Рассмотрим еще ряд рейтингов, опубликованных в последнее время. Международный журнал «International Living» ежегодно публикует исследование, посвященное качеству жизни в странах по всему миру. В этом году в рейтинге приняли участие 194 страны, и уже пятый год подряд лидирует в нем Франция. Хотя, как мы помним по предыдущему отчету, Франция только на 16-м месте, а в разделе «качество жизни» – на 11-м. И ведь это отчеты одного года! В отчете журнала «International Living» представлены практически все постсоветские государства. Лидируют Литва – 30-е место и Латвия – 36-е,

Молдавия – 52-е, Украина – 68-е место. Грузия и Армения делят места с 96-го по 101-е, Белоруссия и Россия – со 109-го по 119-е, Азербайджан, Таджикистан и Киргизстан – со 134-го по 140-е. Казахстан на 152-м месте.

Как сказано в отчете, чтобы составить рейтинг, исследователи взяли за основу девять показателей: стоимость проживания, экономика, культура и развлечения, окружающая среда, свобода, здравоохранение, личная безопасность, инфраструктура и климат. По каждому показателю на основе различных данных, полученных из «множества источников» (!), была выставлена оценка. В данном отчете в разделе «экономика» Россия опережает все страны СНГ и Прибалтику, а вот в разделах «культура и развлечения» и «здравоохранение» идет после Прибалтийских стран. «Инфраструктура» в России оказывается хуже, чем в Молдавии, Казахстане и Белоруссии, но зато «стоимость проживания» самая минимальная, а вот «личная безопасность» лучше только, чем в Грузии, Узбекистане и Таджикистане.

Однако, понимая теперь, «как составляются» подобные рейтинги, меня не удивляет, что Израиль находится на 47-м месте – после Мексики, Кипра и Болгарии, а Турция на 70-м месте – после Молдавии, Албании и Украины. Азербайджан в разделе «экономика» имеет такой же рейтинг, как Белоруссия, Ирак и Ливан.

В рейтинге, составленном еще в 2009 г. аналитической группой Всемирного экономического форума (ВЭФ), по глобальной конкурентоспособности среди 133 стран мира Азербайджан находится впереди всех постсоветских стран – на 51-м месте. Литва – на 53-м, далее идут Россия – 63-е, Казахстан – 67-е, Украина – 82-е, Грузия – 90-е, Армения – 97-е. Иордания (50-е) и Турция (61-е) лучше России, а Египет (70-е) опережает Украину. Рейтинг составлен с учетом 12 показателей конкурентоспособности страны.

Так кому же после этого верить? Как мы видим, все зависит от того, кто считает, как и зачем!

Так кто же виноват, что о нас так «думают»? И что делать? Здесь нет виновных, потому что трудно ответить на вопрос: а кто по долгу службы отвечает за имидж страны? Президент? Премьер? Депутаты парламента? МИД? Чиновники, руководители общественных структур и различных фондов или редакторы местных СМИ? Все они принимают участие в формировании имиджа России, но в их должностных обязанностях вряд ли что-то прописано на этот счет. А когда дело общее, значит, оно ничье, и в результате у семи нянек – дитя без глаза. На мой взгляд, имидж страны, как

большая мозаика, составляется из отдельных фрагментов. Но художник всегда один. Поэтому должен быть один человек или одна структура, ответственные за формирование имиджа страны. Сегодня никто в мире не отрицает значимость имиджа для любого объекта, будь то финансовая компания, политик или звезда эстрады, товар или страна. Но что самое интересное: все, кроме государства, контролируют процесс создания имиджа и постоянно его совершенствуют. Однако самое парадоксальное, что все из вышеперечисленных интересантов собственного имиджа значительно проигрывают, если страна, в которой они живут и работают, имеет отрицательный имидж.

«Стратегия России», М., 2011 г., № 1, с. 71–78.

А. Юнусова,

исламовед

МУСУЛЬМАНСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В РОССИИ

Мусульмане, являясь гражданами России, в большинстве своем являются также членами мусульманской уммы. Учитывая, что сегодня носители ислама составляют до 20% населения страны, а количество приходов достигло уже половины численности приходов Российской империи, вопросы социальной организации мусульман, соотношения интересов мусульманской общины с государством и обществом представляются крайне важными.

Мусульманское самоуправление в России, где мусульмане – это граждане страны (или подданные империи), следует рассматривать как внутриобщинную систему и как систему отношений между мусульманами в целом и государством. Самоуправление мусульманское есть, таким образом, внутреннее развитие и социальная практика мусульманских общин, с одной стороны, а с другой – взаимодействие общины с неисламской частью общества.

В Российской империи внутреннее устройство общины регламентировалось нормами мусульманской и адаптированной к исламу этнической традиции. Приходское самоуправление было выражено следующими принципиально важными моментами: выборность духовных лиц, применение норм шариата, решение бытовых и хозяйственных вопросов в пределах территориальных общин. Духовные лица, получавшие указ императора о назначении имамом (мугалимом, мударисом, азанчеем), должны были сначала

получить «приговор» жителей своей деревни, т.е. пройти предварительную процедуру избрания внутри общины. Духовенство с применением норм шариата решало вопросы заключения браков и разводов, наследования, имущественных споров, следования нормам ислама и наказания за несоблюдение религиозных правил. Вопросы социального устройства, хозяйственной жизни в рамках территориальных – сельских или городских – приходов также рассматривались и решались прихожанами самостоятельно. Устройство и содержание кладбищ, сбор средств на строительство или ремонт мечети, воспитание сирот или их усыновление, содержание духовных лиц – все эти вопросы решались самими прихожанами.

Управление российской умой в целом осуществлялось через институт духовных собраний (в 1788 г. учреждено Оренбургское магометанское духовное собрание, в 1831 г. – Таврическое, в 1872 г. – Закавказское магометанское духовное правление шиитского учения и Закавказское магометанское духовное правление суннитского учения). В ведении духовных собраний были вопросы открытия приходов, назначения к ним духовных лиц, прошедших испытания на знание основ религии, издание фетв, решение споров между духовными лицами с применением норм шариата, соблюдение за исполнением религиозных правил. Важнейшей функцией духовных собраний было представление интересов уммы в государственных органах власти и управления. На муфтия и казыев, членов Совета улемов возлагалась ответственность за приходы на вверенной им канонической территории. Институт мусульманского самоуправления на территории Южного Урала функционировал в рамках системы «приход – Оренбургское магометанское духовное собрание», на которых принимались решения. Решение сложных споров, а также гражданских дел, выходящих за пределы компетенции имама, рассматривались в уездных и губернских судах. Все уголовные преступления, без учета каких-либо особенностей нарушителей этнического или религиозного характера, решались в общем порядке в соответствии с Уложением о наказаниях.

К началу XX в. ислам как образ жизни башкир, татар и небольшой части исламизированных марийцев и удмуртов по-прежнему составлял основу социальной организации сельских приходов, в меньшей степени – городских. В целом мусульманское внутриприходское самоуправление не претерпело особых изменений, так как оно продолжало опираться на принципы коллективности и выборности. В то же время заметно ослабели связи

приходов с ОМДС. С одной стороны, это явилось результатом активной интеграции мусульман в российскую социально-экономическую и политико-правовую систему, выхода социальной активности мусульман за пределы сельских приходов. С другой стороны, в прежние связи между приходом и духовным собранием вклинились институты местных органов управления – волостные, уездные, губернские. Духовное собрание мусульман все с большим усилием выполняет функции регулятора жизни мусульманской уммы России. Кроме того, наличие нескольких муфтиатов – Оренбургского, Крымского и Закавказского – затрудняет выработку общей политики в отношении с центральной властью, столь необходимой в условиях модернизирующейся империи. Все очевиднее становится необходимость модернизации российского ислама.

Идея централизации управления, создания института единого муфтия красной нитью проходит сквозь все мусульманские дореволюционные форумы. Добиться избрания всем мусульманским населением всероссийского муфтия с правом доклада императору – такая задача была озвучена на Совете улемов в июне 1905 г. в Уфе, а также на I Всероссийском съезде мусульман в Нижнем Новгороде. Хади Атласов, ссылаясь на Шагибутдина Марджани, подчеркивал: «В исламе не должно быть двух раисов. Если раисов будет больше, настанет раскол». Галимджан Баруди также заявлял, что в исламе не должно быть двух падишахов, но могут быть наместники.

Революционные годы XX столетия были отмечены активизацией национальных движений. В ходе башкирского национального движения было учреждено национальное управление мусульман. С декабря 1917 г. мусульмане Башкортостана были объединены Духовным управлением мусульман Башкурдистана под эгидой Башкирского правительства, и это было единственное национальное духовное управление в рамках России. Постановление номер XII декабрьского курултая конституирует Закон о религии, в котором также подчеркивается идея мусульманского самоуправления.

В апреле 1920 г. Духовное собрание начало подготовку созыва мусульманского съезда. После долгих согласований с Наркомнацем, Наркомюстом и Уфимским губисполкомом 16 сентября 1920 г. в Уфе открылся первый – в условиях большевистской России – Всероссийский съезд мусульман. Его участники, делегированные от 7 тыс. мусульманских приходов, рассмотрели вопросы, касающиеся организации и экономической жизни приходов, под-

готовки кадров духовенства. Съезд проходил под контролем губернских властей и, конечно, не смог обеспечить хотя бы минимально восстановления самостоятельности мусульманских приходов. Последующая эпоха атеизма и террора 20–30-х годов исключала такую возможность. Духовная жизнь сельских мусульман перешла под контроль сельских советов, партийных организаций, колхозной администрации. Мусульманское самоуправление на уровне приходов было забыто. Актуальным стал вопрос о сохранении хотя бы духовных управлений как институтов взаимодействия мусульманского сообщества с советской властью.

С Великой Отечественной войны началась либерализация религиозной политики, коснувшаяся жизни мусульманской общины СССР. Кроме Уфимского духовного управления мусульман появилось еще три:

– 20 октября 1943 г. в Ташкенте на Учредительном съезде мусульман Средней Азии было создано Духовное управление мусульман Средней Азии и Казахстана (САДУМ) с центром в Ташкенте под председательством Ишана Бабахана ибн Абдулмажид-хана;

– 25–28 мая 1944 г. в Баку на I Съезде мусульман Закавказья учреждается Духовное управление мусульман Закавказья с центром в столице Азербайджана под председательством Ахунда Ага Ализаде;

– 20–23 июня 1944 г. на проходившем в дагестанском городе Буйнакске съезде мусульман Северного Кавказа учреждается Духовное управление мусульман Северного Кавказа (ДУМСК) с центром в Буйнакске. Первым муфтием ДУМСК стал кумык Хизри Гебеков.

В октябре 1948 г. в Уфе состоялся IV Всероссийский съезд мусульман, переименовавший ЦДУМ в Духовное управление мусульман Европейской части СССР и Сибири (ДУМЕС). Устав ДУМЕС был зарегистрирован 25 октября 1948 г.

Историческое Духовное управление в Уфе имело более широкие – в географическом, территориальном плане – полномочия. В его ведении оставались мусульмане не только Российской Федерации, но также Украины, Белоруссии, прибалтийских союзных республик. В то же время в соответствии с новым Уставом ДУМЕС лишалось многих своих прав: выдачи разрешений на открытие новых приходов и образование новых мухтасибатов, составление метрических книг, открытие религиозных школ и даже краткосрочных курсов. ДУМЕС имело право разъяснять верую-

щим основы ислама, рекомендовать прошедших проверку лиц в качестве имамов, вести учет приходов и мечетей.

Модернизация ислама в 80-е годы была связана с именем Талгата Таджуддина, ставшего символом возрождения, лицом российского ислама в глазах всего мусульманского мира. Вместе с тем перестроечные настроения привели к расколу ДУМЕС. В январе 1991 г. на заседании президиума ДУМЕС в Уфе было принято решение образовать 25 мухтасибатов, из которых 16 объединяли мусульман в пределах областей: Астраханской, Куйбышевской, Нижегородской, Омской, Ленинградской, Пермской, Пензенской, Крымской, Свердловской, Тюменской, Московской, Саратовской, Ростовской, Прибалтийской, Ульяновской и Оренбургской. Пять мухтасибатов – Бугульминский, Зеленодольский, Казанский, Набережночелнинский и Чистопольский – были созданы в Татарстане и четыре мухтасибата – Октябрьский, Сибайский, Стерлитамакский, Уфимский – в Башкортостане. Фактически началось дробление ДУМЕС, а мусульмане Татарстана и Башкортостана оказались разделенными на «таджуддиновских» и «мухтасибатских». 21 августа 1992 г. заместитель муфтия Нурмухаммед Нигматуллин, ответственный секретарь ДУМЕС Нафигулла Аширов и главы Стерлитамакского, Октябрьского и Сибайского мухтасибатов созвали в Уфе съезд, который фактически учредил независимое ДУМ Республики Башкортостан.

Означала ли подобная децентрализация ДУМЕС тенденцию возврата к принципам мусульманского самоуправления?

Как показывают последующие события, наряду с дроблением общероссийского духовного управления и созданием на местах территориальных и национальных муфтиатов, становилась все более заметной тенденция к росту зависимости вновь открываемых приходов от государства. Так называемое возрождение ислама в России действительно привело к росту числа приходов, строительству новых мечетей, к развитию сети мусульманских учебных заведений, созданию российских исламских университетов и т.д.

Современный ислам отличают: высокая общественная и политическая активность мусульманских объединений и лидеров; нередкое позиционирование ислама в качестве альтернативы общенациональной идее, а мусульманской элиты – в качестве идеологической оппозиции, тенденции модернизации ислама, новации в сфере развития мусульманской экономики, культуры и образования; тесные контакты с зарубежными исламскими фондами и организациями. Но нигде мы не видим экономической самостоятель-

ности мусульманских общин. А новации в развитии ислама сочетаются с возрождением традиционализма, низким уровнем социокультурной мобильности мусульман, устойчиво сохраняющимся различием «сельского» и «городского» ислама, ориентацией духовенства и лидеров на государство и демонстративной лояльностью по отношению к высшему руководству страны и региональных властей. Последнее в значительной степени обусловлено экономической слабостью мусульманских объединений, нежели имманентным верноподданничеством. Свежий пример – ТВ-сюжет, показанный на БСТ о коммунальных долгах мечети г. Салавата. Конечно, радостно от того, что в распоряжении мусульман Салавата есть прекрасная мечеть площадью 3 тыс. м². Строили мечеть не без поддержки государственных структур. Но кто ее должен содержать? Если мусульмане не могут содержать свою мечеть, то зачем надо было строить ее в таких размерах? Поразительно и то, что, задолжав 500 тыс. руб., имам мечети наивно говорит ТВ-журналисту: мы думали, что в связи с вашим приездом нам долги отменят, но суд постановил взыскать с нас деньги. Таких мечетей, построенных при поддержке администраций районов, а не на средства мусульман, большинство. И все мечети хором просят денег у государства.

Бедность, конечно, не порок. Однако отсутствие средств не должно вести к снижению социальной ответственности за положение в том обществе, которое есть среда обитания мусульман. Сохранение нравственных устоев, развитие культурных традиций ислама, борьба с негативными социальными явлениями, взаимопомощь, поддержка лиц с ограниченными возможностями – все это сферы приложения активности мусульман. Насколько здесь проявляются ресурсы мусульманского самоуправления? Ведь силами общины можно создать малое предприятие и обеспечить жителей села рабочими местами. Можно организовать детский сад, помочь органам опеки и попечительства в оказании помощи ветеранам в своем селе, наставить на путь трезвости злоупотребляющих спиртными напитками.

Хотелось бы назвать примеры социальной активности мусульманских приходов во главе с инициативными имамами, служения своему селу, преодоления таких негативных явлений, как наркомания, пьянство, детская безнадзорность, безработица. Но список добрых дел, увы, невелик. Могу в этой связи отметить имама чишминской мечети Мустозяп-хазрата, учредившего фонд имени имама Хусаин-бека, целью которого является создание му-

зая под открытым небом на базе комплекса кэшэнэ Хусаин-бека и старинного кладбища Акзират. Стоит отметить ректора медресе им. Марьям Султановой Ильдара Малахова, который в своем учебном заведении организовал приют для социально неустроенной молодежи, не только давая им религиозное образование, но также обеспечивая трудоустройство выпускников медресе.

Вместе с тем все более заметным становится несоответствие растущих требований мусульманских организаций, затрат государства на поддержку ислама и мусульманских образовательно-культурных институтов, числа повсеместно создаваемых общественных исламских организаций и фондов реальным результатам возрождения мусульманского самоуправления, традиционной мусульманской нравственности и социальной ответственности общины за каждого ее члена.

*«Современное развитие регионов России. Политико-трансформационные и культурные аспекты»,
Уфа, 2010 г., с. 27–34.*

В. Шаповалов,
исламовед (г. Ставрополь)
**РЕНЕССАНС ИСЛАМА В РОССИИ
И ПОТРЕБНОСТИ В ИСЛАМСКОМ
ОБРАЗОВАНИИ**

Возрождение ислама в России в последние 20 лет происходит так интенсивно, что вполне обоснованно данный процесс многие эксперты определяют как ренессанс ислама. Подтверждением этого является бурное строительство мечетей, посещение пятничных молитв большим числом молодых людей, устремленность в зарубежные исламские вузы тысяч российских этнических мусульман, желающих получить исламское религиозное образование, создание религиозно-культурных организаций, издательских и медиа-центров, исламской периодики и др.

Процесс возрождения ислама сложен и противоречив, что обусловлено рядом факторов. Мы наблюдаем восстановление социального института исламской религии в постсоветском российском обществе, где по закону социально-психологической инерции работают идеологические установки коммунистической доктрины, значительно искаженной в Советской России. Примером тому могут служить факты, подтверждающие во второй половине XIX в.

вполне лояльное отношение правящих режимов в бывших странах так называемой народной демократии (ГДР и др.) к религиозным конфессиям, в то время когда в СССР они подвергались всяческому гонениям. Действенность этих установок относительно ислама проявляется как в сознании политических лидеров, академического сообщества, в медийном пространстве, так и на уровне бытового сознания.

По причине ограниченности объема текста не будем касаться всех факторов, детерминирующих рассматриваемый процесс, а коснемся только того, как отражается ренессанс ислама в потребностях в исламском образовании. Мы полагаем, что будущее процесса возрождения ислама в России во многом будет определяться состоянием отечественного исламского образования. Нынешние потребности в исламском образовании являются одним из показателей его состояния и результатов через четыре года или пять лет, в зависимости от типов и видов образовательных учреждений, функционирующих в конкретном регионе.

Проанализируем некоторые результаты исследования потребностей в исламском образовании, проведенном группой социологов Северо-Кавказского государственного технического университета в 2009 г. в четырех федеральных округах европейской части России (Центральном – г. Москва, Северо-Западном – г. Санкт-Петербург, Приволжском и Южном). Генеральная совокупность исследования представлена следующими основными квотами: религиозные и светские высшие учебные заведения, умма, а также лидеры конфессии, старшеклассники – учащиеся выпускных классов и их родители, средства массовой информации, эксперты, связанные с религией и образованием. В целом генеральная совокупность исследования представляет собой весь спектр потребителей и получателей услуг, связанных с образованием в области истории и культуры ислама.

Основными эмпирическими методами сбора первичной социологической информации явились анкетный опрос и индивидуальное глубокое интервью. Для каждой из квот изучаемой совокупности был разработан отдельный инструментарий. Таким образом, общее количество анкет для сбора первичной информации составило шесть отдельных инструментариев: для студентов вузов, преподавателей, старшеклассников, родителей старшеклассников, учащихся примечетских школ, а также студентов медресе. В каждом из десяти обследуемых регионов предполагался анкетный опрос всех представленных выше категорий. В ряде ре-

гионов в силу обстоятельств, связанных с организацией исследования, а также с представленностью изучаемых квот в каждом конкретном регионе, количественному опросу были подвергнуты не все из шести целевых групп. Информантами качественного этапа исследования выступили эксперты, связанные с религиозным образованием, СМИ, конфессией и органами власти. В каждом из обследуемых регионов было взято от пяти до десяти индивидуальных глубоких интервью. В анкетном опросе приняли участие 450 преподавателей вузов и медресе, 758 родителей, 821 старшеклассник, 467 студентов вузов, 481 учащийся медресе, 185 учащихся примечетских школ, всего – 3142 респондента. Контент-анализу подверглись 58 текстов печатных и электронных СМИ.

Поскольку основное количество этнических мусульман проживают в Приволжском и Южном (на момент проведения исследования, а сегодня – в Северо-Кавказском) федеральных округах, то будем оперировать данными, полученными в этих территориальных образованиях. В Приволжском федеральном округе исследование проводилось в Нижегородской области, а также в республиках Татарстан и Башкортостан. В Северо-Кавказском федеральном округе в исследовании участвовали представители Дагестана, Чечни, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, а также Ставропольского края.

Основным потребителем выпускников учреждений среднего и высшего религиозного профессионального образования является умма в лице духовных управлений, регулирующих обеспеченность мечетей служителями исламского культа. Духовные лидеры исламской конфессии считают, что для священнослужителя достаточно обладания средним религиозным профессиональным образованием. В ближайшие пять лет потребность в квалифицированных священнослужителях в европейской части России оценивается лидерами исламского образования в 2 тыс. дипломированных выпускников медресе. Наиболее остро потребность в квалифицированных священнослужителях выражена в Северо-Кавказском и Приволжском федеральных округах.

Духовные лидеры исламской конфессии и эксперты высшего уровня в сфере исламского образования определяют в качестве оптимального количественное соотношение потребностей в квалифицированных священнослужителях, имеющих среднее профессиональное религиозное образование, и специалистов по исламской теологии, истории и культуре ислама, имеющих высшее профессиональное образование, подтвержденное государственны-

ми сертификатами, как 10:1. Таким образом, в ближайшие пять лет необходимо подготовить не менее 200 специалистов по исламской теологии, истории и культуре ислама. С учетом того, что намерения работать по специальности проявляют не более 50% обучающихся по указанным образовательным программам студентов, объем подготавливаемых специалистов в ближайшие пять лет должен увеличиться как минимум до 400 человек.

В указанном исследовательском проекте его разработчики исходили из нескольких основных идей и гипотетических предположений. Мы полагаем, что наряду с определением потребности в профессиональных служителях исламского культа, специалистах по истории и культуре ислама, исламской теологии, организации воспитательной деятельности с учетом конфессиональной направленности необходимо выявить наличие потребностей в образовательных услугах в обозначенных профессиональных сферах у получателей таких услуг – будущих студентов вузов и учащихся учреждений среднего профессионального образования, а также их родителей.

Старшеклассники – этнические мусульмане проявляют потенциальный интерес к специальностям, связанным с религией, соответственно: в Нижегородской области – каждый третий; в Республике Татарстан – каждый пятый; в Республике Башкортостан – каждый четвертый; в Республике Дагестан – каждый третий; в Чеченской Республике – каждый третий; в Республике Ингушетия – три четверти. Заметное отличие ситуации с проявлением интереса к исламскому образованию значительной частью старшеклассников-ингушей можно объяснить тем, что в Республике Ингушетия в течение многих последних лет в средних и старших классах общеобразовательной школы преподаются основы исламской религии.

Во всех обследованных округах учащиеся примечетских школ в значительно большей степени, нежели старшеклассники общеобразовательных школ, проявляют потенциальный интерес к специальностям, связанным с религией. Родители старшеклассников в разных регионах в различной степени осведомлены о потребностях своих детей в профессиональном образовании, связанном с религией. Отличаются и желания родителей относительно получения ребенком специальности, связанной с религией.

В Республике Татарстан количество родителей старшеклассников, желающих, чтобы их дети получили специальность, связанную с религией, более чем в полтора раза превышает количество их детей с намерениями получить религиозное образование.

В Башкортостане количество родителей, желающих, чтобы их ребенок получил профессиональное образование, связанное с религией, значительно больше, чем самих старшеклассников, ориентированных в этом направлении. Преобладание числа родителей, желающих получения ребенком исламского образования, над числом детей с таким намерением, говорит о том, что школа не дает своим учащимся знаний, достаточных для осуществления выбора в пользу специальностей, связанных с исламом.

В Дагестане наблюдается обратное соотношение: старшеклассников, желающих получить профессиональное образование, связанное с религией, в полтора раза больше, чем их родителей с таким желанием. Нам представляется, что в этом соотношении отражается настороженное отношение родителей к получению их детьми образования, связанного с исламом. В этом проявляются установки, о которых говорилось в начале данного текста.

Выбор старшеклассниками получения образования, связанного с религией в исламских или государственных вузах, характеризуется типичными следующими соотношениями: в Татарстане – 4:1; в Башкортостане – 5:1. И только в Дагестане это соотношение характеризуется как 4:3. Самый высокий уровень мотивации на религиозное образование отмечен у старшеклассников в Республике Дагестан. Мотивация на получение религиозного образования у старшеклассников Поволжья ниже, чем у старшеклассников республик Северного Кавказа.

Выявлена тенденция востребованности среднего профессионального религиозного образования как самоценности, самоцели («для себя»), как пути глубокого познания ислама, повышения личной исламской культуры. Данная тенденция совпадает с позицией духовных исламских лидеров, а также руководителей медресе, утверждающих необходимость исламского образования не только для профессиональной карьеры, но и для более глубокого познания молодежью сущности ислама.

В ходе исследовательского проекта наряду с другими факторами, влияющими на формирование потребностей в исламском образовании, изучались материалы печатных и электронных СМИ, играющих значительную роль в формировании профессиональных ориентаций выпускников школ и предпочтений их родителей. Как показали материалы исследования, потенциальные потребители образовательных услуг в большей степени информированы о наличии в соответствующем регионе исламских образовательных учреждений, нежели о государственных вузах, в которых имеются

специальности, связанные с религией. Основными каналами получения информации об образовании, связанном с религией, являются неформальные каналы коммуникаций в местном сообществе (семья, знакомые, друзья, другие родственники). В Дагестане и Чеченской Республике таким каналом является телевидение.

Проблемы исламского образования не являются доминирующими в материалах мусульманских электронных и печатных СМИ. Их тематика, в основном, сводится к констатации проблем профессиональной подготовки служителей культа и специалистов в сфере исламской теологии. В то же время не указываются возможные пути и способы решения этих проблем. Это говорит о необходимости более тесного взаимодействия ученых, священнослужителей, журналистов с целью привлечения внимания академической общественности к выработке путей, способов и форм решения проблем исламского религиозного образования. Во всех обследованных округах отмечается отсутствие федеральных телевизионных программ и каналов исламской направленности.

Таким образом, в результате анализа полученных в ходе реализации проекта данных нашло подтверждение предположение о том, что в силу отсутствия единства в исламском религиозном сообществе в европейской части России единой концепции отечественного исламского образования и просвещения, слабой представленности информации об исламе в содержании общего образования имеет место несовпадение позиций работодателей и намерений потенциальных потребителей образовательных услуг в сфере ислама. Это отражается в ожиданиях учащихся медресе и студентов религиозных вузов относительно своего трудоустройства после окончания образовательного учреждения. Около половины учащихся медресе в Нижегородской области и Татарстане в той или иной степени уверены в том, что смогут стать священнослужителями в том районе, где бы им этого больше всего хотелось, а половина студентов религиозных вузов – в том, что они найдут работу по получаемой специальности. В Башкирии такую уверенность высказали более половины учащихся и студентов, а в Дагестане – подавляющее большинство.

Отсутствие возможности для имама в сельской местности обеспечить материально себя и свою семью является основным фактором неопределенности половины выпускников медресе в принятии решения в пользу карьеры священнослужителя. Как сказал в интервью один из крупных экспертов в сфере исламского образования, в современной России рейтинг религиозного образо-

вания совпадает с его рейтингом в зарубежных странах, где в профессиональном выборе выпускников школ доминируют военные, технические, естественно-научные и светские гуманитарные специальности.

Один из общих выводов проведенного исследования состоит в том, что ренессанс ислама в России еще не нашел адекватного отражения в потребностях этнических мусульман, проживающих в европейской части страны и оканчивающих общеобразовательную школу, в исламском образовании. Есть все основания утверждать, что в настоящее время в России не существует альтернативы исламскому образованию и просвещению, организованному и осуществляемому в контексте российских исторических и этнокультурных традиций как важнейшему фактору, способствующему дальнейшему возрождению ислама.

*«Мир через языки, образование, культуру:
Россия–Кавказ–Мировое сообщество»,
Пятигорск, 2010 г., с. 172–178.*

Р. Мухаметшин,

востоковед

СТАНОВЛЕНИЕ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ: ОПЫТ ТАТАРСТАНА

Сегодня в России довольно рельефно вырисовываются основные участники формирования конфессиональной политики. Но, будучи потенциальными субъектами этой политики, они ими еще не стали. Для субъекта политики организационного и структурного оформления совершенно недостаточно. Очень важно четко определить свои цели участия в политической жизни, идейные ориентиры и основные принципы своего существования. Что происходит в этой сфере в регионе, каковы перспективы и проблемы в формировании конфессиональной политики? Об этом все по порядку.

Духовные управления мусульман (ДУМ)

Возникновение духовных управлений в начале 1990-х годов было обусловлено многими факторами. Во-первых, процессы «демократизации» и «суверенизации», а также распад СССР (декабрь 1991 г.) во многом способствовали кардинальным изменениям,

произошедшим в рамках официальных религиозных институтов в бывшем СССР и России. Во-вторых, национальные движения, которые развернулись в основном в бывших автономных республиках, духовные управления рассматривали как необходимый атрибут государственности и духовного обновления. Это в какой-то степени свидетельствует о том, что изначально духовные управления были нацелены на выполнение иных, чем формирование полноценной конфессиональной политики, задач. Поскольку национальное движение и возникшие общественно-политические движения пытались использовать религиозный фактор для решения своих стратегических задач, вновь возникшие духовные управления должны были играть свою роль в основном в национально-политическом поле. Например, как считает один из идеологов татарского национального движения конца 1980–1990-х годов Дамир Исхаков, «духовное управление мусульман Татарстана, хотя и было самостоятельной организацией, развивалось как одна из фракций национального движения» (Казанское время, 1998). Этого не отрицают и сами религиозные деятели. Так, заместитель муфтия ДУМ РТ Валиулла Якупов обратил внимание, что «мы сами выросли из них (общественных организаций)». Действительно, до середины 1990-х годов не только ДУМ РТ, но и другие духовные управления были больше политическими, чем конфессиональными. Они организационно и структурно были очень рыхлыми. Духовным управлениям, еще не установившим контроль над периодическими изданиями и учебными заведениями, не имеющим ни структур, способных работать на местах, ни постоянных источников финансирования, довольно сложно было найти и свою политическую нишу, и рассчитывать на понимание рядовых верующих.

Правда, начиная с середины 1990-х годов во многих духовных управлениях были созданы вертикальные структуры управления мусульманским сообществом и его институтами. Но эта вполне оптимальная с точки зрения организационных вопросов система управления стала ли полноценным субъектом политики, в том числе и конфессиональной? Хватило ли им внутренних ресурсов и серьезных намерений, чтобы активно включиться в процесс создания принципиально новых отношений? Пока нет. Духовные управления, конечно, пытаются определить основные принципы выстраивания своих отношений с основным субъектом конфессиональной политики – государством. Ими стали: принцип лояльности и принцип отделения религии от государства. Но чтобы за-

нять активную политическую позицию и четко сформулировать свои политические цели и намерения, этих принципов недостаточно для формирования конфессиональной политики, но они вполне удобны и приемлемы для оперативного управления религиозными отношениями.

Принцип лояльности при необходимости дает возможность духовным управлениям и его структурам обратиться к органам власти, заявляя, что верующие являются полноценными гражданами общества и также нуждаются в поддержке государства, апеллируя к тому, что проблема, не решенная на уровне религиозного общества, рано или поздно распространится по всему обществу, проникнет в самые разные области жизни.

Принцип отделения религии от государства обычно используется для ограждения религиозных организаций от вмешательства в их дела органов власти. Правда, ДУМ России на проблему эффективности существующих структур и взаимоотношения с государством смотрит по-разному. Это вполне естественно, поскольку все они имеют разные ресурсы, неравное количество мусульманских общин и учебных заведений в своем подчинении.

В российском варианте этот принцип больше подчеркивает зависимость мусульманских организаций от государства, чем определение их как равноправных партнеров. Поэтому в последние годы духовные управления региона намного больше, чем прежде, внимания уделяют соблюдению статей Конституции о светском характере государства. Сегодня стало ясно, что духовные управления вплотную подошли к пониманию необходимости более четкого определения своего места в сфере политических отношений. Есть и понимание того, что для этого у них нет достаточных ресурсов, в первую очередь экономических. Как известно, отсутствие четко выстроенных внутренних механизмов функционирования практически сводит на нет стремление к выстраиванию самостоятельной политики. После того как из России были вытеснены практически все зарубежные мусульманские благотворительные фонды у духовных управлений, кроме выстраивания отношений с государством, вариантов выбора практически не осталось. Государство, в свою очередь, осознав важность укрепления своей позиции и влияния в сфере религиозных отношений, в последние годы предпринимает энергичные шаги по упорядочиванию своей поддержки в конфессиональной сфере. Если иметь в виду, что российские органы власти уже демонстративно подчеркивают приоритеты Русской православной церкви, то духовным

управлениям России действительно необходимо более четко обозначить основной спектр своей деятельности.

Многие руководители духовных управлений прекрасно понимают, что решение каких-либо кардинальных проблем необходимо начинать с осмысления своей деятельности. Эта проблема имеет несколько аспектов: каким образом можно преодолеть раскол в мусульманской умме России, насколько целесообразным является существование такого количества духовных управлений, насколько они эффективны как институты управления мусульманскими общинами?

Основные лидеры мусульман России Талгат Таджуддин, Равиль Гайнутдин и Исмаил Бердыев в конце 2009 г. заговорили о необходимости создания единого духовного управления. Правда, многие аналитики и сами религиозные деятели обращают внимание на сложность и неоднозначность этой проблемы. Еще в середине 1990-х годов Валиулла Якупов обратил внимание, что «для девяностых годов были характерны не только тенденции возрождения, но этот период омрачился и произошедшим расколом. И виновато в этом расколе конкретное поколение нашего постсоветского духовенства. Этот раскол не имеет никаких объективных причин, он основан исключительно на амбициях очень узкого круга людей». Необходимость объединения В. Якупов объясняет тем, что в исламе «отсутствует институт Церкви. Де-факто в исламе роль церкви всегда исполняло государство... Пока в мусульманском сообществе РФ наблюдается очевидный структурный беспредел. Он и не завершится, пока не будет преодолен стереотип выстраивания отношений государства с исламом, так же как и с православием. Необходим учет специфики ислама, отсутствия в нем института Церкви и духовенства в христианском понимании этого слова. Дистанцированность Российского государства от мусульманских проблем внутри России приводит только к тому, что мусульманские структуры прибираются к рукам другими государствами. Если же Российское государство внятно определит свою политику в исламском сообществе России даже хотя бы через уполномоченную ею структуру, то ситуация, как и в XVIII в., с учреждением ОМДС быстро нормализовалась бы».

Духовенство

Становление духовенства как самостоятельной прослойки в России относится ко второй половине 1990-х годов. Хотя мусуль-

манское духовенство только условно можно назвать социальной прослойкой в силу незначительности его количественных показателей, отсутствия четкого социально-юридического статуса и экономической основы, тем не менее уже в процессе его становления нет единства среди религиозных деятелей по многим принципиальным вопросам. Во-первых, духовенство, в основном татарское, отличается неоднородностью своего социального состава, поскольку городские и сельские имамы, преподаватели медресе имеют разный статус и разное социальное положение. Во-вторых, неоднородность духовенства определяется и его идейно-политической позицией. Формирование мировоззренческих установок, особенно у молодежи, во многом зависит от тех представлений, которые заложены в учебных заведениях.

Основную часть духовенства составляют представители так называемого народного ислама, которые традиционно связаны с деревней и по своему социальному происхождению и имущественному положению мало чем отличаются от основной массы сельского населения. Подавляющее большинство сельских имамов, в одночасье из «неофициальных мулл» ставших официальными представителями духовных управлений на местах, не имеют элементарного религиозного образования и выполняют эти обязанности из-за отсутствия более подготовленных религиозных деятелей. Правда, появление новых имамов не означает, что они готовы безболезненно уступать им свое место. Но в силу многих причин молодые имамы не возвращаются или не приживаются на селе.

В конце 1990-х годов активность татарского духовенства значительно возросла, хотя условия для этого были не совсем благоприятные. Если до начала XX в. религиозное сознание было органическим и необходимым элементом социальной структуры татарского общества, а духовенство имело стабильное положение и определенный статус, то сегодня эта органичность и необходимость не безусловны. Поэтому духовенство вынуждено искать новые пути и формы укрепления своего положения в обществе.

Чтобы определить свое место в политической жизни многоконфессионального общества, духовенству необходимо соизмерять свои интересы с интересами всего общества, при этом «сохранив свое лицо». Эта проблема для духовенства оказалась довольно сложной в силу многих причин и, безусловно, требует серьезных интеллектуальных усилий. В данном случае духовенство может рассчитывать в основном только на свои силы, поскольку

ку ему необходимо выработать свою собственную позицию по многим как чисто богословским, так и политическим вопросам. Позиции политических деятелей и национальной интеллигенции для него не всегда приемлемы по принципиальным соображениям. И в том, что в последние годы официальное духовенство дистанцировалось от национального движения и его лидеров, есть своя логика и закономерность.

Кризис в национальном движении, отсутствие у него продуктивного, приемлемого, в том числе и для духовенства, отношения к исламу также побудили религиозных деятелей серьезно задуматься о необходимости выработки собственной позиции. На национальную интеллигенцию, с энтузиазмом принявшую идею возрождения ислама в обществе в конце 1980-х – начале 1990-х годов, но постепенно переключившуюся на формирование национальной идеологии, где ислам рассматривался как этнокультурный фактор, духовенство уже не могло рассчитывать. В условиях отсутствия своих богословов, безусловно, сложно выработать теоретические основы своей деятельности. Тем не менее жизнь ставит эти проблемы и требует их безотлагательного решения. Не останавливаясь подробно здесь на религиозно-мировоззренческих исканиях духовенства, нельзя не обратить внимания на то, что его теоретические установки, и это вполне естественно, не всегда совпадают с общепринятой позицией национальной интеллигенции. Так, полностью соглашаясь с интеллигенцией в необходимости разностороннего и углубленного изучения духовного наследия народа, религиозные деятели предлагают свои интерпретации некоторых общественно-политических явлений, понятий и учений. Это касается в первую очередь таких принципиальных понятий, как «джадидизм», «кадимизм», «мусульманское реформаторство» и др., поскольку в представлениях и подходах к духовному обновлению общества наметились разные подходы.

Что касается интеллигенции, то она до сих пор не выработала концептуально новые основы осмысления духовного наследия, поэтому возросшее количество возвращаемых для современного читателя произведений в основном представлено изданиями писателей и мыслителей так называемого «прогрессивного» крыла, где отношение к религии формировалось в контексте идей мусульманского реформаторства и джадидизма. Именно в них интеллигенция видит идейно-теоретическую основу национального возрождения. А духовенство, озабоченное возрождением ислама в обществе, в первую очередь заинтересовано в возвращении той части духовно-

го наследия, которое служило сохранению и укреплению традиционного мусульманского общества у татар и сегодня способствовало бы этому же процессу. Это вполне естественно, поскольку, как совершенно справедливо обратил внимание российский исламовед А. Малащенко, «у нас религиозная жизнь восстанавливается благодаря традиционализму». Интеллигенция, пытаясь возродить традиции мусульманского реформаторства, все чаще обращается к идейному наследию его представителей. Но это наследие все еще не только не осмысленно в контексте современных проблем, но и не выявлено и не освоено до конца. В целом можно сказать, что наметившаяся самостоятельность в теоретических суждениях духовенства к концу 1990-х годов приобрела вполне зримые очертания. Религиозные деятели, лишняя раз убедившись в их необходимости, активизировали свои религиозно-мировоззренческие искания.

Но отсутствие у духовенства и его структур стабильных внутренних финансовых ресурсов и материально-технической базы формирует в какой-то степени приспособленческую позицию, которая проявляется во внешней лояльности к властным структурам, которая не всегда подкрепляется финансовой поддержкой государства, а потому приходится учитывать интересы и тех, кто контролирует эти внешние финансовые источники. Такая ситуация, с одной стороны, создает проблемы, а с другой – загоняет их вглубь или отодвигает на второй план возможные или потенциально предполагаемые разногласия и противоречия с теми, кто принимает решение об оказании финансовой поддержки или отказе в ней.

В связи с этим можно сказать, что современное мусульманское духовенство пока в основном устраивает идеологема «аполитичности» религии, что делает его политически индифферентным. Правда, в конце 1980-х и начале 1990-х годов предпринимались определенные попытки активно включиться в политическую жизнь российского общества. Но эти попытки в силу многих причин, а не только по вине самого духовенства и религиозных деятелей, оказались неудачными. Таким образом, можно сказать, что в регионе мусульманское духовенство постепенно приобретает черты социальной прослойки, довольно активно формирует свои мировоззренческие установки. Но пока оно жестко ограничивает себя рамками обрядовой системы, отстраняясь от политической деятельности и не выражая своей политической воли. Поэтому сегодня духовенство политически обезличено и как субъект политики

примыкает к другим социальным слоям, которые ему ближе по происхождению, по месту жительства и т.д.

В последние годы в национальном составе мусульманского духовенства появились новые тенденции. Это в первую очередь связано с тем, что в регионах традиционного проживания татар активно формируются мусульманские общины из представителей Средней Азии и Кавказа, которые, будучи более религиозными, чем татары, в мечетях оказываются в большинстве и, соответственно, пытаются заменить имама на представителя своей нации.

В связи с этим количество татарских имамов постепенно сокращается, татарский язык перестает быть языком проповедей в исконно татарских мечетях. Этот процесс С. Градировский назвал формой вовлечения ислама в общероссийскую идентичность, новой тенденцией создания общероссийской и в значительной степени – русскокультурной, мусульманской идентичности, поскольку «большинство городских мечетей сегодня наполняются мусульманами разных национальностей». Данный процесс, по утверждению С. Градировского, происходит сам по себе в силу объективных причин, его никто специально не проектирует и никто специально не развивает. Но при этом нельзя не обратить внимания на то, что ситуация намного сложнее. В. Якупов отмечает, что «в большинстве городских российских мечетей, кроме Татарстана и Башкортостана, язык проповедей меняется на русский... И если ничего не предпринимать, может вскоре получиться так, что ислам в России перестанет быть татарским, т.е. татароязычным». И самое печальное, по утверждению В. Якупова, что «этому процессу способствует и то, что во многом татарская молодежь русскоязычна и заражена салафитскими и ваххабитскими идеями с их отрицанием национального компонента вообще. Таким образом, зачастую в мечетях по вине самих молодых татар татарская речь становится запретной». В. Якупов считает, что значительный вклад в ликвидацию татароязычных мечетей вносят представители татарской интеллигенции, которые «озабочены лишь реформацией Ислама, т.е. весь смысл их усилий сводится к идее сконструировать “Ислам” без намаза, без молитвенных обязанностей. Эти призывы существенно замедляют реисламизацию татар, которые, отказываясь от намаза, покидают мечети, а их немедленно захватывают... южные коллеги». Нельзя не согласиться с мнением В. Якупова о том, что эти «процессы очень опасны для самой будущности татарской нации, для сохранения ее этнической составляющей... Без такого необходимого центра консолидации, как мечеть, собрать и сохра-

нять народ очень проблематично». Он приводит и шариатское обоснование сохранения в мечетях татарского языка: «Мечети являются по сути вакуфным имуществом, т.е. недвижимостью, пожертвованной на пути Ислама. Известно, что наши предки до революции жертвовали деньги именно для татароязычных мечетей и их воля должна быть священной и для нынешних пользователей этих зданий мечетей».

Приведут ли эти изменения к трансформации религиозной идентичности? Безусловно, поскольку в ее сферу вторгается фактор, который С. Градиловским обозначен как язык коммуникации. Татарский язык как язык идентичности постепенно отодвигается на второй план. Не ускорит ли это ассимиляционные процессы? Сможет ли ислам выступить в этой ситуации сдерживающим фактором процессов радикализации? Здесь еще раз уместно напомнить о том, что именно в рамках ханафитского мазхаба «татарский» ислам функционировал с довольно заметным этническим компонентом, который помог ему выстроить гибкую модель, сочетающую приспособляемость и выживание. Модернизированный «чистый» ислам, усердно освобождающийся от мазхабических традиций, пренебрежительно относящийся к этническому компоненту и не признающий систему обычаев и обрядов, сможет ли он внести свою лепту в формирование новой идентичности татар? Скорее всего, нет.

О состоянии современного духовенства можно судить, исходя из результатов экспертного опроса (40 интервью), проведенного автором статьи с представителями мусульманской элиты Поволжско-Уральского региона в 2004 г. Для иллюстрации можно привести ряд суждений по вопросам, которые имеют отношение к данной теме.

1. Кого Вы считаете наиболее авторитетными учеными в области мусульманского богословия? Какие их труды являются наиболее авторитетными для Вас?

Анализ ответов на этот вопрос дает возможность убедиться в том, что современное мусульманское духовенство в основной своей массе не получило полноценного религиозного образования. Перечисление нескольких случайных имен ученых четко иллюстрирует наличие пробелов в богословском образовании. Среди ученых довольно часто встречаются имена Абу Ханифы, аль-Газали, из современных – Юсуфа Кардави и Харуна Яхъя. Наиболее авторитетными из татарских ученых считаются Р. Фахретдинов, Ш. Марджани и М. Бигиев. Этот перечень имен, к сожалению, не

дает возможности судить о богословских пристрастиях духовенства. Наоборот, остается впечатление случайности, спонтанности теоретических суждений. Этот вывод подтверждают ответы и на другие вопросы.

2. Какого мазхаба в России в основном придерживаются? Актуально ли сегодня вопрос мазхабов для возрождения ислама в России?

Ответы на этот вопрос можно разделить на три типа: 1) в России в основном придерживаются ханафитского мазхаба, а вопрос мазхабов в целом для возрождения ислама не актуален; 2) проблема мазхаба актуальна как историческая традиция. Но ситуация изменилась, сейчас мазхабы друг у друга что-то перенимают. У нас пока нет ученых, которые могли бы проделать эту работу, поэтому надо быть выше деления на мазхабы; 3) мазхаб – это метод решения религиозно-правовых проблем, поэтому он очень актуален.

Как видно, отношение к мазхабам, особенно в определении их места в процессе религиозного возрождения, наглядно показывает отсутствие единства в его осмыслении. Это свидетельствует в первую очередь о том, что богословско-правовой аспект религиозного возрождения считается пока не самым актуальным. Но в рамках какого богословско-правового пространства должна формироваться обрядовая система татар-мусульман? Можно ли ее формировать без учета особенностей мазхабов? Пожалуй, над этими проблемами задумывается лишь незначительная часть духовенства. Большая же часть наивно предполагает, что ислам можно возрождать путем пропаганды его основных идей без какой-либо правовой основы. Но нельзя забывать, что мазхабы – это многовековая история и традиции, которые невозможно игнорировать. А игнорирование традиционного для татар мазхаба вовсе не приведет к его исчезновению, скорее всего произойдет процесс замены его другим мазхабом.

Неоднозначность отношения к суфизму в ответах – от отрицания его роли до рассмотрения его как традиции и признания его перспектив в исламском возрождении – также налицо. Ответы объединяют абстрактность суждений, незнание местного материала и особенностей суфизма в регионе. Только в четырех анкетах названо имя одного из крупнейших представителей татарского суфизма – Зайнуллы-ишана Расулева. Другие представители суфизма ни разу не указаны, между тем суфизм в регионе имел свою бога-

тую историю и сыграл довольно заметную роль в сохранении ислама в Среднем Поволжье.

Во многом схожими оказались ответы на вопрос: «*Как Вы относитесь к политическим партиям и движениям?*» Их роль в возрождении ислама признается незначительной, респонденты предложили держать дистанцию с политическими партиями. Такая единомышленная позиция духовенства свидетельствует о том, что процесс политизации ислама в Татарстане находится в зачаточном состоянии, а ее целесообразность не признается. Нет понимания того, что для национального возрождения очень важна консолидация всех сил общества. Отсутствует понимание того, что сегодня религия в обществе представлена в основном как элемент национального самосознания (около 80% опрошенных в 2002 г. молодых людей до 30 лет считали себя верующими, но только 4% из них выполняли все обряды). Не является ли это серьезным предупреждением о необходимости проработки новых подходов в работе с молодежью с учетом ее представлений об исламе? Безусловно, да. Но духовенство не просто игнорирует, но и пренебрежительно относится к возможному сотрудничеству с политическими и общественными организациями. Правда, этих организаций и движений в Татарстане почти не осталось. Но есть Всемирный конгресс татар, с которым сотрудничество только налаживается.

Отношение к нетрадиционным религиозным течениям в ответах в основном также благостно-спокойное. Утверждается, что их роль и влияние преувеличены, они не несут какой-либо угрозы для традиционного ислама в регионе. Итак, мусульманское духовенство региона пока живет представлениями, сформировавшимися во второй половине 1990-х годов. Оно только сейчас приближается к новому этапу религиозного возрождения. От того, насколько быстро оно сможет осознать необходимость кардинальных перемен, зависят темпы и характер религиозного возрождения в России.

Рядовые верующие

Самостоятельным субъектом любой политики рядовые верующие мусульмане выступали довольно редко, поскольку их интересы в основном выражаются через общину, особенно ее первичной ячейкой – махалля. В традиционном мусульманском обществе довольно редко можно было встретить ситуацию, когда политическая деятельность прихожан приобретала отличные очер-

тания. Мотивы политического участия у них формировались под непосредственным влиянием имама, который среди верующих практически всегда пользовался большим авторитетом. В конце XX в. ситуация кардинально изменилась. В рамках возрождения ислама идет процесс формирования первичных ячеек мусульманских общин – махалли. Но они еще не играют заметной роли в жизни верующих в том или ином районе компактного проживания мусульман. Имам сегодня авторитет только в сфере выполнения религиозных обрядов, на другие сферы организации жизни прихожан его влияние практически не распространяется. Поэтому теоретически рядовые верующие самостоятельно могли бы выразить свою политическую позицию. Но этого не происходит, поскольку сегодня для основной массы верующих ислам является системой обрядов и элементом национального самосознания. А их политические интересы и политическое поведение формируются за пределами их религиозных представлений. Как утверждают социологи, сегодня можно констатировать тесное переплетение разных форм самосознания: религиозного, конфессионального, этнического. При этом религиозность выступает своеобразной формой этноконфессионального и этнонационального самосознания.

Возможно, поэтому современный верующий татарин больше идентифицирует себя с нацией, чем с мусульманской уммой. Правда, и эта сфера подвержена непростым трансформациям. Как уже было сказано, из сферы национальной идентичности уходит татарский язык. Система обычаев и обрядов воспринимается довольно упрощенно, вырастает новое поколение татар-мусульман, которое воспитано на чуждых для своего народа религиозных ценностях. Поскольку радикализация происходит в основном только в рамках богословских представлений, то для органов власти нет серьезных оснований, чтобы предпринять какие-либо меры по отношению к этим общинам. Официальные исламские институты в лице духовных управлений этой проблемой также практически не занимаются, они сами далеки от традиционных для мусульман региона исламских ценностей. Будучи оторванными от многовековых богословских традиций мусульман своего региона, основная часть современных мусульманских лидеров не могут смотреть на чуждые традиции критически, поскольку не знают других ценностей, на которые можно было бы опираться.

Мусульманские средства массовой информации и издательская деятельность

Мусульманские периодические издания в России начали выходить в начале 1990-х годов. Сегодня выходит более 30 газет и журналов и работает более десяти интернет-сайтов. Наиболее крупными являются газеты «Иман» (Казань), «Ислам нуры» (Набережные Челны), «Ислам минбаре» (Москва), «Современная мысль» (Москва), «Мусульманский вестник» (Саратов), «Рисалят» (Уфа). Большинство изданий принадлежит религиозным объединениям и общественным организациям. В связи с тем, что религиозная журналистика только возрождается, уровень мусульманских изданий довольно низок. В них мало аналитического материала, информативный блок страдает однобокостью, практически больше половины материала составляет информация из различных сайтов, публикации в основной массе посвящены описанию или толкованию религиозных обрядов, очень ограничен круг авторов, что сужает проблематику изданий. Мусульманские средства массовой информации еще не заняли свою нишу в процессе формирования общественного мнения. Возможно, это в первую очередь связано с тем, что они еще не стали самостоятельным источником политической информации.

Издательская религиозная сфера в Татарстане, нужно признать, является, по сравнению с другими регионами, наиболее развитой. Но тем не менее особую озабоченность вызывает учебно-методическая литература, которая издается и используется в качестве учебников в мусульманских учебных заведениях. За 20 лет существования мусульманских учебных заведений в Татарстане практически не подготовлен ни один учебник, написанный с учетом местных ханафитских традиций. Вся учебная литература, используемая в учебных заведениях, – переводная и совершенно не учитывает особенности ислама в Среднем Поволжье. У шакирдов, обучающихся по этим учебникам, формируют убеждение о том, что у местных мусульман не было соответствующих учебников и, соответственно, своей богословской мысли, хотя известно, что татарские богословы по всем основным разделам исламской догматики писали блестящие учебники, которые до сих пор используются в республиках Центральной Азии и на Кавказе. Но о них в регионе преподаватели религиозных учебных заведений не знают и не проявляют какого-либо интереса к ним.

Общественно-политические организации и движения

Возвращение ислама в общественную и духовную жизнь общества во многом связано с деятельностью общественно-политических организаций и движений, которые в современных условиях играют значительную роль в формировании массового сознания. Правда, характер и уровень их влияния на этот процесс обусловлены многими факторами. Что касается ситуации в Татарстане, то нужно иметь в виду несколько моментов. Во-первых, влияние национальных общественно-политических организаций и движений на массовое сознание даже в период подъема национального движения в 1989–1992 гг., по утверждению социологов, было незначительным. Так, в августе 1991 г. сторонниками Всетатарского общественного центра (ВТОЦ) себя считали 6%, партии «Иттифак» – 2,5% опрошенных. Во-вторых, в период подъема национального движения в программных документах таких наиболее влиятельных национальных организаций, как ВТОЦ, «Иттифак», исламский компонент носит декларативный характер и сводится в основном к признанию его роли в сохранении общечеловеческих ценностей, к одной из основ национальной культуры и нравственного здоровья народа. А когда интерес к исламу со стороны национальных организаций возрос, национальное движение вступило в полосу кризиса (который продолжается и по сей день), а его влияние на общественно-политическую жизнь общества уже сводилось к минимуму.

В конце 1980-х – начале 1990-х годов общественно-политические движения и партии уточняли и конкретизировали свое отношение к исламу. Не последнюю роль в этом сыграло то, что в период своего подъема татарское национальное движение было озабочено идеями национальной государственности, которая даже у радикального крыла национального движения (например, у партии «Иттифак») носила ярко выраженный светский характер. В рамках духовного возрождения татарского общества проблема религиозного обновления рассматривалась декларативно, место ислама в процессе национального возрождения не было четко определено. Только начиная с середины 1990-х годов, когда начался спад и кризис национального движения, эта проблема оказалась в центре внимания его лидеров. Но, как легко заметить, акценты уже несколько смещены: не определение места ислама в духовном воз-

рождении татарского общества, а попытка использовать исламский фактор в укреплении своей пошатнувшейся позиции.

Итак, татарское национальное движение в лице его крупнейших представителей не смогло оптимально использовать исламский фактор в реализации своих целей. Кризис, который переживает это движение, стал причиной его радикализации, что, безусловно, еще дальше отдаляет его от возможности разумного применения богатого опыта, присущего татарскому обществу в области государственно-конфессиональных отношений.

Академические научные круги

Исламоведение и мусульманское богословие в Татарстане за годы советской власти практически потеряли свои многовековые традиции. Даже в тех немногочисленных исследованиях по исламу, которые появлялись в СССР, история ислама в Среднем Поволжье практически не рассматривалась. Дело в том, что в тот период в отечественном востоковедении традиционно существовали два подхода к изучению ислама. Во-первых, исследователей ислам привлекал как важнейшая составляющая общественно-политической жизни мусульманских государств, без научного осмысления которого невозможно было проводить продуманную внешнюю политику Советского государства в том или ином регионе мусульманского Востока. Было написано очень много трудов по истории и духовной культуре отдельных мусульманских государств, регионов (Ближнего Востока, Юго-Восточной Азии, Центральной Азии и др.), где исламский фактор рассматривался как важнейший элемент общественно-политической жизни. Во-вторых, хотя и изредка, но появлялись труды, продолжавшие лучшие традиции европейского и отечественного исламоведения. Однако, по установившейся в мировом востоковедении традиции, исследователи ограничивались преимущественно классическим исламом и практически не рассматривали период Нового и Новейшего времени. При этом в основном исходили из того, что тюркский мир, тем более Поволжье, является периферией мусульманской цивилизации и поэтому не представляет большого интереса для изучения классического ислама.

Если эти тенденции проецировать на изучение «поволжско-го» ислама, то можно увидеть, что ни с точки зрения формирования «большой» политики, ни в плане изучения различных аспектов классического ислама он не привлекал внимания специалистов.

Поэтому вполне естественно, если не считать атеистических исследований, что в Советском Союзе ислам изучался в приграничных с другими мусульманскими государствами зонах (Средняя Азия, Кавказ), а центральные регионы страны практически оказались за пределами научных интересов исламоведов.

В постсоветском Татарстане в исламоведении наметились новые тенденции. С одной стороны, это связано с созданием структур, изучающих ислам (отдел исламоведения в Институте истории АН РТ, Институт востоковедения в Казанском университете, Российский исламский университет), а с другой – с формированием новых методологических подходов в исследовании ислама. Один из них – стремление преодолеть известную ограниченность, выражавшуюся в рассмотрении религии как замкнутого феномена, мало подверженного внешним воздействиям, в том числе и политическим. Возрос интерес к российскому исламу. Еще рано говорить о том, что методологические стереотипы, идеологические и психологические предубеждения, сложившиеся за годы советской власти по отношению к исламу, окончательно преодолены. Ислам в России, превращающийся в важнейший фактор ее внутренней и внешней политики, сегодня изучается в основном историками и политологами, преобладает выявление характера влияния ислама на общественно-политическую жизнь того или иного региона или государства в целом. Анализ ислама как этноконфессионального и культурного феномена в истории России и ее мусульманских народов не стал заметным явлением в отечественном исламоведении.

В Татарстане до сих пор преобладают традиционные методологические подходы. Такие явления, как джадидизм, кадимизм, татарский мусульманский реформизм, все еще нуждаются в серьезных исследованиях. Самым слабым местом исследований по исламу является их источниковедческая база. Имеющиеся источники, написанные на арабском языке, со сложным богословским содержанием, еще малодоступны, скорее всего, из-за непривычного понятийного аппарата. Татарские ученые, воспитанные на традициях казанской школы истории общественной мысли, до сих пор рассматривают ислам в контексте развития прогрессивной философской мысли, не анализируя татарское традиционное общество, которое во многом формирует общественное сознание.

Если исламоведение делает первые робкие шаги в возрождении былых традиций, то мусульманское богословие практически остается совершенно незатронутой сферой. Деятельность Российского исламского университета и получение им лицензии по бого-

словую несколько обнадеживают, но это еще дальняя перспектива. Итак, в государственно-исламских отношениях в Татарстане основные действующие лица обозначены, они во многом определили свои позиции, мировоззренческие установки, сферу своей политической деятельности. Но эти действующие лица еще не сформировали полноценные политические принципы, которыми они могли бы руководствоваться в своей деятельности. Поэтому их политическое поведение еще не позволяет свести разнообразные проявления политической деятельности к системе отдельных действий, которую в данном случае мы называем конфессиональной политикой.

*«Политэкс: Политическая экспертиза»,
СПб., 2010 г., Т. 6, № 2, с. 58–72.*

О. Цветков,
востоковед
**АДЫГСКИЙ (ЧЕРКЕССКИЙ) ВОПРОС
НА КАВКАЗЕ**

Термином адыгский (черкесский) «вопрос» можно условно объединить наиболее актуальные для адыгских (т.е. адыгейских, кабардинских и черкесских) этнических активистов проблемы, которые в форме политически окрашенных требований активно транслируются ими в публичное социально-политическое пространство и находят сочувствие и отклик в адыгской этнической среде. Содержание адыгского «вопроса» легко фиксируется посредством наблюдения над событиями в Адыгее, КБР и КЧР и анализа соответствующей общественно-политической риторики. По состоянию на середину 2010 г., в основное содержание адыгского «вопроса» входили:

– требования к РФ официально признать геноцид адыгов, который, с точки зрения части адыгов, был осуществлен Россией в годы Кавказской войны (1817–1864). Инициативы этнических активистов по признанию геноцида зарубежными странами и организациями;

– требования о переселении в РФ зарубежных адыгов (потомков покинувших пределы своей исторической родины адыгов вследствие Кавказской войны), облегчения процедуры получения вида на жительство в РФ и вступления в российское гражданство,

создания благоприятных условий для адаптации переселившихся в РФ;

– требования части черкесов (КЧР) по проведению «справедливой кадровой политики», обузданию «карачаевской этнократии», образованию Черкесской автономной области и ее выделению из состава КЧР;

– вопрос об образовании укрупненного «адыгского» субъекта РФ, который объединил бы Адыгею, КЧР, КБР и, возможно, части территорий Краснодарского и Ставропольского краев;

– требования части кабардинцев (КБР) по сохранению контроля над «кабардинскими землями», недопущению их передачи в состав муниципальных поселений с преимущественно балкарским населением.

Социально-политические и этноидеологические процессы, обусловленные адыгским «вопросом», не нейтральны по отношению к государству, национальной безопасности и состоянию межэтнических отношений. Адыгский «вопрос» требует изучения и адекватного «ответа». Степень актуальности указанных проблем различается в Адыгее, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии. Так, например, согласно проведенному в Адыгее весной 2010 г. социологическому исследованию, явно доминирующей в этническом сознании квалификацией Кавказской войны является ее определение как геноцида. Такой точки зрения придерживаются 74% от числа опрошенных. Однако при этом каждый пятый (20%) затруднился сформулировать свое мнение. 5% респондентов полагают, что квалифицировать Кавказскую войну как геноцид неправомерно. На вопрос о том, следует ли добиваться официального признания геноцида адыгов, 64% опрошенных адыгов сказали «да»; 10 – «нет»; 26% – «затрудняюсь ответить».

Принятие решения о проведении в 2014 г. Олимпийских игр в Сочи актуализировало в адыгской среде вопрос о ее моральности. В этническом сознании Сочи (и поселок Красная Поляна) ассоциируются с поражением адыгов в «Русско-Кавказской войне» и «геноцидом» адыгов. Часть адыгских организаций выступает против проведения Олимпиады «на костях» горцев, павших за «независимость Черкесии». Однако на вопрос о том, «как Вы относитесь к проведению Олимпиады в Сочи?», 62% респондентов ответили «хорошо»; 25 – «нейтрально» и только 11% сказали «плохо». Практически все этнические активисты едины в требованиях признать геноцид. В годы Кавказской войны адыги на самом деле понесли значительные потери, которые в силу причин идео-

логического характера были явно и сознательно недооценены советской историографией. По мнению современных адыгских историков, в годы этой войны численность адыгов сократилась на 95%. Характерное для этноисториков утверждение о сокращении численности адыгов на 95% нуждается в проверке. Численность адыгов в годы Кавказской войны и в период, непосредственно предшествующий ей, не поддается точному определению. Переписи населения не производилось. Имеются только отдельные, весьма приблизительные российские данные и оценки. Собственных адыгских данных того времени не существует.

Интерпретация Кавказской войны как геноцида является в республиках доминирующей. О нем написаны книги и множество статей. Идеи «геноцида» и его последствий проникли в учебные пособия и в образовательные процессы. На протяжении последних примерно 20 лет для многих представителей адыгской интеллигенции и этнических активистов идея борьбы за признание геноцида была и остается чем-то вроде жизненной сверхзадачи. А риторика о геноциде отличается высочайшей эмоциональной насыщенностью, жесткой непримиримостью к иным точкам зрения и оценкам. В периодической печати (региональный еженедельник «Северный Кавказ», газета правительства Адыгеи «Советская Адыгея», газеты на национальных языках) участники общественных организаций, научные деятели публикуют статьи о том, что руководству РФ необходимо признать геноцид и минимизировать негативные последствия Кавказской войны XIX в. В разной степени за это выступают участники объединений «Адыгэ Хасэ» КБР, КЧР, Адыгеи, Краснодарского края и Республики Абхазия, «АХПАШ» Краснодарского края, «Международной черкесской ассоциации», организаций «Черкесский конгресс» КБР, КЧР и Адыгеи, «Молодежное Адыгэ Хасэ» КЧР, «Всемирное адыгское братство», «Хасэ» КБР, а также представители зарубежных диаспор («Черкесский культурный институт», «Общество друзей Кавказа», черкесские благотворительные общества и др.).

Слова о геноциде звучат на различных массовых мероприятиях. Например, на траурных митингах, посвященных очередной годовщине со дня окончания Кавказской войны, которые ежегодно 21 мая проводятся в Адыгее, КБР и КЧР и за рубежом. В 90-е годы XX в. парламенты Адыгеи и КБР приняли Обращения к руководству РФ, призывающие его официально признать геноцид. По состоянию на середину 2010 г., данные Обращения не были дезавуиро-

ваны и продолжают служить этническим активистам аргументом, питающим их активность, направленную на признание геноцида.

Тема геноцида адыгов вышла за пределы РФ. В октябре 2006 г. 20 адыгских общественных организаций из девяти стран мира (России, Турции, Иордании, Израиля, США, Бельгии, Канады, Германии, Сирии) направили Обращение по признанию факта геноцида адыгов (черкесов) в Европарламент. «Россия ставила целью не только захват территории, но и полное уничтожение либо выселение коренного народа со своих исторических земель. Иначе нельзя объяснить причины нечеловеческой жестокости, проявленной российскими войсками на Северо-Западном Кавказе», – говорится в нем.

Признание геноцида активно лоббируется зарубежной адыгской диаспорой, члены которой проводят митинги и пикеты у зданий зарубежных российских представительств, офисов международных организаций, в период проведения международных мероприятий (например, на Олимпиаде в канадском Ванкувере). В марте 2010 г. в Тбилиси была проведена конференция, участники которой обратились к парламенту Грузии с призывом официально признать геноцид.

Убежденность части адыгов в геноциде способствует формированию у некоторых из них реваншистских идей по «деокупации Черкесии». Наиболее активно такие, по сути националистические и сепаратистские, идеи распространяются в Интернете. Так, например, в нем можно найти Обращение «Мы за восстановление независимости Черкесии!», «Декларацию нации государства Черкесия», проект виртуального государства Черкесия, призывы к бойкоту Олимпиады-2014 г. в г. Сочи и др.

Примерно с 2008 г. в деятельность адыгских движений стала активно вовлекаться национальная молодежь Москвы, КБР, КЧР, Адыгеи, Ставропольского и Краснодарского краев. Прослеживаются тенденции ее радикализации, создания неформальных общественных объединений ярко выраженной протестной направленности («Форум черкесской молодежи» и др.). По образному выражению Андрея Епифанцева, много пишущего на адыгские темы, увеличивается число молодых людей с «пеплом сожженных аулов в сердцах».

Однако их число нельзя преувеличивать. Анализ этнонационалистических форумов в Интернете и СМИ, визуальное наблюдение над массовыми мероприятиями, социологические опросы

свидетельствуют, что доля адыгских радикалов, хотя и постепенно растет, все-таки пока остается явно низкой.

Как указывалось выше, актуализированность в адыгском этническом сознании проблемы геноцида привела к полемике вокруг запланированного на 2014 г. проведения Олимпийских игр в Сочи, появлению ее публичных оценок как кощунства над памятью павших за независимость Черкесии горцев. Проведение Олимпиады имеет еще один важный аспект. Она будет проводиться в непосредственной близости от Абхазии, не признанной в качестве независимого государства большинством государств мира, в том числе и ближайшими союзниками РФ. Участие спортивных команд государств, не признавших Абхазию, в сочинской Олимпиаде будет как бы легитимировать независимость Абхазии и тем самым противоречить интересам Грузии, стратегической союзницы США и других стран Запада на Кавказе. Поэтому геополитические конкуренты РФ способны обусловить свое участие в Олимпиаде теми или иными требованиями к России, в том числе и к ее кавказской политике. При этом явно или неявно могут быть использованы российские и зарубежные адыгские организации, выступающие против Олимпиады. На возможность таких стратегий указывают соответствующие публикации зарубежной прессы.

Требования признать геноцид наносят ущерб международному авторитету РФ. Они привносят напряжение в межэтнические отношения русских (потомков солдат Российской армии, осуществившей «геноцид») и современных адыгов («жертв геноцида»). Эти требования содержат в себе также интенции «возмещения ущерба», что наносит вред идеям равенства людей, независимо от их национальности. Они плохи и тем, что вырабатывают у адыгов комплекс жертвы.

Таким образом, актуальным является поиск адекватного «ответа» на адыгский «вопрос» о геноциде. По своей сути этот «ответ» может сводиться, с одной стороны, к признанию того, что Кавказская война в силу разных обстоятельств нанесла адыгам большой урон и, с другой стороны, к разъяснению массовому сознанию того, что действия войск Российской армии в годы этой войны неправомерно квалифицировать как геноцид.

На самом деле Кавказская война не подпадает под официальное определение геноцида, которое содержится в Конвенции ООН о предупреждении преступлений геноцида (1948). Оно гласит: «Под геноцидом понимаются <...> действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо

национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую» (курсив мой. – *О.Ц.*). Очевидно, что Кавказская война не велась с намерением уничтожить адыгский народ как таковой, а имела другие цели. Россия не ставила цели уничтожить черкесов тотально, а давала им выбор – либо «замириться» и принять все права российского гражданства, либо уехать в Турцию и даже получить для этого «подъемные» деньги. Исторические источники свидетельствуют также, что Российская империя привлекала адыгов на свою сторону, давала им возможность получения образования, службы в армии, в том числе и в качестве офицеров. Известно, например, что немалое количество адыгов принимало участие в Кавказской войне на стороне Российской армии. Все это вряд ли можно назвать геноцидом, и, как писал один авторитетный журнал, «все эти аргументы против признания геноцида адыгов вполне доступны, и федеральные власти давно могли бы их использовать в разговоре с адыгскими национальными организациями». В массовое сознание необходимо также внедрять формулу о том, что «несправедливости настоящего не могут исправить несправедливости прошлого» (В. Тишков). Желательно также чаще обращать внимание на то, что помимо Кавказской войны в истории отношений адыгов и России было много сюжетов союзнического и дружественного характера.

В адыгской этнической среде имеют также хождение идеи о том, что современная Россия якобы препятствует переселению в РФ зарубежных адыгов. Они не вполне справедливы. Принимаемые в настоящее время поправки в Закон РФ «О государственной политике РФ в отношении соотечественников за рубежом» дают возможность зарубежным адыгам приобрести статус «соотечественника за рубежом» и тем самым получить преференции по получению вида на жительство в РФ и вступлению в российское гражданство. Данное обстоятельство также необходимо разъяснять массовому этническому сознанию. До него также необходимо доводить тот факт, что численность желающих переселиться в РФ зарубежных адыгов критически мала. Так, например, в Адыгее квота на выдачу иностранным гражданам и лицам без гражданства разрешений на временное проживание в РФ на 2009 г. составляла 1965 человек. При этом 1650 человек, или 83% квоты, было зарезервировано за представителями адыгейской зарубежной диаспоры. Однако эта квота практически не была заполнена.

Кроме того, массовому этническому сознанию необходимо также доносить и информацию о том, что многие зарубежные ады-

ги, переселившись в РФ, вскоре уезжают из России в страны с более высоким уровнем и качеством жизни. Составной частью адыгского «вопроса» является проблема черкесов в КЧР. С точки зрения черкесских активистов, власть между карачаевцами и черкесами разделена несправедливо. Они полагают, что во всех сферах неправомерно доминирует карачаевская «этнократия». Поэтому лучший способ решить черкесскую «проблему» – это размежеваться с карачаевцами территориально и административно. Требование образовать Черкесскую область путем ее выделения из состава КЧР выдвигалось неоднократно. В последний раз оно было выдвинуто в резолюции съезда черкесов, состоявшегося в Черкесске 5 июня 2010 г. При этом использовались ссылки на то, что до 1957 г. на самом деле существовала Черкесская автономная область в составе Ставропольского края.

Выдвижению требования «воссоздания» Черкесской АО предшествовал всплеск активности адыгских организаций. В 2008–2009 гг. лидеры организаций «Адыгэ Хасэ», «Черкесский конгресс», «Хасэ», «Всемирное адыгское братство», «Молодежное Адыгэ Хасэ» и «Адыгэ Хасэ» Абхазии привлекли молодежь к организации и проведению в КБР и КЧР ряда протестных митингов. Их целью было оказание давления на органы власти КЧР по кадровым вопросам и по улучшению положения черкесского этнического меньшинства (его доля в населении республики немногим выше 11%). Одним из главных поводов для этих выступлений стало назначение на должность Председателя Правительства КЧР В. Кайшева, грека по национальности. С точки зрения черкесских активистов, это назначение нарушило «этнический баланс», поскольку должность премьера неформально закреплена, как они считали, за черкесами.

Тематика черкесского протеста в КЧР быстро выплеснулась за пределы вопроса о национальности премьера и вылилась в стремление образования автономной Черкесской области в статусе республики в составе РФ. В резолюции, принятой Чрезвычайным съездом черкесского народа, состоявшимся 5 июня 2010 г., в частности, говорится: «Подтвердить принятое ранее решение о восстановлении Черкесской автономной области в статусе республики в составе Российской Федерации». В ней предусмотрен также «переходный период» «восстановления» АО, содержится утверждение верности принципу «равенства народов», сформулирован призыв к «абазинскому, ногайскому, русскому народу и казачеству» поддержать решения съезда о восстановлении Черкесской

АО и отдельный призыв с просьбой поддержки восстановления АО к адыгам России и зарубежья. Резолюция заключается словами о продлении полномочий Чрезвычайного съезда черкесского народа вплоть до восстановления Черкесской автономной области.

После небольшой паузы органы государственной власти КЧР, большинство этнических (не черкесских) общественных организаций публично высказались в том духе, что они негативно относятся к идее образования Черкесской АО и считают ее несоответствующей интересам народов КЧР. «Подача» осталась на стороне черкесских этнических активистов, а конфликт из манифестной фазы перетек в латентную. Тем не менее весьма вероятно, что при сохранении существующего положения вещей, требования черкесов КЧР образовать «свою» республику возобновятся. На этнически фрагментированном Северном Кавказе, где борьба политических партий и идей подменена конкуренцией этнических групп, риски периодического воспроизводства ситуации этнического размежевания весьма высоки. Купировать эти риски можно усилением внимания государства к справедливому разделению власти, а также другими мерами, восходящими к принципам деполитизации и «демобилизации» этничности.

Исходя из того, что в основе межэтнических проблем КЧР, как и большинства других республик, лежит фактическая разница статусов этнических групп, т.е. неравность их доступа к властным, финансовым, информационно-культурным и иным ресурсам, а также неравные возможности вертикальной социальной мобильности, целесообразно проводить работу по их выравниванию. Особое внимание необходимо уделять кадровой политике. Недостаточно просто отбирать на должности наиболее достойных кандидатов. Необходимо каждый раз убеждать еще и общество в том, что отобранный кандидат и является наиболее достойным. Это несколько ослабит недовольство людей подбором кандидатов по этническому признаку. Необходимо также развеять бытующее убеждение в том, что этническую самобытность и культурное развитие способна гарантировать исключительно «собственная» этническая «государственность». Федеральная власть должна показать, что она способна эффективно реагировать на этнические запросы как доминантных, так и не доминантных для республик этнических групп.

Тем не менее, как представляется, даже при проведении грамотной внутренней политики и принятии выверенных решений в обозримой перспективе в КЧР вряд ли удастся «полностью ре-

шить» межэтнические проблемы. Полностью и «окончательно» сделать это не удавалось нигде и никому. Речь может идти лишь о перманентном их урегулировании, смягчении межэтнической конкуренции и купировании попыток публичных и теневых игроков использовать для достижения своих целей этнический ресурс. Адыгские активисты из разных республик консолидируются также по вопросам этнотерриториальных интересов, которые рассматриваются ими как стратегические. Различными адыгскими организациями приняты обращения к руководству КБР и КЧР о недопущении «аннексии адыгских земель». Земельный вопрос актуализировался в КБР в ходе введения в действие Федерального закона от 2003 г. № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Наряду с этим законом, в КБР были приняты республиканские законы «Об административно-территориальном устройстве Кабардино-Балкарской Республики» и «О статусе и границах муниципальных образований в Кабардино-Балкарской Республике». В соответствии с ними некоторые поселки, в том числе и два крупных с преимущественно балкарским населением – Хасанья и Белая Речка, – лишились статуса муниципальных образований и были присоединены к городу Нальчику. Это вызвало недовольство части балкарцев. Еще большее их недовольство вызвало введение в практику понятия «межселенных территорий», к которым были отнесены высокогорные территории их традиционного, как считает часть балкарцев, пользования (пастбища), земли культурно-исторического назначения и рекреационной зоны. А понятие «межселенные территории» как бы открывало возможность пользования этими землями «другим народам». Общественная организация «Совет старейшин балкарского народа», а также простые граждане дважды обращались в Конституционный суд РФ. Вопрос был рассмотрен этой высшей судебной инстанцией и, согласно ее решению, «выделение межселенных территорий допускается только на территориях с низкой плотностью населения».

В ноябре 2008 г. парламент КБР на своем заседании рассмотрел Определение Конституционного суда РФ и в первом чтении принял законопроект, вносящие изменения в Закон КБР «О статусе и границах муниципальных образований». Изменения коснулись границ ряда населенных пунктов с компактным проживанием балкарского населения – селений Кашхатау, Бабугент, Безенги, Верхняя Балкария, Верхний Баксан, Былым, Кенделен, поселка Эльбрус и города Тырнауз. В декабре 2008 г. парламент КБР пла-

нировал отменить межселенные земли во всех районах. Однако незадолго до этого руководители адыгских общественных организаций КБР – «Адыгэ Хасэ», «Джэ макъ», Ассоциации фермеров и арендаторов республики, Союз Абхазских добровольцев, Черкесский конгресс и Всемирное Адыгское Братство – направили президенту республики, председателю парламента и председателю республиканского правления партии «Единая Россия» открытое письмо, в котором призвали не принимать решения по земельному вопросу без открытого диалога с общественностью.

В январе 2009 г. эти же общественные организации обратились к президенту и парламентау Кабардино-Балкарии с просьбой «приостановить процедуру принятия законов», регулирующих проблему межселенных территорий, и создать согласительную комиссию для детального изучения проблемы и выработки компромиссных предложений. В мае 2009 г. новый состав парламента КБР образовал согласительную комиссию по законодательным инициативам по реализации Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ». В комиссию вошли 36 человек, на паритетной основе, которые представляли три наиболее многочисленные национальные группы, проживающие на территории республики, – кабардинцев, балкарцев и русских. В нее вошли также представители президента республики, советов местного самоуправления и общественности. Кабардинскую общественность, представлял Координационный совет кабардинских общественных организаций, балкарскую – организация «Алан», русскую – «Вече». 26–29 октября 2009 г. в Москве балкарцы организовали серию пикетов с целью обратить внимание на неисполнение властями КБР и Закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ».

31 октября 2009 г. парламента республике во втором чтении принял поправки в республиканский Закон «О границах муниципальных образований». Согласно поправкам, населенным пунктам, расположенным в восточной части КБР, были переданы земли, ранее относившиеся к «межселенным территориям». А территории горных пастбищ, расположенных в северо-западной части республики, остались в республиканской собственности. Это решение вызвало всплеск активности адыгских организаций. 17 ноября адыгские общественные организации провели митинг, на котором потребовали отменить все решения по земле, принятые в республике, и вернуть земельный вопрос к ситуации, имевшей место до

2005 г. Подобные требования в самой жесткой форме звучали также на митинге в Черкесске.

28 ноября 2009 г. кабардино-балкарский парламент решил приостановить рассмотрение законопроекта об изменении границ муниципальных образований. 28 мая 2010 г. парламент КБР внес изменения в Закон «О статусе и границах муниципальных образований в КБР», согласно которому в тексте закона понятие «межселенные территории» заменены понятием «сопредельные территории». Балкарские этнические активисты выразили резкое недовольство принятием этого закона, обвинив законодательный орган республики в том, что тот в течение трех лет не смог решить проблему.

Таким образом, частью черкесского «вопроса» стал вопрос об «этнической» принадлежности земли. Поддержанию этого вопроса в теплой, а то и в горячей фазах будут способствовать перманентная кабардино-балкарская конкуренция, а также бизнес-интересы различных фигур к землям, которые могут быть использованы как горнолыжные курорты и здравницы. Свообразную форму концентрации и усиления этнического ресурса некоторые адыгские активисты усматривают в образовании укрупненного «адыгского» субъекта Федерации, который объединил бы Адыгею, КЧР, КБР и, возможно, части территорий Краснодарского и Ставропольского краев. Это мотивируется необходимостью воссоединения «разделенного» адыгского народа, воссоздания территории исторической Черкесии. Последний раз данное требование было выдвинуто в ноябре 2008 г. по инициативе молодежи, поддержанной представителями национальной интеллигенции и общественных организаций на публичных форумах в КЧР, КБР и Адыгеи. Идея укрупненной Черкесии была поддержана затем на прошедшем в январе 2009 г. в Черкесске форуме черкесской молодежи, где были гости из КБР и Адыгеи. «Молодежь – кабардинцы, черкесы, абазины, адыгейцы, – сказал гость из Адыгеи, – четко заявила: мы один народ и должны жить в единой республике. Это соответствует праву нации на самоопределение и федеральной политике по укрупнению регионов». Как он отметил, спонсором форума выступила редакция «Nart-TV», адыгского спутникового телевидения, организованного в Иорданском королевстве.

С 2009 г. ведется активная пропаганда трех этнических проектов: «Одна нация – одно будущее», «Всемирные летние черкесские Олимпийские игры» (запланированы в КБР на 2012 г.) и «Зеленая траурная лента». Проект «Одна нация – одно будущее»

приурочен к переписи населения РФ в октябре 2010 г. и направлен на то, чтобы адыгейцы, черкесы, кабардинцы указали в переписных лицах единую национальность – «черкес» на русском и «адыгэ» на родном языке. Проект черкесских Олимпийских игр также призван способствовать консолидации на этнической основе, как и проект «Зеленая траурная лента», который должен консолидировать единство адыгов в их оценке Кавказской войны как «геноцида».

Символом адыгского единства становится регулярное использование на массовых публичных и протестных мероприятиях в г. Москве, КБР, КЧР, РА, Краснодарском крае и за границами РФ Государственного флага Республики Адыгея. В период Кавказской войны этот флаг был символом борьбы адыгов против российских войск. Флаг представляет собой зеленое полотнище, на котором изображены три перекрещивающиеся стрелы и 12 звезд. Истинный смысл символики официального флага республики расшифровала газета «Хабзэ», издававшаяся одной из этнических организаций. Вот что она писала: «Активизация военных мероприятий российских войск на Западном Кавказе в 1820-х годах вызвала глубокое беспокойство адыгов. Для совместной решительной борьбы с агрессором абадзехи, шапсуги, натухайцы и убыхи (т.е. адыгские «племена») заключили военный и политический союз. Условия союза предусматривали объединение вооруженных сил горцев, недопущение связей с русской администрацией и населением и запрет на ведение сепаратных переговоров с царским командованием. Символом единства адыгов явился переговорный флаг 1830 г., который представлял собой зеленое полотнище с 12 звездами (по числу союзных адыгских этнических групп) и с тремя перекрещенными стрелами».

Примерно с 2007 г. в Карачаево-Черкесии отмечаются факты использования этого флага при организации регулярных молодежных шествий в вечернее время по центральным улицам г. Черкесска. Аналогичные акции проводятся в Пятигорске (Ставропольский край), Нальчике (КБР), Майкопе (Адыгея), множестве других населенных пунктов «адыгских» республик. По инициативе представителей молодежи с апреля 2010 г. все российские и зарубежные адыгские организации ежегодно празднуют «Всемирный день черкесского флага», флага государства «Черкесия».

Идея укрупненного адыгского субъекта РФ несет в себе риски, поскольку масштабная перекройка административных границ неизбежно сопровождалась бы протестами этнических активистов из неадыгских этнических групп, проживающих в пределах гипотетического субъекта.

тетической «Черкесии». Она имеет мало шансов на практическую реализацию в силу сложности ее осуществления, а также в силу того, что в реальности она не находит массовой поддержки. Однако демагогическое ее использование может нанести определенный ущерб авторитету Российского государства, которое этнонационалисты могут обвинить в «злостном» и преднамеренном противодействии административному объединению «разделенных» адыгов.

Этнические активисты далеко не всегда отражают интересы этнического большинства. Однако при определенных условиях они способны превратиться из условных этнических лидеров в реальные политические фигуры и мультиплицировать угрозы безопасности межэтническому миру и общественно-политической стабильности. В период с конца 2007 по июль 2010 г. (времени написания данной статьи) эти угрозы, скорее, усиливались, нежели ослаблялись. Хотя в общем плане ситуация с адыгским «вопросом» не выглядит катастрофической или даже угрожающей, тем не менее она весьма тревожна.

Обозначилась небольшая группа радикально настроенной «непримиримой» молодежи, выдвигающей жесткие политические требования и имеющей серьезную зарубежную поддержку. Уровень общественно-политической стабильности в КЧР и КБР вновь несколько понизился (хотя в КЧР он не достиг пика напряжения 1999 г., сопряженного с выборами президента республики, а в КБР – уровня середины 2000-х годов и октября 2005 г., когда боевиками были атакованы силовые структуры в Нальчике). Усилилась роль на Кавказе глобальных (США, Европа) и региональных (Турция, Грузия и др.) игроков. Сохранялась угроза вовлечения части молодежи в радикальный исламизм. В Интернете возросло количество материалов и реплик, призывающих к «деокупации Черкесии», «свободе Кавказа», мести «Русне» (России) за исторические и свежие обиды.

На наш взгляд, властвующие республиканские элиты, а также некоторые курирующие Северный Кавказ федеральные структуры, хотя и достигли по отдельным направлениям внутренней политики успехов, не всегда оперативно и адекватно реагировали на требование минимальных трансформаций здешнего политического ландшафта, что крайне нежелательно при «ручном управлении». Возможно, это свидетельствует об излишней законсервированности отдельных управленческих и политических структур, их недостаточной приспособленности к оперативному и профессиональному реагированию на вызовы и иные возмущения среды.

Кроме того, сохранялись практики симуляций некоторых управленческих и политических процессов. Так, например, государственная «межнациональная политика» в той или иной республике могла сводиться, в основном, к организации фестивалей, концертов и выставок с участием людей разных национальностей или написанию демагогических программ. А «диалог власти и общества» – к чисто формальным встречам чиновников с лояльными им, условно говоря, общественниками.

Как представляется, стратегической задачей органов государственной власти должно стать создание для адыгской и иной кавказской (и не только кавказской) молодежи внятного, морально приемлемого, привлекательного образа будущего, ее убеждение в возможности его достижения и последующей ее мобилизации на этой основе к позитивной социальной активности. Выработка такого предложения, т.е. образа («идеи») будущего, и его трансляция массовому сознанию – задача крайне сложная. Она упирается в противостоящее привлекательному образу будущего настоящее, со всеми присущими ему «язвами». Решение этой задачи предполагает также модернизацию российской политической системы, о необходимости которой неоднократно заявлял Президент РФ Д. Медведев. Кроме того, в теоретическом плане родовым недостатком либерализма, в отличие от многих других социально-политических концепций, как раз и является «отсутствие эсхатологии», «конечной» цели.

Однако как-то решать данную задачу необходимо. Люди не могут жить без идеалов, а широкое – поверх этнических границ – социальное сотрудничество невозможно без коллективных идеальных целей. Наличие и определенное обострение адыгского (черкесского) «вопроса», как и некоторых иных этнических «вопросов», как раз и свидетельствуют о том, что усилия федерального Центра по деполитизации этничности пока не увенчались успехом. Политизированная этничность по-прежнему продуцирует конфликтность, создает иные политические риски, способные эволюционировать до уровня вызовов и угроз национальной безопасности.

*«Юг России: Проблемы, прогнозы, решения»,
Р-н./Д, 2010 г., с. 97–107.*

Алексей Малашенко,
доктор исторических наук
2020 год – ПОСЛЕДНИЙ ШАНС ДЛЯ КАВКАЗА?

Попытка заглянуть на десять лет вперед на Северном Кавказе (СК) наталкивается на целый ряд трудностей. Во-первых, в этой части Российской Федерации (РФ) постоянно действуют противоречивые, даже взаимоисключающие тенденции; во-вторых, необходимо учитывать субъективный фактор, т.е. деятельность отдельных политиков, принимающих решения. Личностный фактор в полутрадиционном кавказском обществе всегда играл очень большую, а подчас исключительную роль. По этим и иным причинам едва ли можно ожидать, что какой бы то ни было сценарий – оптимистический или инерционный (который следует считать негативным) – может осуществиться в этом регионе в полной мере. Развитие событий на СК неразрывно связано с положением дел в самой РФ, но и тут перспективы ближайшего десятилетия отличаются большой неопределенностью. Вспоминая прогнозы начала 1990-х, приходится констатировать, что мрачные предположения оказались ближе к истине: за этот период на СК произошли две войны и ряд локальных конфликтов. С другой стороны, самый трагический вариант – выход СК из состава РФ и тотальная гражданская война – все-таки не оправдался. 20 лет назад преобладали пессимистические прогнозы, речь обычно шла о том, какой кризис и каким образом будет развиваться. В 2010 г. власть предложила вариант выхода из северокавказского кризиса. «Бисценарный» подход, таким образом, в какой-то мере оправдан.

В конце 2009 г. Москва объявила о «перезагрузке» политики на кавказском направлении. Президент РФ объявил о создании нового Северо-Кавказского федерального округа (СКФО) и назначил полпредом СКФО А. Хлопонина, возродив почти угасшие надежды на улучшение ситуации в регионе. Этот шаг косвенно свидетельствовал о том, что Центр признает ошибочность прежнего курса и намерен от него отказаться или скорректировать. Создание СКФО, в который были включены регионы со схожими проблемами, дает надежду на комплексное решение, среди которых политическая напряженность, наличие вооруженной оппозиции, присутствие радикального ислама. Выбор губернатора Красноярского края А. Хлопонина в качестве полпреда определялся двумя соображениями: во-первых, его успешной работой на предыдущем посту, а во-вторых, невовлеченностью в кавказские политические

интриги. Благодаря независимости от местных элит он должен был принимать самостоятельные решения, оставаясь вне сложившихся клановых, бюрократических и коррупционных схем. Авторитету Хлопонина способствует и высокий статус вице-премьера российского правительства. Новый курс и назначение Хлопонина были изначально сопряжены с определенными издержками. Отсутствие у Хлопонина опыта работы на Кавказе является не только достоинством, но и недостатком. К тому же далеко не все северокавказские политики были согласны с созданием нового округа. Местных политиков беспокоили широкие полномочия «московского наместника» и дополнительный контроль над их деятельностью, в том числе финансовой. Особо следует упомянуть главу Чечни Р. Кадырова, который выстроил доверительные, неформальные отношения с премьером В. Путиным; для Кадырова Хлопонин – дополнительная и лично ему ненужная «промежуточная» ступень в общении с высшим руководством страны.

В экспертном сообществе мнения относительно возможности переломить ситуацию в регионе разделились. Приблизженные к власти аналитики высказываются в пользу ожидаемых и даже неизбежных позитивных перемен, тогда как независимые эксперты настроены скептически. И создание нового округа, и назначение Хлопонина они рассматривают как паллиатив: перестановка фигур вместо реальной модернизации. Официальный оптимизм в связи с СКФО и назначением Хлопонина не кажется убедительным. Скорее «новый курс» свидетельствует о том, что власть питает отчаянную надежду на то, что этот посторонний Кавказу человек волшебным образом вдруг сумеет подобрать «золотой ключик» к решению его проблем. Возникло даже впечатление, что путинско-медведевский тандем таким образом как бы уходил от ответственности за Кавказ, перекладывая ее на плечи постороннего удачливого менеджера. Тем не менее образование СКФО и назначение Хлопонина явились отправной точкой возможного оптимистического сценария. Альтернативой ему остается инерционный сценарий, т.е. по сути, тот, по которому продолжает жить СК. В начале 2010 г. могло возникнуть впечатление, что новый курс состоит из двух параллельных направлений: первое – социально-экономическое, инновационное, за успех которого отвечает полпред; второе – поддержание стабильности, борьба против терроризма, активность которого не ослабевает. Ответственность за второе направление несут силовики.

В январе 2010 г. Президент РФ Д. Медведев на встрече с главой Северной Осетии Т. Мамсуровым сказал, что «ключ к решению проблем округа и регионов, которые в него входят, заключается не в том, чтобы нагнетать страсти и постоянно тиражировать разговоры о том, что в регионе коренятся основные проблемы: преступность и терроризм... Ключ находится в социально-экономическом развитии». Тогда же президент говорил о желательности достижения первых результатов уже в 2010 г. «Хлопонинский сценарий» не предлагал детальной разработки того, как именно должен выглядеть обновленный подход к поддержанию стабильности. Между тем без выработки новых мер трудно ожидать стабилизации, а без стабилизации невозможно проводить новый социально-экономический курс.

Речь идет, во-первых, об ограничении силовой составляющей федеральной политики. Упор на силовые действия сохраняется со времени второй чеченской войны, но если в начале 2000-х годов он был оправдан, то сегодня он себя исчерпал. Спецоперации местных и федеральных силовиков вызывают неприязнь и страх у значительной части населения, способствуя росту скрытых и явных симпатий к боевикам. От силовых действий часто страдает мирное население. Чрезвычайно важно минимизировать жертвы среди гражданских лиц.

Во-вторых, важно добиться от сотрудников правоохранительных органов соблюдения закона, исключить незаконные задержания, применение пыток, запретить практику «коллективных наказаний», когда карательные меры применяются к родственникам тех, кто участвует в вооруженном сопротивлении.

В-третьих, необходимо найти какую-то форму признания радикалов как оппозиции, дифференцированно подходить к участникам протестного движения.

В-четвертых, следует постепенно создавать нормальные условия для контактов и установления диалога с инакомыслящими мусульманами, с носителями нетрадиционного ислама, включая тех, кто стоит на позициях фундаменталистской и иной идеологии. Такого рода неформальный опыт общения уже накоплен. Снижению накала страстей способствуют согласительные инициативы местных политиков, например президента Ингушетии Юнус-бека Евкурова, уже выступавшего с обращением к Хлопонину о помиловании или прощении тех, кто, уйдя в подполье, не совершил серьезных преступлений и готов вернуться к нормальной, мирной жизни.

В-пятых, важно установить практику открытых судебных процессов над участниками вооруженного подполья. Это могло бы дать власти дополнительный аргумент для обоснования собственной правоты и одновременно лишить экстремистов ореола героических борцов за справедливость.

Наконец, в-шестых, администрация должна признать допущенные ошибки, а виновные в них должны понести наказание. Это способно поднять ее авторитет в глазах населения, который сегодня невысок.

Понятно, что после многолетнего противостояния и обоюдной жестокости идти на уступки, делать упор на примирение очень трудно, тем более в условиях непрекращающейся террористической активности. Американский исследователь Г. Хан продемонстрировал динамику терактов на СК на основе анализа материалов, содержащихся в российских публикациях. В 2010 г. активность террористов не просто усилилась, но после перерыва в несколько лет вновь выплеснулась за пределы региона – в марте двойной теракт в московском метро унес жизни 40 человек. До этого, в ноябре 2009-го, на линии Москва–Санкт-Петербург был подорван «Невский экспресс». В самом регионе теракты стали чуть ли не обыденностью: в 2009–2010 гг. состоялись покушения на трех глав кавказских республик, в июле 2010 г. произошел теракт на Баксанской ГЭС в Кабардино-Балкарии. Все это указывает на то, что потенциал экстремистов, как военно-технический, так и человеческий, по-прежнему высок. В каком-то смысле их активизацию можно рассматривать как ответ на объявление новой политики Москвы на северокавказском направлении. Радикалы опасаются не ужесточения силовых методов – на жесткие методы они давно научились реагировать, – а как раз их ослабления, поскольку это ведет к маргинализации боевиков, осложняет им рекрутирование новых сторонников.

Бесполезно добиваться и полной унификации ислама под эгидой местных духовных управлений или пытаться укреплять авторитет местных духовных управлений ислама, с тем чтобы они «отваживали» мусульман региона от экстремистов. В плане богословия, а также идеологических установок ислам всегда сочетал в себе различные направления. Поэтому оптимистический сценарий предполагает даже не консенсус между различными направлениями, но перевод дискуссии преимущественно в теологические рамки. Полностью «деполитизировать» ислам невозможно. Тем более что к политизации стремятся некоторые светские политики, на-

пример Р. Кадыров. Расчет на то, что перечисленные выше меры помогут снизить напряженность, т.е. приблизить реализацию оптимистического сценария, может показаться наивным и в ближайшее время недостижимым. Риски очень высоки, и главный из них состоит в том, что подобные действия власти могут быть расценены ее противниками как проявление слабости. С другой стороны, в ближайшее десятилетие полная победа над радикальной религиозной оппозицией представляется невозможной. Главной и реальной целью, которая может быть достигнута, является ослабление протестного движения, лишение его пополнения за счет молодежи. А при разумных действиях власти теракты перестанут быть систематическими. Можно также рассчитывать, что удастся пресечь тактику ударов по инфраструктуре, которую боевики стали осваивать с 2009 г.

Инерционный сценарий подразумевает, что сохранится упор на доминирование силы, а перечисленные выше меры не будут использованы. Продолжение прежней политики (слегка исправленной) будет означать продолжение той же ответной реакции со стороны боевиков. События пойдут по кругу «вызов–ответ–вызов»; будет нарастать раздражение местного населения и неверие в то, что власти способны стабилизировать ситуацию. В мае 2010 г. Хлопонин заявил, что заинтересован принять участие в назначении любых федеральных чиновников. В его окружении уже образовался целый штат новых замов и советников из числа силовиков. Советником полпреда стал А. Еделев, остался на посту начальник Главного управления МВД РФ по СКФО Е. Лазебин. Похоже что, предоставив Хлопонину заниматься сугубо экономическими делами, Москва отдает вопросы безопасности на откуп сторонникам старой линии. Настороженность вызывают и некоторые высказывания политиков федерального уровня, в том числе Хлопонина, который заявил, что «под маской терроризма и религиозного экстремизма... пытаются работать бандиты, организованные преступные группировки, которые занимаются переделом собственности». Подобные слова на Кавказе понимают так, что «наверху» регион воспринимается как бандитское логово. В результате вероятность инерционного сценария только увеличивается.

Устранение лидеров радикальной оппозиции само по себе не дает возможности переломить ситуацию на СК. Разумеется, силовики не откажутся от подобной тактики, и мы еще не раз услышим об уничтожении предводителей боевиков и целых бандформирований. Полемика о выборе между приоритетом силы и более осто-

рожной, «мягкой», линией иногда упирается в прямо поставленный вопрос: возможно ли распространение на весь Кавказ крайне жесткой политики Р. Кадырова? Большинство политиков и экспертов полагают, что перенос чеченского опыта «умиротворения» на весь регион чреват ответным насилием и общественными потрясениями. По подсчетам Г. Хана, в Чечне в 2008 г. было убито 34, а в 2009 – 98 боевиков. В августе 2010 г. министр внутренних дел Чечни Р. Алханов сообщил, что с начала года уничтожено 48 и захвачено 128 боевиков. Точное количество воюющих против Кадырова неизвестно, зато очевидно, что они пользуются поддержкой у части населения, в том числе и в окружении самого Кадырова.

С другой стороны, и в Москве, и на Кавказе присутствует своего рода «зачарованность» успехами Кадырова, который именно благодаря своей жесткости сумел достичь относительной стабильности – в отличие от Дагестана и Ингушетии, где акты вооруженного насилия совершаются практически ежедневно. В этих республиках можно услышать, что в Чечне порядок все же восстановлен и со временем для нормализации ситуации в других республиках могут потребоваться еще более жесткие меры. В случае Дагестана это приведет к трагедии. При таком развитии событий инерционный сценарий обратится в катастрофический; нестабильность обретает глубокий хронический характер. Социальные потрясения распространятся на пока еще сравнительно благополучную западную часть региона, где для их возникновения уже сейчас сложились серьезные предпосылки. Так что чеченский опыт «замирения» остается исключением, а чрезвычайные меры связаны с необходимостью преодоления последствий двух войн. На решение социально-экономических проблем федеральной власти потребуются в лучшем случае десятилетия. Нельзя рассчитывать и на то, что по мере улучшения экономической ситуации сам по себе «рассосется» религиозный экстремизм, исчезнут противоречия между властью и обществом. Взаимосвязь политики с религией, макро- и микроэкономикой, безработицей безусловна, но отнюдь не линейна. По выражению аналитика С. Маркедонова, «терракты возникают не среди людей, которые копаются на помойках... Террористы – это не люди, у которых проблема с трудоустройством. В радикалы идут потому, что нет политической реализации». Расчет на то, что экономика является единственным «локомотивом», способным вытащить Кавказ на правильный путь, в корне неверен. К модернизации СК приходится приступать в условиях его продолжающейся демодернизации.

Оптимистический сценарий предполагает принципиальные подвиги именно в политике. Среди них основная – преодоление разрыва между обществом и властью, как местной, так и федеральной. Для этого необходима прозрачность в работе местных администраций, участие руководителей в публичных круглых столах, их доступность – возможность вступать с ними в диалог и задавать им вопросы в Интернете. Развитие событий по этому пути предполагает, что чиновники несут ответственность перед населением, более эффективно работают законодательные институты власти, активны партии, которые менее, чем теперь, привязаны к местным кланам. Созданы нормальные условия для неправительственных организаций. Под строгим контролем находится распределение финансовых средств – в первую очередь поступающих из федерального бюджета, но также и местных. В 2010 г. на конференции «Единой России» в Кисловодске депутат Ставропольской городской думы О. Тимофеева, обращаясь к премьеру, заявила, что половина денег, поступающих на обустройство СК, опять будет разворована. В. Путин промолчал. (Еще Б. Ельцин публично сетовал на то, что не знает, куда деваются выделяемые для Кавказа деньги.) Оптимистичный сценарий предполагает, что соблюдение федеральных законов поможет поставить барьер на пути «исчезновения» финансовых средств.

Только закон регулирует отношения между властью и обществом; жесткое следование ему определяет социально-экономическое развитие региона. Трудность же состоит в том, чтобы законы заработали в крайне неблагоприятных для их соблюдения условиях. Здесь главную роль играет федеральный Центр. Исполнение законов сдерживает коррупцию. Наделение Хлопонина «беспрецедентными полномочиями», по мнению начальника ГУВД по Волгоградской области А. Кравченко, также имеет целью «ликвидацию коррупционной составляющей». Уровень коррупции на СК неизбежно оказывается выше, чем в остальной России, что объясняется традиционным характером общества, привычкой рассматривать административный пост как источник материального благополучия, а также клановой системой лояльностей. Коррупция неразрывно связана с наличием теневого сектора, который еще в бывшем ЮФО, предшественнике СКФО, составлял от 40 до 60% экономики (вдвое больше, чем в России).

В 2004 г. неконтролируемые доходы в ЮФО были сопоставимы с объемом государственной помощи субъектам округа. Объем теневой экономики за последние пять лет не только не

уменьшился, но, очевидно, увеличился. Именно этот сектор, не учтенный в официальной статистике, в немалой степени обеспечивает выживаемость населения. Функционированием теневой экономики объясняется то, что в регионе не наступает экономический коллапс. Роль теневой экономики необходимо учитывать, выстраивая отношения с субъектами региона. А местные руководители, торгуясь с Центром о получении финансовой помощи, сознательно замалчивают роль теневой экономики, стараясь в глазах Москвы представить свои республики беднее, чем они есть на самом деле. Следует добиваться легализации значительной (большей?) части теневого сектора, а также, чтобы коррупция стала «предсказуемой». Подобный опыт уже есть в Чечне. Таким образом, говоря об успехе (частичном), нужно подразумевать не устранение негативных тенденций, но их ограничение и введение в определенные рамки. Тогда достижение результата представляется возможным.

Как пойдут дела при инерционном сценарии, детально расписывать не имеет смысла. Отметим лишь некоторые очевидные обстоятельства. Взаимное отторжение людей и власти будет нарастать. Законы по-прежнему не будут действовать, системная коррупция сохранится, превратившись, наряду с клановостью, в главный механизм распределения материальных ресурсов, а также административных должностей. В этих условиях теневой сектор охватывает все области экономики, а сама экономика окончательно становится «черной дырой», куда будут проваливаться деньги из федерального бюджета.

Контроль региона из Центра остается номинальным, он осуществляется за счет личных связей между представителями московской и местной элит, причем позиции последней резко усиливаются. Несмотря на возросшую самостоятельность местных элит, собственно сепаратистские тенденции остаются маргинальными и не входят в сферу за пределами «большой политики», но при этом формируется феномен «внутреннего сепаратизма», т.е. существования в рамках страны полу- или вообще неуправляемых территорий. Рано или поздно Центр осознает это обстоятельство и попробует еще раз «восстановить порядок на Кавказе», но на этом этапе масштабное применение силовых методов будет крайне болезненным и может привести к затяжному военному конфликту.

Вопрос о границах – межреспубликанских и внутри некоторых субъектов – остается до конца нерешенным. В первую очередь речь идет о границе между Ингушетией и Северной Осетией. За

последние два года усилиями президентов обеих республик при участии Центра были предприняты шаги по урегулированию территориального спора вокруг Пригородного района. Оптимистический сценарий предполагает окончательное решение данной проблемы, в принципе оно достижимо. Этому способствует нынешний консенсус осетинской и ингушской элит, а также усталость общества от постоянной напряженности: уровень взаимной озлобленности снизился по сравнению с 1990-ми годами. Взрывоопасными остаются границы между Ингушетией и Чечней, а также Чечней и Дагестаном. Однако пока местные политики явно не заинтересованы в обострении отношений, пограничный вопрос вообще не будет играть заметной роли. Если такое согласие будет достигнуто, на внутриреспубликанском уровне могут, по мере необходимости, регулироваться вопросы создания этнических анклавов; будут поддерживаться постоянные контакты с организациями, представляющими интересы этнических меньшинств. Таким образом, межэтнические противоречия в отдельных республиках уходят на периферию политической жизни, возникая лишь время от времени в результате провокаций со стороны отдельных радикально настроенных лиц.

При инерционном сценарии пограничные вопросы оборачиваются острейшими межэтническими столкновениями и дестабилизируют обстановку по всему региону. Осетино-ингушский конфликт провоцирует широкое противостояние, в которое будет вовлечена Чечня, где периодически возникают разговоры о восстановлении в советских границах Чечено-Ингушетии (при доминировании Чечни). Конфликт может также принять и религиозную форму, поскольку большинство осетин являются христианами. Восстановление Чечено-Ингушетии становится одним из главных лозунгов чеченского руководства; его амбиции возрастают, и начинают звучать требования пересмотра границ между Чечней и Дагестаном. В возобновившийся осетино-ингушский конфликт вовлекаются выходцы из Южной Осетии (кударцы), сыгравшие заметную роль в трагедии 1992 г. Реанимируется идея «Великой Осетии», т.е. создания Республики Осетия как единого субъекта в границах РФ. Среди части черкесов (помимо собственно черкесов, к ним относятся кабардинцы, адыги, шапсуги, убыхи, абхазы) вновь проявляются настроения в пользу образования Республики Черкесия в качестве отдельного субъекта Федерации. Раздаются и более радикальные призывы – к созданию «Великой Черкесии».

Возрастает напряженность в межэтнических отношениях между черкесскими народами и их соседями в Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии. Положение усугубляется тем, что оппоненты черкесов и кабардинцев из числа карачаев и балкарцев более исламизированы и в их среде действуют джамааты, которые контактируют с авторитетами из Имарата Кавказ. В результате еще более ухудшаются российско-грузинские отношения. Все это негативно сказывается на международном положении России: к упрекам в признании сепаратистов добавятся обвинения в намерении аннексировать часть грузинской территории. Российское руководство обвиняют в том, что оно не способно решать внутренние проблемы и готово идти на громадный риск ради поддержки осетин и абхазов. Пограничный вопрос легко используется самыми различными силами для раскачивания ситуации в регионе и вокруг него. Подготовка к проведению в 2014 г. Олимпиады уже привела к обострению так называемого черкесского вопроса, который, как казалось некоторым, утрачивал свою остроту. Ряд организаций черкесов выступили против Олимпиады, которая, с их точки зрения, проводится «на черкесских могилах» (в этих местах погибли и похоронены десятки тысяч мигрантов с Кавказа, покидавших Россию в XIX в.).

Оптимистический сценарий предусматривает смягчение этой проблемы и снижение напряженности, связанной с протестами черкесов. В настоящее время сохраняется возможность сдерживать страсти и не допустить, чтобы конфликт перешел в активную стадию. Для этого потребуются усилия и местных, и федеральных властей. Следует с пониманием относиться тому, что черкесские народы болезненно воспринимают некоторые эпизоды своей истории. Но одновременно не следует допускать обострения межэтнических отношений в Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии, в частности, когда дело касается распределения административных постов.

При негативном развитии событий сочинская Олимпиада становится дополнительным дестабилизирующим фактором. Если федеральная власть станет игнорировать настроения черкесов, это усугубит отрицательное отношение к Играм и спровоцирует их противников на более решительные действия. Наиболее вероятны манифестации, которые по мере приближения срока Олимпиады будут происходить все чаще. Возможна и более радикальная реакция, вплоть до террористических актов как накануне Игр, так и непосредственно в ходе их проведения. Вероятна координация

действий между Имаратом Кавказ и радикально настроенными черкесскими группами. До настоящего времени сотрудничество такого рода не наблюдалось, поскольку призыв к созданию «Великой Черкесии» на основе этнической общности противоречит главной цели руководителей Имарата – объединению Кавказа на основе ислама. Однако наличие общего противника в лице российской власти может подтолкнуть их к объединению усилий. Если подобное взаимодействие – пусть временное – возникнет, оно может поставить под угрозу проведение Олимпиады или привести к трагическим эксцессам в ходе самих Игр. Направленные против Олимпиады террористические акты, которые, по мнению специалистов, очень трудно предотвратить, дискредитируют политику Москвы на СК и поставит под сомнение ее способность улучшить ситуацию в регионе. Россия будет выглядеть как «слабое звено» в мировой антитеррористической борьбе. Ущерб от негативного сценария на олимпийском направлении трудно переоценить. Хотя речь идет о событиях, которые могут произойти до 2020 г., их негативные последствия будут иметь долгосрочный характер.

Будущее СК до 2020 г. невозможно прогнозировать без учета влияния местной традиции, которое стремительно возрастает. На СК этнокультурная традиция, религия (ислам) неотделимы от политики, и расчет на то, что в обозримом будущем, тем более к 2020 г., здесь установится секуляризм, является глубоким заблуждением. При оптимистическом сценарии влияние традиции на социальную и политическую обстановку сохранится и останется достаточно высоким даже при успешной модернизации экономики, восстановлении законности и порядка, реконструкции системы образования и т.д. Однако в благоприятной обстановке, когда действуют общероссийские законы, власть стремится к обеспечению социальной справедливости, а население видит, что она действительно исходит из интересов народа, апелляция к традиции носит более ограниченный характер, влияние традиции распространяется в основном на семейную сферу и этику поведения. В этих условиях удастся ограничить политизацию ислама и его протестный потенциал.

Создание и устойчивое функционирование современного туристического сектора не просто вовлекает в него десятки тысяч людей (только строительство пяти горнолыжных центров может создать 160 тыс. рабочих мест – у населения региона появляется возможность познакомиться с передовыми технологиями, расширить кругозор, пообщаться с новыми людьми). Федеральная власть

также задумывается о возможности эффективно использовать местную традицию: именно на это направлена инициатива Д. Медведева, который в 2010 г. поручил А. Хлопонину проработать вопрос о создании Совета старейшин СКФО. Разумное и сдержанное обращение с традицией поможет вовлечь в кавказские дела русское население. Речь идет не о возвращении в регион уже покинувших его русских, но о привлечении на Кавказ специалистов из других российских регионов, как это было в СССР в 1950-е годы с той разницей, что те, кто может поехать на Кавказ ради высоких заработков, не осядут здесь навечно. В рамках оптимистического сценария удастся приостановить процесс возвращения к традиционному укладу и найти оптимальный баланс между традицией и модернизацией. Этот устойчивый симбиоз обеспечивает стабильность в обществе, способствует преодолению кризиса идентичности. На Кавказе более адекватно и доброжелательно воспринимаются общероссийские гражданские ценности, а сам регион перестает восприниматься как «чужая/чуждая» территория (утрачивает сомнительную славу «внутреннего зарубежья») и становится полноценной частью России, хотя и со своей спецификой.

Инерционный сценарий означает необратимый процесс возвращения к традиции, которая становится главным механизмом регулирования общественных отношений. Демодернизация общества пройдет точку невозврата, а регион окончательно превратится в «чужое/чуждое» пространство («внутреннее зарубежье»). Усилится влияние шариата, поскольку именно он представляет собой целостную законодательную систему, охватывающую все сферы жизни. Федеральные законы применяются чисто формально, а то и не применяются вовсе. (Уже сейчас «применение адата и других традиционных законов часто бросает вызов российской Конституции».) Существующие в Чечне, Дагестане суфийские тарикаты – Накшбандийя, Кадырийя, Шазилийя – становятся основными, важнейшими политическими игроками. Их политическое влияние получает дополнительную легитимность, тем более что уже сейчас многие политики в Дагестане являются мюридами (последователями) суфийских шейхов. Светская власть подменяется традиционными институтами – шариатскими судами, советами старейшин и пр., а то и сливается с ними.

В то же время и сама эта власть постоянно апеллирует к традиции как к удобному инструменту для контроля над обществом. Государство активно вмешивается в религиозные дела. Наиболее последовательно такой курс с середины 2000-х годов проводит

Р. Кадыров. Свой интерес к традиционным институтам не скрывает Юнусбек Евкуров (в 2010 г. он высказал неожиданную мысль, что именно тейпы могли бы внести вклад в развитие туризма, взяв под свой контроль реконструкцию знаменитых ингушских башен). Хотя конкуренция между носителями нетрадиционного (салафитского, фундаменталистского) и традиционного суфийского ислама продолжается, она все чаще сопровождается сотрудничеством между соперниками во имя достижения общей цели – исламизации (шариатизации) общества. Такая кооперация, которая носит скрытый характер, имеет место уже сейчас и становится систематической и публичной. Все это создает благоприятные условия для исламистской оппозиции. Общество оказывается поляризованным: не все разделяют идею исламизации (тем более шариатизации), но сторонники светского государства остаются в меньшинстве. (Усиление фактора традиции не является чем-то исключительным. Подобный процесс происходит в странах Центральной Азии – Таджикистане, Узбекистане и Киргизстане, – где влияние ислама на общество, а также на политику становится все более заметным. В Таджикистане, по мнению специалистов, ретрадиционализация уже необратима.)

Традиция, прежде всего религиозная, полностью самодостаточна; ее приверженцы более не желают вписываться в юридические и культурные рамки РФ, и постепенно традиция превращается в инструмент противостояния с Центром. Чем сильнее влияние традиции, тем труднее удерживать контроль над состоянием дел в регионе, а также контролировать действия некоторых политиков, например Кадырова, чьи выступления иной раз носят провокационный характер. Хотя правящие элиты сохраняют лояльность Москве, однако в недрах кавказского общества постепенно укрепляется идея о возможности возврата к политическому суверенитету по модели 1990-х годов (но, по всей видимости, при сохранении на нынешнем уровне финансирования из федерального бюджета).

Развитие социально-экономической сферы – будь то по оптимистическому или инерционному варианту – имеет смысл рассматривать только в связи с успехами или неудачами в политической сфере. Кроме того, социально экономическое развитие неразрывно связано с характером отношений между властью и обществом, а также уровнем стабильности, степенью включенности ислама, точнее, разных направлений исламской идеологии в общественно-политическую жизнь. Если не принимать во внима-

ние взаимосвязь этих факторов, любая экономическая и социальная стратегия оборачивается утопией, маниловщиной.

Еще в январе 2010 г. на совещании по вопросам развития СКФО А. Хлопонин обозначил пять приоритетных направлений:

1) разработка комплексной стратегии по всему округу, а на ее основе – четких планов по каждой республике;

2) принятие специальных решений для улучшения инвестиционного климата, создание «региональных и промышленных парков»;

3) разработка федеральными ведомствами и естественными монополиями «специальных инвестиционных программ по развитию инфраструктуры»;

4) улучшение качества жизни людей, благоустройство;

5) наведение порядка в госаппарате и во власти.

К этому можно добавить и другие пункты, неоднократно упоминавшиеся Центром и полпредом, как то: резкое сокращение безработицы; модернизация аграрного сектора; точечная мобилизация местных ресурсов; создание общекавказского рынка; формирование особых экономических зон; улучшение системы образования. Пожалуй, наиболее детально изложены соображения по развитию туризма, на которое выделяется 480 млрд. руб. Бросается в глаза, что среди обозначенных Хлопониним приоритетов наведение порядка во власти упомянуто лишь последним, пятым пунктом. Разумеется, спустя несколько месяцев после своего назначения полпред уяснил, что политический вопрос все же является главным. Однако его предварительный настрой явно свидетельствует о недостаточном учете и непонимании кавказской специфики. На Межрегиональной конференции «Единой России» руководители республик предложили сразу 126 проектов (20 из них были признаны приоритетными, а 6 – «самыми приоритетными»). Чрезмерно длинный перечень первоочередных проектов настораживает, создавая впечатление отсутствия четкости в самой концепции реконструкции Кавказа.

Оптимистический сценарий, конечно же, не означает выполнение всего задуманного. О продвижении в нужном направлении можно будет говорить по мере решения следующих задач: создания надежного инвестиционного климата, прежде всего обеспечения устойчивых государственных гарантий частным инвесторам; создания обещанных Путиным 400 тыс. рабочих мест; запуска мощного туристического кластера; кардинального улучшения ситуации в сельском хозяйстве; создания условий для развития ма-

лого бизнеса. Решение прочих вопросов зависит от выполнения этих первостепенных задач. В случае успеха вырастет эффективность республиканских экономик, появятся внутренние инвестиции, на местах возникнут различные производства, в том числе связанные с переработкой сельхозпродукции. Хозяйственная активность на местах будет способствовать снижению уровня безработицы. На этом фоне можно ожидать повышения уровня жизни местного населения, появления возможностей для развития социальных инфраструктур, улучшения положения в области культуры и спорта. Может также сдвинуться с мертвой точки решение экологических проблем – сегодня окружающая среда находится в катастрофическом состоянии, особенно в послевоенной Чечне и Дагестане. В результате можно рассчитывать на сокращение миграции кавказской молодежи в центральные регионы России. Общим же долгожданным успехом будет перелом негативных тенденций, реализация затянувшихся ожиданий, появление веры в будущее.

Инерционный сценарий означает, что перечисленные выше задачи остаются нерешенными. Здесь же следует отметить одно обстоятельство, которое может сыграть злую шутку с теми, кто делает ставку на туризм. Может быть создан гигантский по масштабам Северного Кавказа уникальный туристический кластер. О его масштабах свидетельствует намерение построить сеть автодорог в районе Минеральных Вод, Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии. Хлопонин говорит о необходимости строительства там трехзвездочных отелей, т.е. речь идет о стремлении сделать туризм массовым. Однако даже если соответствующая инфраструктура будет создана, сегодня невозможно предсказать, сумеет ли местная туриндустрия привлечь сюда россиян и будут ли конкурентоспособными услуги местной туристической отрасли. Кавказское гостеприимство не тождественно профессиональному обслуживанию клиентов, а цены на качественный отдых в Турции и Европе зачастую оказываются ниже отечественных. Поэтому положительный эффект от туристических комплексов может оказаться намного ниже ожидаемого. Понятно, что помимо двух, крайних сценариев существует также третий, промежуточный: стагнация, как и демодернизация, кое-как сдерживаемые вливаниями из федерального бюджета, могут принять вялотекущие формы и продолжаться бесконечно долго. Это сценарий перманентной нестабильности, при которой все равно развиваются негативные тенденции и происходит, пусть и замедленное, движение к

коллапсу. Таким образом, промежуточный сценарий оказывается ближе к инерционному, фактически являясь его затянувшейся стадией.

Развитие ситуации на СК следует рассматривать в более широком историческом и политическом контексте, включая в него положение СК в составе СССР. Советская политика на СК принципиально отличается от нынешней, в частности, она нивелировала специфику межэтнических, религиозных отношений, произвольно устанавливала внутренние границы, экспатриировала, ставя на грань уничтожения, целые народы. Осуществлявшаяся в советские годы модернизация способствовала развитию региона, но носила, как и по всей стране, ограниченный характер и в конечном итоге вела в тупик. Трансформация общества медленно, но верно оборачивалась его стагнацией. Многие проблемы не решались, но загонялись внутрь, дожидаясь своего часа. Этот час наступил с распадом СССР. «В том, что происходит сегодня на СК, – пишет политолог И. Яковенко, – нет ничего неожиданного. Странно было бы, если бы этого не было. И призывы “жить дружно”, и заклинания о нерасторжимости судеб... бессмысленны». Центральная российская власть до сих пор не может предложить выход из тупика, в котором оказался СК. В этом повинен не только Центр, чья политика в регионе была сопряжена со множеством ошибок, в том числе преступных; виновата и местная элита, которая более всего заботилась о собственном благополучии, игнорируя социальные проблемы и продолжая надеяться, что за их решение несет ответственность Москва. Кавказские политики недооценили, точнее сказать, не хотели признавать религиозно-политическую оппозицию, убеждая самих себя и московский Центр, что им противостоят криминальные группировки, попросту «бандиты». Для решения проблемы Кавказа потребуется длительное время, которое не исчерпывается жизнью одного поколения. Одной из важнейших причин является то, что даже по мнению оптимистов террористическая активность не снизится в ближайшие 15–20 лет. Облеченный в религиозную форму терроризм – закономерный продукт исторического процесса, результат многочисленных ошибок, совершенных политиками – мусульманскими, европейскими, американскими, российскими.

СК является средоточием множества проблем, которые затрагивают и экономику, и внутреннюю политику, и безопасность; к этому списку можно добавить и межэтнические отношения, и кризис идентичности, и коллизии внутри ислама, и отношения с

Центром. Только начав компетентно разбираться со всем клубком проблем сразу, можно подойти к пониманию того, каким должен стать СК, как он вписывается, в самом широком смысле, в рамки нового Российского государства. Оптимистический сценарий 2020 г. может оказаться для региона последним шансом.

«Pro et Contra», М., 2010, июль–октябрь, с. 104–110.

Ренат Беккин,

исламовед

ИСЛАМСКИЕ МЕТОДЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Исторически идея национальной государственности в Азербайджане тесно связана с секуляризмом и антиклерикализмом, а не с исламом и религиозными ценностями. Неудивительно поэтому, что одним из ключевых партнеров современного Азербайджана выступает не Иран, а Турция, жестко придерживающаяся принципов светскости. Иными словами, национальная близость между турками и азербайджанцами оказалась важнее общей религиозной принадлежности: как известно, в Иране, как и в Азербайджане, большинство населения составляют шииты.

Последовательно претворяя принципы светскости, азербайджанские чиновники автоматически выступают против любых проектов на государственном уровне, если при этом упоминается слово «исламский», даже когда речь идет о таком явлении, как исламские финансы и исламские банки в частности.

Все инициативы по внесению необходимых поправок в банковское законодательство страны, которые бы сняли препятствия для создания и функционирования исламских банков, наталкиваются на непонимание регулирующих органов, неизменно ссылающихся на Конституцию Азербайджанской Республики, ст. 7 которой гласит: «Азербайджанское государство – демократическая, правовая, светская, унитарная республика», а ст. 18 провозглашает отделение религии от государства и равенство всех конфессий перед законом.

Исламский банк развития и другие члены группы ИБР неоднократно обращались к правительству Азербайджана с предложением оказать содействие в реформировании банковского и налогового законодательства с целью устранения препятствий для развития исламских банков, однако Центральный банк продолжает

демонстрировать сдержанную позицию по отношению к исламскому банковскому делу. Так, по словам, председателя Центробанка Э. Рустамова, «в Азербайджане нет юридической и нормативной базы развития этого направления». Как считает Рустамов, перспективы внедрения исламского банкинга в стране будут рассматриваться в рамках общей стратегии развития банковской системы и оцениваться с точки зрения той пользы, которую могут принести исламские банки азербайджанской экономике.

Другим критерием, который принимает во внимание Центральный банк, является ментальность азербайджанцев. Если принципы исламского финансирования совпадут с национальным менталитетом, то, по мнению председателя Центробанка, можно всерьез думать о развитии исламского банковского дела. «Но я думаю, что все-таки наш путь – классическая форма развития банковского сектора, – полагает Рустамов. – Азербайджанская ментальность очень удачная, и она объединяет как модернизм, европеизм, так и национальную самобытность. Вместе с тем идет поиск, так как любая модель должна быть испробована».

Помимо субъективных причин, стоящих на пути развития исламских методов финансирования в Азербайджане, существуют и объективные препятствия. Банковский сектор Азербайджана характеризуется, прежде всего, недостаточным развитием рынков капитала, слабой прозрачностью банков и постепенным, пока что незначительным, ослаблением доминирования государственных банков на рынке. По уровню капитализации азербайджанские банки уступают банковской системе России, Украины и Казахстана.

Принимая во внимание вышесказанное, не стоит удивляться тому, что единственный исламский банк в Азербайджане не отличается прозрачностью и открытостью. По всем официальным документам «Каусар банк» является типичным традиционным банком. Необходимо сказать, что информация о «Каусар банке», а также бизнесменах, пытающихся вести бизнес в соответствии с шариатом, распространяется в Азербайджане преимущественно из уст в уста, а не посредством рекламы.

В документации «Каусар банка» практически не встречаются арабские термины для обозначения соответствующих шариату методов финансирования. Более того, в официальной информации о банке, распространяемой в Азербайджане, упоминание о его исламском характере сведено к минимуму. Например, в буклете банка на английском языке деятельность банка характеризуется как «Islamic banking», а в буклете на азербайджанском языке вместо

«Islamic banking» используется термин «Faizsiz qazanc», что переводится как «Non-interest banking».

Руководство «Каусар банка» не спешит рекламировать свои услуги не только по политическим причинам. Информация о банке распространяется преимущественно через систему социальных связей. Как следствие такой осторожной политики руководства банка, можно упомянуть тот факт, что многие мусульмане в Баку просто не знают, что в стране уже более пяти лет функционирует исламский банк.

«Каусар банк» – один из первых коммерческих банков в Азербайджане. Он получил лицензию еще во времена Советского Союза, в 1988 г. и был известен до сентября 2001 г. как «Универсал банк». 21 октября 2002 г. Национальный банк Азербайджана выдал «Каусар банку» новую лицензию на осуществление всех видов банковской деятельности. В том же году «Каусар банк» начал процесс очистки прежнего кредитного и депозитных портфелей от *риба*, а также прекратил участие во всех сделках, включающих в себя элемент ростовщичества. Все процентные долговые обязательства клиентов перед банком были проданы специализированной компании.

«Каусар банк» признан мировым исламским банковским сообществом в качестве исламского банка. Банк является членом Генерального совета для исламских банков и финансовых институтов и Организации по бухгалтерскому учету и аудиту для исламских финансовых институтов. Вместе с тем пока рано говорить о том, что «Каусар банк» предоставляет полную линейку исламских банковских продуктов. В настоящее время «Каусар банк» предлагает клиентам всего четыре исламских банковских продукта:

1) открытие и ведение инвестиционного счета на основе механизма *мудароба*;

2) кредитование бизнеса в соответствии с механизмом *мушарака*;

3) кредитование физических и юридических лиц путем купли-продажи векселей;

4) финансирование покупки автомобилей, бытовой техники и т.п. с использованием механизма *иджара ва иктина*.

В силу действующих в законодательстве Азербайджана ограничений на осуществление банками торговой деятельности механизм *мурабаха* не может быть применен в работе «Каусар банка». Расширению деятельности «Каусар банка» в Азербайджане

препятствует также отсутствие достаточных финансовых ресурсов.

Не имея возможности применять ряд исламских договоров, «Каусар банк» реализует свой потенциал исламского банка в финансировании *халальных* секторов народного хозяйства. В качестве примера можно привести проект строительства четырех высотных зданий в Баку, где «Каусар банк» выступал в качестве одного из финансистов проекта, стоимость которого оценивается более чем в 100 млн. долл.

В 2004 г. было подписано соглашение между Исламской корпорацией по развитию частного сектора (Исламская корпорация по развитию частного сектора (ICD) – создана в 1999 г. Является аффилированной структурой при ИБР) и «Каусар банком». В соответствии с данным соглашением, корпорация взяла на себя обязательство финансировать значительную часть проекта. В том же году была достигнута договоренность о покупке ICD части акций «Каусар банка». Долгое время проект не мог быть реализован, так как главным условием со стороны застройщиков было полное финансирование строительства. Впоследствии в проект вносились существенные коррективы. Так, например, вместо одного 45-этажного небоскреба застройщики решили возвести четыре 24-этажных здания. Потом было принято решение соорудить комплекс из двух 39-этажных башен общей площадью 170 тыс. м². На последний вариант удалось привлечь 300 млн. долл. от корейских традиционных банков. В итоге участие «Каусар банка» в данном проекте свелось к минимуму, отпала и необходимость в выделении Исламской корпорацией развития частного сектора 5 млн. долл. Всю площадь небоскребов предполагалось продать под офисы и апартаменты. В качестве управляющей компании выступило предприятие «Baku Pride», учрежденное корейской стороной при минимальном участии партнера из Азербайджана, близкого к руководству «Каусар банка».

Похоже, что пока именно в инвестировании в бизнес, не противоречащий шариату, а не в расширении своей продуктовой линейки исламские финансовые институты в Азербайджане могут наилучшим образом реализовать свой потенциал. Это подтверждает создание Каспийской международной инвестиционной компании, начавшей свою деятельность 13 июня 2008 г. Учреждение ее явилось следствием подписанного в 2006 г. на международной инвестиционной конференции, организованной ИБР в Баку, согла-

шения о создании инвестиционной компании, работающей на основе исламских принципов.

Собственниками Каспийской международной инвестиционной компании являются Исламская корпорация развития частного сектора (75%) и принадлежащая государству Азербайджанская инвестиционная компания (АИК), чья доля в настоящее время составляет 25%. Основной задачей новой компании является привлечение зарубежных инвестиций в Азербайджан и выход на международный рынок. Планируется, что в ближайшие два года ее капитал увеличится до 70 млн. долл., т.е. более чем в 23 раза.

В настоящее время она участвует в финансировании двух инвестиционных проектов, но аналитики компании изучают более десяти перспективных предложений. Среди приоритетных направлений деятельности компании: сельское хозяйство, фармацевтика, производство строительных материалов, сектор услуг. Все инвестиции могут осуществляться лишь в дозволенные с точки зрения шариата виды деятельности, в том числе путем приобретения доли в других компаниях и вхождения в число их акционеров.

Инвестиционное сотрудничество Азербайджана с исламскими финансовыми структурами не ограничивается проектами, финансируемыми Каспийской международной инвестиционной компанией. 25 мая 2007 г. Финансовый дом Кувейта и Азербайджанская инвестиционная компания подписали меморандум о намерениях. В марте 2009 г. было объявлено об учреждении «Кувейтско-азербайджанской инвестиционной компании» (КАИС) с уставным капиталом 410 тыс. манатов (500 тыс. долл. США). До конца 2010 г. акционеры компании планируют увеличить его до 20 млн. долл. (75% компании принадлежит «Туркапитал» – дочерней компании Кувейтского финансового дома, а 25% – АИК). Приоритетным для КАИС, как и для Каспийской международной инвестиционной компании, является финансирование не противоречащих шариату проектов в сфере коммерческой недвижимости, агропромышленного комплекса, логистики. Другое важное направление деятельности компании – оказание консультационных услуг азербайджанским и иностранным компаниям.

Заметную инвестиционную активность в Азербайджане проявляют и различные фонды из стран Персидского залива: Саудовский фонд развития, Фонд развития Абу-Даби и др. Однако пока самым крупным исламским финансовым институтом, осуществляющим инвестирование в Азербайджане, продолжает оставаться Исламский банк развития, членом которого республика является с

1992 г. В 2009 г. ИБР выделил 201,5 млн. долл. для финансирования строительства электростанции Cenub на основе механизма *истисна*'. В рамках трехлетней программы ИБР, утвержденной весной 2010 г., банк также планирует выделить на различные инфраструктурные и сельскохозяйственные проекты в Азербайджане 404,6 млн. долл. При этом около 25% от общего объема уже осуществленных инвестиций ИБР в Азербайджане было направлено на финансирование аграрного сектора, одна треть – на улучшение дорожно-транспортной инфраструктуры, развитие малого и среднего бизнеса, улучшение жизненных условий вынужденных переселенцев.

Вместе с тем ИБР не оставляет планов по созданию в Азербайджане исламского банка. Бывший директор регионального представительства Исламского банка развития в Алматы Ник Зейнал 'Абидин неоднократно отмечал, что ИБР готов оказать Азербайджану помощь при создании исламского банка, однако инициатива при этом должна исходить от правительства страны. Об этом же говорит и нынешний президент ИБР Ахмад Мухаммад 'Али в своих выступлениях и интервью.

Отсутствие приемлемого для исламских банков законодательства и настороженное отношение к исламскому банковскому делу со стороны регулирующих органов сдерживают инициативу других азербайджанских банков по применению исламских методов финансирования. Например, в октябре 2007 г. бахрейнский Международный инвестиционный банк (ИВ) приобрел 49% акций азербайджанского «Амрахбанка». Как известно, ИВ активно поддерживает развитие исламского банковского дела как в мусульманских, так и в немусульманских странах. Вскоре после приобретения «Амрахбанка» руководством ИВ были озвучены планы по его преобразованию в полноценный исламский банк, предлагающий полный набор исламских банковских продуктов. Однако данные намерения так и не были реализованы по причине все той же неопределенности с правовым положением будущего исламского банка.

На наш взгляд, не стоит слишком пессимистично оценивать будущее исламского банковского дела и исламских финансов в Азербайджане. Учитывая рост интереса к исламским финансовым услугам в республике при сдержанной позиции властей, можно прогнозировать, что развитие исламского банкинга будет идти по тому же сценарию, что и в Турции: от непризнания в качестве

полноценных банков до придания им особого статуса (партнерских банков).

*«Исламская экономическая модель и современность»,
М., 2010 г., с. 277–283.*

Аскар Акаев,
первый Президент Киргизской Республики
КИРГИЗСТАН: ТРЕВОЖНЫЕ ПРЕДЧУВСТВИЯ

Вспыхнувшее в Киргизстане в апреле 2010 г. народное восстание в одночасье смело режим Бакиева и положило начало новому этапу в постсоветской истории республики. Группа политиков во главе с Р. Отунбаевой, воспользовавшись этим, самозванно объявила себя Временным правительством. Зная об опасности, оно, тем не менее, не позаботилось о предотвращении кровавых межэтнических столкновений на Юге республики. Конфликт унес не одну тысячу человеческих жизней и причинил огромные материальные разрушения. Действуя волонтаристски, «временщики» в условиях чрезвычайщины навязали стране национальный референдум и торопливо протащили на нем новую Конституцию, объявившую не готовый к такому крутому повороту Киргизстан парламентской республикой. Вслед за этим 10 октября 2010 г. состоялись парламентские выборы. Их крайне противоречивые результаты вызывают большие сомнения в способности нынешней власти обеспечить обещанные перемены к лучшему. Кризис нарастает и грозит приобрести необратимый характер. На карту поставлены судьба страны, сохранение ее территориальной целостности, национальное выживание.

За последние пять с половиной лет Киргизстан вследствие безостановочно следовавших друг за другом внутривнутриполитических неурядиц стал в мире чуть ли не пугалом. Между тем эксперты, пристально наблюдающие за обстановкой в Центральной Азии, хорошо знают, что на первом этапе постсоветского развития в течение почти полутора десятилетий республика признавалась образцом устойчивого развития и считалась «островком демократии» в регионе. Географически далекая от мировых центров силы, относительно слабая в экономическом отношении, небольшая центральноазиатская страна становилась все более заметной в мировом сообществе. Ситуация изменилась 24 марта 2005 г., когда в Бишкеке произошел государственный переворот, совершенный

под прикрытием лозунгов «тюльпановой» революции. Она стала третьей в серии «цветных» революций, произошедших ранее в Грузии и Украине.

Будучи в то время президентом Киргизстана, я это хорошо знал, но все же не верил, что злобная заокеанская волна захлестнет республику с такой силой. Авантюристический замысел Вашингтона, похоже, состоял в том, чтобы сделать Киргизстан испытательным полигоном для продвижения демократии по американским сценариям на всей территории Центральной Азии. В те времена в «мозговых центрах» США еще не отдавали себе отчета, что эта линия будет разоблачена и нанесет серьезный моральный ущерб американским интересам в мире. Попытки насаждения демократии извне – под влиянием событий в Грузии, в Украине и в Киргизстане – воспринимаются ныне как прямая угроза стабильности и благополучию стран, попавших под американский демократический каток. Нынешнее «революционное затишье», однако, – еще не предвестник отказа Вашингтона от подрывных действий в постсоветском мире. Мои наблюдения и оценки на этот счет изложены в исследовании «Затаившаяся угроза: “Цветные” революции не ушли в прошлое».

При анализе событий, произошедших в Киргизстане в 2010 г., обращает на себя внимание их стремительность. За рекордно короткие три с половиной месяца после апрельского народного восстания Временное правительство разработало проект новой Конституции и провело с целью его одобрения 27 июля общенациональный референдум. Спустя два с небольшим месяца состоялись парламентские выборы. Таким образом, всего лишь за полгода в республике в условиях чрезвычайщины методами прессинга со стороны «временщиков» была коренным образом перестроена система государственной власти: страна из преимущественно президентской превратилась в парламентскую республику. Почему же «временщикам» удалось все это осуществить за столь короткий срок? Без обращения к событиям 2005 г. не обойтись.

Р. Отунбаева и большинство в сложившейся вокруг нее в апреле 2010 г. группе «новопришельцев во власть» были непосредственными участниками или активными сторонниками государственного переворота 24 марта 2005 г. Непримиимой оппозиции удалось тогда сравнительно легко взять власть не потому, что она опиралась на поддержку общества в силу притягательности ее программных целей. Все ее идейное богатство сводилось к призыву «Кетсин (Долой)!». Главное состояло, пожалуй, в моем как гла-

вы государства отказе во имя сохранения власти отвечать на насилие насилеи, применять оружие против воинственно настроенной толпы, собравшейся на центральной площади столицы и пошедшей по призыву главарей на штурм Дома правительства. Чтобы не обгадить свои руки кровью соотечественников, я, отдав приказ «не стрелять», предпочел уйти в отставку. Р. Отунбаева была основным идеологом «тюльпановой» революции, и легкая победа в марте 2005 г. подогрела ее самомнение. Как мне кажется, это во многом обусловило ее последующий разрыв с Бакиевым. В апреле того же года, когда представился случай, Р. Отунбаева не упустила возможности самолично возглавить движение с целью окончательного устранения своего бывшего босса с политической сцены.

Бакиев, в отличие от меня, не собирался уходить без боя. Он не раз заявлял о готовности в случае необходимости самому взять в руки автомат Калашникова. Был отдан приказ стрелять по демонстрантам. Погибло свыше 80 человек. Политический пожар из Бишкека по вине хорошо знавших об опасности отунбаевских «временщиков» перекинулся на Юг республики и приобрел характер кровавого межэтнического конфликта. К бишкекским жертвам добавилось около 2 тыс. человеческих жизней. Новая власть горевала недолго. Главное дело было сделано. Политическое поле расчистилось. В результате на нем в качестве нового президента Киргизстана стала возвышаться фигура Р. Отунбаевой. Шлейф из двух крутых поворотов в постсоветской истории республики, связанных со сменой главы киргизстанского государства, сопровождавшихся кровью, жертвами, огромными материальными разрушениями, экономическими и социальными неурядицами, потерей в обществе демократических и гуманистических ориентиров, – такова цена, которую пришлось заплатить народу за приход на высший государственный пост Киргизстана Р. Отунбаевой.

Впервые говорю об этом открыто, не прибегая к политически корректным формулировкам, только чтобы подчеркнуть: события, подобные государственному перевороту 24 марта 2005 г., не проходят бесследно, они надолго оставляют болезненные шрамы на теле общества. Будучи глубоко антидемократическими и антиконституционными по своей сущности, они порождают представление о вседозволенности при решении ключевых вопросов государственной жизни, допустимости использования революционного насилия, безнаказанности за волонтаристские действия.

Кто осужден – пусть не судом, но хотя бы общественным мнением, – за организацию в марте 2005 г. в Киргизстане анти-

конституционного государственного переворота? Таковых нет. Наоборот, инициаторы и организаторы государственного переворота вознеслись на высшие государственные посты, надев тогу национальных героев. Куда заведут Киргизстан его нынешние ключевые лидеры с их сомнительными демократическими убеждениями, если политически и нравственно они порождены госпереворотом? В той же мере моя озабоченность распространяется на продолжающуюся связь политического руководства республики с заокеанскими организациями, преследующими в республике собственные цели и не останавливающимися при их осуществлении перед методами свержения законной власти, сознательным внесением в национальную жизнь элементов хаоса. Ныне подобные явления принято именовать «управляемым хаосом». Управляемым, разумеется, из-за океана.

Речь новоявленного президента Киргизстана Р. Отунбаевой на первой сессии нового состава национального парламента 10 ноября 2010 г. не может не привлечь внимания. Разумеется, она была торжественной, напоминала звон фанфар. С высокой трибуны говорилось о совершившихся в стране судьбоносных политических переменах, святых обязанностях народных избранников, неоспоримых успехах Временного правительства, стремлении республики в скором времени войти в число развитых стран мира и т.д. и т.п. – вполне предсказуемый набор для выступления в подобных случаях главы государства. Вместе с тем бросилось в глаза выражение «жизнь сама даст оценку, приемлемо ли для нашего общества парламентское правление». Значит, в этом сама Р. Отунбаева не убеждена. Получается, и отношение общества к столь крутому повороту в государственной жизни остается под большим вопросом. Когда жизнь даст ответ: через 5–10–20 лет? Над народом Р. Отунбаева и ее соратники, похоже, ставят эксперимент с непредсказуемым результатом. Навязанный Киргизстану парламентаризм выглядит чистойшей воды авантюризмом.

И еще одна деталь. Красной нитью в речи Р. Отунбаевой проходит мысль о Великом киргизском кочевье. «Великое киргизское кочевье, – провозглашает она, – открывает в своей истории новую страницу». Вряд ли кто-то сомневается в моих познаниях в отношении многовековой киргизской истории. Действительно, кочевой период – это светлое историческое достояние, оставленное нашими предками. Однако при движении в будущее, не забывая о прошлом, следовало бы прежде всего ориентироваться на современный фундамент, который наша страна создала в годы су-

веренного развития. Преуменьшать значение и прочность этого фундамента, построенного в республике коллективными усилиями многонационального сообщества, было бы не чем иным, как преступлением перед гражданским подвигом нашего народа. Движение вперед с повернутой назад головой вряд ли приведет к великой цели.

В политической практике одинаково опасны как забегание вперед, так и откат назад, – как говорится, «хрен редьки не слаще». Курс Бакиева на закрепление в стране семейно-клановой системы управления по средневековому ханскому типу, как известно, обернулся народным восстанием с разрушительными последствиями. Каким предвидится отунбаевский период? Первый его этап, связанный с деятельностью возглавленного ею Временного правительства, оставил за собой кровь, жертвы, множество государственных рытвин и политических ухабов.

Главным своим достижением Р. Отунбаева считает переход республики к парламентской системе власти. Успешных примеров функционирования парламентаризма в современном мире предостаточно. Преимущественно они относятся к развитым странам с чуть ли не веками упорядоченной системой государственного управления. В связи с этим уместно обратиться к начальным шагам республики по пути парламентаризма. Речь идет об избрании нового депутатского корпуса. Сами выборы, состоявшиеся 10 октября 2010 г., международными наблюдателями были признаны открытыми, прозрачными, честными, обошедшимися при подсчете голосов без фальсификаций. Хотя бы эта сторона дела не вызывает сомнений.

Что касается итогов, то из 29 политических партий, выставивших своих кандидатов, 5%-ный избирательный барьер преодолели пять из них: «Ата-Журт», Социал-демократическая партия, «Ар-Намыс», «Республика» и «Ата-Мекен». В общей сложности они набрали 36,3% голосов избирателей, в то время как на долю остальных партий, оставшихся за бортом парламента, выпало 63,7% голосов. Для сравнения: на состоявшихся 22 ноября 2010 г. парламентских выборах в Молдавии четыре партии, ставшие победителями, собрали 91,4% голосов. Избирательный барьер не преодолели партии, набравшие лишь 8,6% голосов.

В Киргизстане по итогам октябрьских выборов сложилось противоестественное в парламентской практике соотношение 1/3 к 2/3 между партиями-победителями и партиями-аутсайдерами. В итоге новый состав парламента нельзя считать опирающимся на

общенациональное волеизъявление, т.е. представительным в общепринятом понимании этого термина. Почти 2/3 избирателей лишены права иметь в новом составе парламента своих избранников. Такая парламентская конфигурация и основанная на ней система государственной власти изначально предвещают неустойчивость. В самом Киргизстане, придавленном чередой политических неурядиц и социально-экономических трудностей, а также в международном сообществе, уставшем от малопонятной киргизстанской чересполосицы, произошедший перекокс, похоже, воспринимается как свершившийся политический факт, с которым в силу необходимости придется смириться. Однако вынужденное смирение весьма обманчиво.

Как мне кажется, наибольшую опасность для нынешней политической жизни республики представляет следующее обстоятельство: на сегодня не определилась ведущая политическая сила, способная взять на себя ответственность за судьбу страны. Не появилось общенационального лидера, пользующегося широким доверием общества. Голоса между победившими партиями расплылись в диапазоне от 8,5 («Ата-Журт») до 5,5% («Ата-Мекен»). В мире нет, пожалуй, ни одной страны с парламентской системой власти, в которой в числе победителей не было бы партии, завоевавшей хотя бы половину голосов избирателей, а в своей совокупности прошедшие через избирательное сито партии не опирались бы на подавляющее большинство электората.

Первое место заняла партия лишь с 8,5% голосов. Тревожно и другое. На первое место среди «победителей» вышла партия, считающаяся чуть ли не представительницей интересов сметенного народным восстанием экс-президента Бакиева, а внизу – по контрасту – оказалась партия, лидер которой (О. Текебаев) претендовал на роль идеолога в движении страны к парламентаризму. Именно он возглавлял комиссию, которая подготовила новый (парламентский) вариант Конституции республики.

В незавидной роли оказалась и Р. Отунбаева как президент переходного периода. В сложившихся условиях ей приходится «делать хорошую мину при плохой игре». Итоги парламентских выборов нельзя не признать ее полным провалом. Они показали, что по вине «временщиков» страна оказалась политически расколотой и раздробленной, потеряла сформированные еще на первом этапе своего суверенного развития ориентиры устойчивого движения вперед. За короткое время Р. Отунбаева, особенно после кровавых событий на Юге, сумела потерять кредит доверия, который

в критических условиях ей предоставило общество. Возглавленное ею Временное правительство не оставило после себя каких-либо заметных созидательных дел, а ее курс на парламентскую республику в конечном счете оказался оторванным от реалий жизни и завершился независимым результатом, который создает проблем больше, чем их решает. Но иного пока не дано. В таких случаях приходится довольствоваться тем, что «на безрыбье и рак рыба». Не сомневаюсь в добрых намерениях Р. Отунбаевой – но, как известно, благими намерениями вымощена дорога в ад, а не в рай.

Есть ли выход? Безвыходных ситуаций, как известно, не бывает, когда речь идет о проблемах, подвластных человеческой воле. Даже после кровопролитных войн наступает мир, и люди возвращаются к привычной жизни, созидательной деятельности. Бывают, правда, и такие случаи, когда из политической турбулентности всплывают фигуры диктаторов. В нынешнем Киргизстане даже самый «грозный» генерал Ф. Кулов вряд ли возьмет на себя роль диктатора. Страна не та, и времена другие.

После государственного переворота 2005 г. бакиевская команда была больше занята не заботой о жизни людей и их социальном самочувствии, а междоусобной борьбой за власть, за монополию на партийно-политическом и информационном поле, за раздел и передел в свою пользу национального достояния. Не удержалось от этого и отунбаевское Временное правительство: «Куда конь с копытом, туда и рак с клешней». При «временщиках» страна еще больше скатилась вниз, попала в состояние энергетического и продовольственного кризиса, оказалась на пороге экономического краха.

Республика осталась практически с пустой казной и потому полностью зависит от срочной международной помощи. По мнению экспертов Всемирного банка, дефицит бюджета в 2010 г. составит 335 млн. долл.; местные же эксперты полагают, что он будет по крайней мере в два раза больше. В целом неотложные потребности страны на сегодня составляют 1 млрд. долл., а внешний долг достиг 2,6 млрд. долл. С 2005 г. вследствие перманентного политического кризиса экономика Киргизстана имеет устойчивую тенденцию к стагнации, что порождает серьезные проблемы в социальной сфере. За чертой бедности находится более 40% населения, и этот показатель продолжает расти.

Оказавшаяся у власти группа «временщиков» продемонстрировала полное бессилие и некомпетентность не только в управлении экономикой и государственном строительстве. На ее совес-

ти взрыв межэтнического насилия на Юге республики в июне 2010 г., приведший к гигантским жертвам и материальным разрушениям. Р. Отунбаева оказалась неспособной проводить активную и эффективную политику по примирению и консолидации двух южных общин. Оставшиеся метастазы предвещают повторение межэтнических конфликтов в будущем.

Катастрофически возрос исход из республики не только узбеков и русских, но и коренных киргизов, напуганных возрастанием межнациональной напряженности и резким снижением уровня жизни, особенно по сравнению с первым 14-летним этапом развития суверенного Киргизстана. Напряженность в межнациональных отношениях встала ныне в один ряд с возникшими после 2005 г. социально-экономическими бедами.

Сегодня внутренняя стабильность стран, находящихся в переходных условиях, может основываться, с моей точки зрения, на трех главных опорах:

- устойчивое движение к демократии;
- осязаемый социально-экономический прогресс, особенно с учетом интересов простых людей;
- достижение и укрепление межнационального мира и согласия.

Ни в одной из этих областей нынешняя власть в Киргизстане не добилась перемен к лучшему. Торопливый переход к парламентаризму, как оказалось, был обществу навязан. Проявившийся в ходе парламентских выборов перекос предвещает для республики новые потрясения. Регресс в экономике наносит прямой удар по интересам большинства людей, а терпение народа имеет свои пределы. Помимо всего, возрастающий исход из республики наиболее дееспособной и активной части населения грозит национальной бедой.

И наконец, на сегодня в республике нет и не предвидится общенационального лидера, который свел бы воедино все направления и потоки государственной и общественной жизни, направил страну к ясной цели, воодушевил бы для этого молодежь и другие слои населения. Для осуществления задач подобного масштаба требуются фигуры, наделенные не только государственной мудростью, дальновидностью и другими высокими личными достоинствами, но и необходимыми конституционными прерогативами. Навязанная стране парламентская система в силу существовавших в республике особенностей заранее отсекает появление внутри нее личностей, способных взять на себя и осуществить коренные ре-

формы и перемены. Роль же президента, согласно новой Конституции, является больше виртуальной, чем реальной. Напрашиваются новые конституционные перемены. Они будут болезненными. Нынешняя власть постарается помешать процессу, но без этого не обойтись. В этом и состоит один из ключевых вариантов выхода страны из тупика.

В свое время, описывая характер бакиевской внешней политики, я запустил в политический обиход термин «флюгерная дипломатия». Известный киргизский политолог, профессор А. Князев придал ему более образное выражение: «И нашим, и вашим за пятак спляшем». Возникли, к сожалению, опасения, что по бакиевскому пути во внешней политике может пойти и нынешнее киргизстанское руководство. На этот счет появились сомнительные высказывания, стала очевидной размытость внешнеполитических приоритетов. В выступлении президента Р. Отунбаевой на первой сессии вновь избранного парламента зазвучали скользкие мысли о внешних деструктивных силах, которые разожгли конфликт на Юге страны, внешних угрозах, о попытке при поддержке извне совершить переворот... Намеки и полунамеки создают почву для различного рода домыслов: что это за силы, какие цели они преследуют? От конкретики Р. Отунбаева уходит...

Опора на внутренний потенциал является альфой и омегой в государственной политике любой страны. На этом строилась моя политика как первого президента Киргизстана на начальном этапе нашего суверенного развития. Вместе с тем ни одно государство в современном мире (даже такое мощное, как США) не может успешно развиваться без опоры на союзников и друзей. Примером тому является хотя бы американское участие в НАТО, Азиатско-Тихоокеанском сотрудничестве и т.д. По собственному опыту президентской деятельности хорошо знаю, что без опоры на Россию на постсоветском этапе нашей истории Киргизстан вряд ли мог бы состояться как суверенное государство, которое по вине Бакиева и его «тюльпановых» сподвижников предстало ныне перед национальной катастрофой.

Киргизов связывает с Россией многовековая история, в которой практически не было «темных» страниц. Можно вспомнить, например, 1785 г., когда наши мудрые предки обратились к императрице Екатерине Великой с просьбой принять киргизов в русское подданство. Двумя годами раньше такая просьба была высказана грузинским царем Ираклием II. Если киргизы и грузины как нации исторически сохранились и ныне живут в своих националь-

ных государствах, то благодарность за это должна восходить к России. К моему удовлетворению, ориентир на Россию как наиболее надежного друга и союзника прочно живет в киргизском национальном сознании.

Будь сегодня объявлен референдум о вхождении республики в состав России или о создании с ней союзнической федерации (конфедерации), большинство киргизов проголосовало бы за такую идею. Более того, успех на парламентских выборах таких партий, как «Ар-Намыс» (Кулов) и «Республика» (Бабанов), во многом был обусловлен их открытой пророссийской ориентацией. Избиратели в своем большинстве голосовали за дружбу с Россией, укрепление и углубление с Москвой союзнических отношений. Думается, неудача на выборах партии «Ата-Мекен», которой пророчили весьма высокие результаты, была во многом связана с недружественными высказываниями ее лидера О. Текебаева в адрес России и ее государственного руководства. Эта зарубка на его политической репутации сохранится надолго.

Внешняя политика, как известно, относится к сфере общенациональных интересов. Все партии, действующие на политическом поле, в силу необходимости вынуждены находить здесь консенсус. Другими словами, личные симпатии и антипатии отдельных политиков к некоторым странам должны отступать перед общенациональными интересами. Со всей откровенностью скажу, что я обеспокоен позицией президента Р. Отунбаевой в отношении России. В общественном сознании вряд ли случайно сложилось мнение о ее проамериканских настроениях. Нельзя не признать аномальным положение, когда позиция подавляющей части населения, придерживающегося ориентира на Россию, может не совпадать с таковой главы государства, смотрящей в иную сторону, независимо от того, корыстными или бескорыстными мотивами такая позиция продиктована.

Высказывая свои опасения относительно проамериканской позиции некоторых фигур в нынешнем руководстве Киргизстана, я вовсе не призываю немедленно прикрыть американскую базу «Манас» на территории республики. Эта база является важной частью глобальной инфраструктуры, созданной для борьбы с главным очагом терроризма, все еще сохраняющимся в Афганистане. Предстоящий уход американцев оттуда должен означать одновременное закрытие и базы «Манас». Куда важнее, чтобы американцы ушли из нашей внутренней жизни. Достаточно того, что они грязно наследили своим активным участием в государственном пере-

вороте 2005 г., тяжкие последствия чего наше общество еще долго будет испытывать. Согласно имеющейся информации, американские эксперты сыграли также важную роль в разработке новой Конституции, провозгласившей создание в Киргизстане парламентской республики, идеология которой, как показали итоги выборов, отторгается народом. Не есть ли это новый государственный переворот? Американский «пряник» кажется поначалу сладким – да послевкусие от него надолго остается горьким. Я не буду уставать повторять: «Бойтесь американцев, беду приносящих».

Представляется, что в сложившихся ныне условиях императивом в киргизстанской внешней политике становится возвращение к принципам, сложившимся в результате широкого общественного обсуждения на первом этапе нашей современной государственности. Россия, соседи Киргизстана по региону, другие дружественные страны на постсоветском пространстве должны и впредь оставаться в числе приоритетных. Киргизстан с ними связан извечной жизнью на единой евразийской земле, исторической судьбой, длительным проживанием в Общем доме – каким для нас являлся Советский Союз, крепкими многовековыми духовными связями. Мы были, есть и навсегда останемся, по выражению известного политолога Н. Верта, «социумом общей судьбы».

Мощный социально-экономический и культурный взлет большинства советских союзных республик, ныне независимых государств, в те годы во многом обеспечивался за счет России, темпы развития которой порой существенно отставали от темпов развития окраинных республик, в том числе Киргизстана. Было бы фарисейством говорить о колонизации Россией евразийских земель на западе и востоке. Попытки похоронить СНГ и другие межгосударственные организации, созданные после распада СССР, противоречат коренным интересам наших народов. И в данном случае следы снова ведут за океан. В свое время, проанализировав наш многовековой исторический путь, я сказал: «Россия дана нам Богом и историей». Призываю своих соотечественников никогда об этом не забывать. Ориентир на Россию – одна из ключевых гарантий преодоления нынешнего кризиса, выхода республики из надвигающегося исторического тупика.

Изучая труды великого русского ученого и мыслителя Льва Гумилёва, я навсегда запомнил его призыв «объединиться, чтобы не исчезнуть». Он был провозглашен летом 1991 г., когда во времена перестройки в Союзе возникли большие социально-экономи-

ческие трудности, в ряде регионов вспыхнули межнациональные пожары, страна начала трещать по швам. Л. Гумилёв хорошо понимал нависшую тогда над советским многонациональным государством опасность. Августовский 1991 г. путч оказался фатальным для судьбы Союза. Не сумели вовремя сплотиться во имя его сохранения, организовать противостояние разрушительным силам – потеряли нашу общую страну.

Некоторую аналогию тем событиям 20-летней давности можно проследить и в сегодняшней жизни Киргизстана. Октябрьские парламентские выборы, хоть и проведенные, похоже, на демократической основе, не снимают опасений. Они лишь высветили степень существующей угрозы, уровень внутривластной разобщенности как питательной среды для паразитирования на ней сил, вынашивающих геростратовские планы. Коалиция из партий, победивших в Киргизстане на выборах, при наличии у нее в парламенте большинства получила, согласно Конституции, право провести своих кандидатов на посты спикера и премьер-министра, занять в стране правящее положение. Первая коалиция в начале ноября 2010 г. была создана на базе трех, казалось бы, идейно близких партий: Социально-демократической, «Республики» и «Ата-Мекен». Однако в силу межпартийных распрей она не просуществовала и трех дней. Гибельным ударом для нее стал факт, когда при голосовании за кандидатуру спикера в парламенте «прокатили на вороных» лидера партии «Ата-Мекен» О. Текебаева.

Примечательно, что, как уже ранее говорилось, именно он был идеологом и главным лоббистом киргизстанского парламентаризма. А далее в поисках выхода из тупика начались почти двухнедельные закулисные вязкие переговоры Р. Отунбаевой с лидерами парламентских партий. В итоге у нее, похоже, не осталось иного варианта, как скрестить, образно выражаясь, «ужа с ежом». Место партии «Ата-Мекен» в новой коалиции заняла «Ата-Журт», до того выступавшая с яростной критикой своих партнеров по новой коалиции за пересмотр Конституции в пользу президентско-парламентской формы правления. Более того, ее лидер А. Келдибеков был убедительным большинством избран на пост спикера. На фоне других возможных кандидатур он действительно представляется наиболее обнадеживающей фигурой.

Премьер-министром республики стал, как и ожидалось, отунбаевская креатура – социал-демократ А. Атамбаев. В бакиевские времена он уже был во главе правительства. В частности, ему еще предстоит отмыться перед соотечественниками за коллабо-

рационализм того времени с Бакиевым. По состоянию на середину декабря 2010 г. Р. Отунбаевой удалось, таким образом, «слепить» новую конфигурацию власти по задуманному парламентскому типу. Остается лишь вопрос: долговечной ли будет эта конфигурация?

Основные сомнения связаны со следующим: страной будет править коалиция, за которую на выборах отданы голоса только четверти избирателей. Вот так демократия! Политические разночтения между входящими в коалицию партиями, а также межличностные трения между их лидерами таковы, что надеяться на долговечность данной «тройки» было бы иллюзией. По всей видимости, будет также нарастать противостояние между правящей «тройкой» и «двойкой», оказавшейся в оппозиции. По сложившейся в республике традиции наша оппозиция обычно позиционирует себя как непримиримая, мало склонная к поиску компромиссов, мирных развязок и т.п. В политическом классе Киргизстана ныне любимым занятием стала комбинаторика, т.е. поиск возможных комбинаций из трех партий, которые в предстоящий период будут возникать в составе «пятерки» и попадать поочередно, как в калейдоскопе, на вершину властной пирамиды. При этом приверженность твердым принципам, когда речь идет о власти, многими признается второстепенной проблемой.

Нынешнее положение на политическом поле республики напоминает мне картину, описанную в широко известной басне И. Крылова о лебедь, раке и щуке. Они, как известно, довольно дружно «везти с поклажей воз взялись», но лебедь потянул в облака, рак попятился назад, а щука нырнула в воду. Так и у многих киргизстанских политиков. Гиперболизированные властные амбиции, разновекторные интересы основных участников политического процесса в республике трудно привести к единому знаменателю. Сопряжение амбиций и интересов возможно лишь на основе твердых демократических убеждений. Однако их трудно найти у людей, построивших свою политическую карьеру на государственных переворотах и иных антиконституционных деяниях, прикрытых фальшивыми революционными лозунгами. Выход из подобного тупика возможен лишь в случае выдвижения на ведущие политические роли в республике новых фигур, свободных от сомнительного груза прошлого, показавших не только словами, но и реальными делами приверженность демократическому устройству национальной жизни. Нынешняя политическая элита препятст-

вует их вхождению во власть. Но эта ситуация преходяща. Жизнь свое возьмет.

В парламентской республике во главе правительства обычно находится политический выдвиженец. Но в сложившихся в стране условиях это вовсе не должно приводить к полной политизации (партизации) состава правительства. Его формирование может (и должно!) осуществляться, по моему глубокому убеждению, преимущественно за счет профессионалов с наивысшим экспертным потенциалом из всех партий и общественных движений. Создание правительства «национального единения» способно в наших условиях обернуться спасительным кругом в случае изменения структуры парламентского большинства, обычно приводящего к коренной перетряске состава правительства.

Пришла пора отбросить на свалку истории революционную демагогию, заняться нормальным государственным строительством и возрождением экономики. «Уличной демократии», на волне которой выросли многие нынешние партийные и государственные руководители Киргизстана, предстоит уйти в прошлое, если мы хотим выжить. Р. Отунбаева и другие лидеры республики в конце концов должны продемонстрировать способность решать ключевые проблемы государственной и политической жизни, повседневной жизни людей, используя общепринятые в цивилизованном мире формы работы в обществе, парламенте и в местных сообществах через систему территориального самоуправления, путем использования потенциала институтов гражданского общества и т.д. Настало время оппозиционным партиям и движениям отказаться от примитивизации своих акций с преимущественной опорой на лозунги типа «Кетсин!», заняться созидательными делами.

Если нынешняя власть в Киргизстане относится к народу как к мощной силе, способной действовать осознанно и коллективно, а не как к темной человеческой массе, подобно зомби следующей на уличных демонстрациях за главарями, она должна предложить обществу общенациональную консолидирующую программу по выводу страны из кризиса, подъему всех сторон национальной жизни, вхождению страны вновь в стремнину международной жизни, как это было сделано на заре независимости. Разработка и принятие такой программы в сложившихся на сегодня условиях не менее важны, чем принятие Конституции. Почему бы не осуществить подобный общенациональный проект на основе широкого общественного обсуждения проекта программы и проведения референдума? Окупились бы сторицей.

В конечном итоге, будь я врачом, нынешнюю ситуацию в республике оценил бы так. Пациент серьезно болен, но летального исхода можно избежать при правильном терпеливом лечении, создании вокруг него обстановки дружелюбия, при единстве действий всех, кто хочет поставить его на ноги. Ни прибавляя, ни убавляя, нынешнее положение Киргизстана нельзя не признать критическим. «Тюльпановые» революционеры изнасиловали страну в самой извращенной форме, поставили ее на дыбы, по-большевистски разрушили то, что было создано в первые 14 постсоветских лет. Непрерывной чередой по улицам столицы и других городов республики прокатывались многотысячные протестные манифестации, от действий заказных киллеров погибли десятки народных депутатов и видных общественных деятелей, растаскивалась государственная казна, началось массовое бегство населения, рушилась экономика, росла бедность, насаждалась ханская система власти. Дело закончилось взрывом...

После апреля 2010 г. Р. Отунбаева и сложившаяся вокруг нее группа выходцев из «тюльпанового» прошлого предпринимают чуть ли не отчаянные попытки вывести страну из хаоса, в возникновении которого в Ала-Тоо, как киргизы порой называют свою землю, в немалой степени они сами виноваты. Сделанные новым киргизстанским президентом в ходе саммита ОБСЕ в Астане 30 ноября заявления о достигнутых в стране стабильности и переломе к лучшему не соответствуют действительности, являясь либо самообманом, либо стремлением ввести наших партнеров по ОБСЕ в заблуждение, приукрасить действительность. Несмотря на самовосхваление нынешними правителями Киргизстана своих действий по переводу республики на парламентские рельсы, остаются большие сомнения относительно самой возможности приживить эту систему на киргизстанской политической почве. По моему убеждению, она будет народом отторгнута. При выстраивании обновленной системы необходимо в полной мере учесть весь наш многовековой непростой исторический опыт, в том числе и издержки постсоветского периода.

Как уже указывалось выше, Р. Отунбаева пустила в оборот выражение «Великое киргизское кочевье». С одной стороны, похвально, что в попытках оправдать осуществленные «временщиками» радикальные решения она пытается опереться на исторические реалии. Были у нас и Великое кочевье, и кочевая демократия. Однако крупно ошибаются те, кто думает, что существовала кочевническая вольница. Времена были крутыми, условия жизни

кочевников – критически сложными. Это вынуждало в кочевнических сообществах придерживаться жесткой дисциплины, а порой – во времена агрессивных поползновений извне – вводить военизированный режим по принципу «каждый киргиз – воин». Существовала властная иерархия, на вершине которой находился правитель, чья воля была законом. Принципы кочевой демократии, обусловленные потребностями выживания людей в суровых природных условиях, проводились в жизнь твердой рукой правителей, выдвигавшихся из числа наиболее мудрых, авторитетных и сильных личностей. Те, кто вчитывался в наш героический эпос «Манас», это хорошо ощутили. Пасторальные представления Р. Отунбаевой о кочевой жизни слишком далеки от реальности.

Когда речь идет о ключевой роли парламента, нельзя не видеть, что в условиях существующей в республике внутренней неустойчивости его характер, коллективный, зачастую затяжной порядок принятия в нем решений неизбежно создают состояние размытости государственной власти, ее определенной отстраненности от текущих дел в стране. Персональная ответственность президента – непереманный атрибут государственной власти в подавляющем большинстве стран мира. Подвожу к выводу: пересмотр нынешней редакции Конституции Киргизстана представляется неизбежным. Только делать это надо на трезвую голову, без революционного шабаша и социальных потрясений, в последнее пятилетие ставших визитной карточкой страны.

Испытываю острую боль, когда приходится писать и говорить о трудном положении в родной республике, служению которой в качестве ученого и государственного деятеля отданы почти 40 лет моей жизни. Однако горькая правда более полезна для общества, чем сладкий демагогический обман. Вселяет веру в наше лучшее будущее другое. История киргизской государственности насчитывает 22 века. Были в ней и катастрофические падения, и стремительные взлеты. Наш народ переживет и нынешний провал, истоки которого восходят к «тюльпановой» революции. Переживет прежде всего потому, что извлечет урок из пятилетнего бесславного бакиевского периода современной истории республики. Переживет издержки «временщиков». Выстоит, потому что рядом с ним всегда был и остается российский народ, воспринимающий судьбу киргизстанцев как свою собственную. Правители приходят и уходят, а народ остается. На это надежда.

«Свободная мысль», М., 2011 г., № 2, с. 5–20.

Аркадий Дубнов,
политический обозреватель
**ТАДЖИКИСТАН: НОВАЯ ОППОЗИЦИЯ
СТАРОМУ ПРЕЗИДЕНТУ**

Президент Таджикистана Эмомали Рахмон был первым лидером постсоветского государства с исламским населением, который попытался изменить стиль отношений с народом после череды потрясений вдоль «арабской дуги». Неудивительно, поскольку именно 58-летний Рахмон, удерживающий власть в стране уже 19-й год, постоянно входит в первую десятку регулярно обновляемых различными мировыми СМИ списков лидеров, которые рискуют быть свергнутыми в результате народных волнений. Уже в феврале Эмомали Рахмон согласился принять трех жителей кишлака под Душанбе, в котором местные власти начали сносить жилища. Так президент отреагировал на собравшийся у стен его администрации митинг протеста, ничего подобного раньше не случалось. Еще через пару недель также впервые таджикский омбудсмен Зариф Ализода представил отчет о соблюдении прав человека. Он сообщил, что с жалобами по поводу незаконного лишения недвижимости, неправильного распределения земельных участков и других несправедливостей со стороны местных властей обратились около полутора тысяч человек.

Накануне праздника Новруз, отмечаемого 21 марта, с улиц Душанбе неожиданно исчезли многочисленные изображения самого Рахмона. Высокопоставленный функционер правящей Народно-демократической партии Усмон Солеҳ разъяснил: «Это исходит из политики президента, который выступает против авторитаризма и культа личности, он не нуждается в таких внешних проявлениях любви народа. Президент и ранее давал указания местным органам власти, чтобы не допускали случаев хваления его личности». Тем не менее, как заметил таджикский политолог Раджаби Мирзо, раньше плакаты с изображением президента не убирала.

Наконец, в конце марта амнистированы несколько боевиков вооруженной оппозиции, участников вооруженных столкновений осени 2009 г. в Тавильдаре, горном районе к востоку от Душанбе. Нескольким десяткам других боевиков, приговоренных к пожизненному заключению или к срокам от 20 до 30 лет, приговоры значительно смягчили.

В стране эти меры восприняты позитивно. «Многие обвиняемые в терроризме и экстремизме получают слишком большие сроки заключения, что может стать катализатором дальнейшего обострения ситуации», – говорит председатель ассоциации политологов Абдугани Мамадзимов. О готовности власти смягчить режим сигнализирует и заявление спикера верхней палаты парламента, мэра Душанбе Махмадсаида Убайдуллаева. Сославшись на «стихийно осложнившуюся с учетом социальных и экономических проблем ситуацию в некоторых странах», он рекомендовал генпрокурору и правоохранительным органам «принять меры для защиты стабильности, обеспечения правопорядка, усиления надзора над соблюдением законности и недопущения нарушения прав личности». «Заявление спикера – превентивная мера, у нас сейчас нет революционной ситуации», – успокоил экспертное сообщество Мамадзимов. В целом в стране действительно нет политической силы или ярких лидеров, готовых к решительным действиям по устранению режима Рахмона. Тем более что «давление» в протестном «котле» до сих пор относительно удачно «сравливалось» активностью двух легально действующих оппозиционных партий (всего в республике восемь партий), в том числе единственной в регионе, построенной на конфессиональной основе, Исламской партии возрождения Таджикистана. Заметным фактором общественно-политической жизни являются независимые СМИ, хотя газеты выходят лишь раз в неделю. Выражение лояльности к власти традиционно не является обязательным условием деятельности журналистов в Таджикистане, поэтому им позволено высказывать свою точку зрения, которая подчас выглядит откровенно оппозиционной.

Протестный ресурс, аккумулируемый в таджикской зоне Интернета, несопоставим с возможностями в арабских странах. В Таджикистане доступ к Сети имеет не больше четверти населения, в основном госслужащие, студенты и сотрудники международных организаций. При этом молодежь от 20 до 30 лет интересуется в основном развлекательными порталами и сайтами знакомств и меньше всего серьезными аналитическими или политическими сайтами, утверждает Парвина Ибодова, председатель Ассоциации интернет-провайдеров. Кроме того, интернет-услуги в городах малодоступны из-за дороговизны, а в сельской местности практически недоступны из-за проблем с энергоснабжением.

Когда функционерам требуется понизить градус критики в прессе, применяется испытанный метод консолидации перед ли-

цом внешней угрозы. Выбор небольшой: либо руководство соседнего Узбекистана, «препятствующее строительству в Таджикистане Рогунской ГЭС», либо «некоторые влиятельные круги в России, разжигающие антитаджикские настроения». В пользу правящего режима сегодня все еще работает так и не преодоленный синдром усталости от гражданской войны середины 90-х годов прошлого века. Она унесла жизни нескольких десятков тысяч человек, а еще десятки тысяч заставила спасаться бегством в Афганистан и другие страны. При этом национальное примирение, достигнутое в 1997 г. между правительством Рахмона и оппозицией, полностью своей цели не достигло. Сторонники оппозиции со временем стали преследоваться властью. Более того, стремясь обезопасить себя от наиболее амбициозных соратников, Рахмон начал преследовать и их. В результате режим выродился в типичную nepoтyию, где контроль над бизнесом и силовыми структурами принадлежит членам большой семьи президента (у него девять детей) и его землякам. Уровень коррупции в Таджикистане, по оценкам «Транспэрэнси Интернешнл», – один из самых высоких не только в регионе, но и на всем постсоветском пространстве.

В основном все те, кто готов сегодня с оружием в руках сражаться против рахмоновского режима (их, по оценкам, около 300 человек), рассредоточены и укрываются в горных районах. Еще несколько десятков таджиков могут примкнуть к ним из-за границы. Важно отметить, что в основном это второе поколение таджикской оппозиции, не нашедшее себя в нынешнем социуме, дети как прежних оппозиционеров, так и «народнофронтовцев», обиженных своей же властью. Однако, по имеющимся данным, отсутствие единого руководства и серьезного финансирования делает консолидацию этой фронды практически нереальной.

Официальный Душанбе еще задолго до восстаний в Тунисе и Египте пытался ограничить растущее влияние ислама. Уже летом прошлого года стали закрываться незарегистрированные мечети, а имамам строго предписывались темы проповедей. Осенью 2010 г. Эмомали Рахмон заявил, что изучающие ислам молодые таджики «попадают под влияние экстремистов и становятся врагами». По сообщению хорошо информированного американского интернет-портала Eurasianet.org, осенью прошлого года власти заставили вернуться в Таджикистан 1400 студентов, обучавшихся в странах Ближнего Востока, включая 200 человек из Ирана. А в декабре 90 детей столкнулись с запретом посещать школу при иранском посольстве в Душанбе. Вообще, стремление ограничить рас-

пространение шиитской версии ислама среди таджиков-суннитов привело в последнее время к заметному охлаждению между Таджикистаном и Ираном.

В марте из американских источников произошла утечка информации о том, что силам специального назначения США, дислоцированным в Афганистане, разрешено по согласованию проникать на территории Киргизии, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана «для осуществления операций по их внутренней обороне». Как сообщает Eurasianet.org, директива выпущена Командованием сил спецназа Соединенных Штатов еще в августе 2009 г. Согласно документу, на 1 февраля 2010 г. к подобным операциям в рамках «региональной переориентации» была подготовлена уже третья группа американского спецназа. В том же году спецназовцы приняли участие в ликвидации боевиков, проникших из Афганистана в Таджикистан. В комментариях к этим сообщениям американское посольство в Ташкенте указало, что «спецназ США продолжит рутинное военное сотрудничество с вооруженными силами стран Центральной Азии».

Возможно, уповая на такую поддержку и надеясь, что в стремлении обеспечить стабильность в «таджикском тылу» своей афганской операции Вашингтон не станет требовать от Душанбе неотложных реформ, Рахмон заявил в конце марта, что «искусственное ускорение процесса движения по демократическому пути нецелесообразно». Однако риск неконтролируемого развития событий сохраняется. Режим Бакиева был свергнут через несколько дней после введения Россией экспортных пошлин на ввозимые в Киргизию ГСМ и дизельное топливо. С 1 апреля 2011 г. Москва повысила экспортные пошлины на ввозимые в Таджикистан нефть и нефтепродукты в среднем на 16%. Это может вызвать недовольство таджикских фермеров, поскольку повышение тарифов произошло в разгар весенних полевых работ. За последние полгода в Таджикистане резко выросли цены на продовольствие: на муку – на 80%, на сахар – на 25 и на рис – на 23%. Если учесть, что 40% таджиков живут за чертой бедности, прогнозировать социальные последствия такого роста цен – дело неблагоприятное. Тем более что неизвестно, послушались ли таджики своего президента, еще год назад призвавшего их запастись продуктами на два года вперед.

*«Россия в глобальной политике»,
М., 2011 г., № 2, март-апрель, с. 134–137.*

Александр Скиперских,
доктор политических наук
**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ И СТАНОВЛЕНИЕ
ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ
В ПОСТСОВЕТСКОМ УЗБЕКИСТАНЕ**

Процесс демократизации политических институтов происходит при непосредственном участии такого актора, как интеллектуалы. Объективации участия интеллектуалов, презентовавших в идеологическом вакууме трансформаций собственные политические проекты, имели и имеют место даже в тех политических системах, где демократические достижения не выглядят значительными. Исключением не стал постсоветский политический процесс. Наша задача – постараться разобраться в политическом многообразии групп интеллектуалов, претендовавших на институционализацию как в период, предшествовавший распаду СССР, так и в первые годы узбекской независимости. Выявление специфики легитимации оппозиционных интеллектуальных проектов в Узбекистане, на наш взгляд, может способствовать определению некоего фреймового сценария легитимации демократических институтов (и, конкретно, роли интеллектуалов в их проектировке и сопровождении) в республиках Средней Азии в целом. Интеллектуалы как творческие политические акторы принимали в них непосредственное участие.

Масштабы политической активности представителей университетской профессуры, артистической богемы, писателей, поэтов и музыкантов были действительно очень значительными. Ориентированность акций культурной элиты не вызывала сомнений. Вообще, интеллектуал осуществляет важную функцию аккумуляирования и трансляции знания, заметно редуцирующуюся в периоды политических трансформаций, в условиях идеологического вакуума и ценностных коллапсов.

Демократические перспективы в Узбекистане были почувствованы оппозицией из интеллектуалов еще задолго до постсоветских трансформаций, что позволило ей вполне организованно заявить о своих намерениях. Рост движений узбекских интеллектуалов синхронизируется с институционализацией подобных движений в других постсоветских системах. Распад монопартийной системы и переход к многопартийности оптимизировал политическое и партийное строительство и в Узбекистане.

В 1988 г. была основана партия «Бирлик» (Единство). В «Бирлике» нашли общий язык известные узбекские интеллектуалы – университетская профессура, музыканты, писатели, ученые. Все творческие площадки узбекского общества так или иначе были представлены интеллектуальным референтным движением, что поддерживало его массовизацию и популярность. Ядро «Бирлика» составляли: Мухаммад Салих (Салай Мадаминов) – поэт, сценарист, один из основателей движения «Эрк» (в настоящий момент преследуется режимом И. Каримова и проживает в Швеции); Абдурахис Пулатов (Пулат) – доктор технических наук, один из основателей и руководителей «Бирлика» (в настоящий момент проживает в США); Василя Иноятова – лидер правозащитной организации «Эзгулию»; Дадахон Хасанов – популярный поэт и певец, основатель движения «Бирлик»; Захид Хакназаров – дирижер, композитор, сопредседатель «Бирлика». Партия приобрела огромную популярность, что позволило ей значительно расширить социальную базу поддержки. Все чаще акции «Бирлика» находят понимание у городской интеллигенции и студенчества, поддерживающего М. Салиха в противостоянии с республиканской властью. Именно студенты стали главной движущей силой турецко-месхетинских погромов в Ферганской долине в 1989 г. Идеологически программа «Бирлика» была для них вполне привлекательна.

Как и другие демократические движения, возникающие в то время на постсоветском пространстве, «Бирлик» был преимущественно ориентирован на национальное узбекское возрождение, понимаемое и интерпретируемое в различных ипостасях. «Бирликовцы» акцентировали свое внимание на многих неудобных для правящего режима темах, стремясь почувствовать политическую проблематику в дискурсах, казалось бы, не связанных с ней напрямую. Идеологи «Бирлика» призывали республиканскую власть решить вопрос статуса узбекского языка, обратить внимание на экологические проблемы (высыхающее Аральское море), покончить с беспределом в армии, от которого страдали узбекские призывники. Призывы оставлять служить узбекских юношей на территории Узбекистана находили большую общественную поддержку. М. Салих акцентировал внимание общественности и на проблемах образования, говоря о том, что «резко сокращено количество часов узбекского языка и литературы в младших классах. Количество сторонников «Бирлика» быстро увеличивалось и по некоторым оценкам к началу 1990-х годов (самый романтический период в деятельности партии) могло достигать порядка

300 тыс. человек. В 1991 г. «Бирлик» был официально зарегистрирован. Через два года деятельность «Бирлика» в Узбекистане была прекращена – режим И. Каримова усиливался, что делало данную меру вполне оправданной. Сейчас «Бирлик» не является официальной партией, что исключает ее из числа соискателей парламентских мандатов, права выдвижения кандидатуры на пост президента и т.д. Подобная конъюнктура неизбежно сказывается на оттоке электората «Бирлика». Отчасти именно этим объясняется стремление лидеров «Бирлика» искать новые формы институционализации (участие в новой политической силе – «Солнечной коалиции»).

Деятельность «Бирлика» становится полулегальной и сводится к выпуску различных изданий. Издается интернет-журнал «Харакат», позволяющий себе достаточно смелые высказывания в адрес власти. В свою очередь власть выстраивает отношения с «Бирликом» в предельно жестком формате, включающем тотальное давление на отдельных интеллектуалов, запугивание, избивание, поджоги, похищение людей. Отсутствие гарантий безопасности заставляет бирликовцев уезжать из Узбекистана в Турцию, Норвегию, США, Украину. Лидер «Бирлика» А. Пулатов проживает в Вашингтоне. Технологии противодействия интеллектуалам узбекской государственной машины охватывают и информационное поле. Весьма резкие риторические фигуры периодически выбрасываются в сторону интеллектуалов-оппозиционеров. Советник И. Каримова Л. Левитин определяет звездные часы таких оппозиционеров: «Периоды социального и духовного кризиса общества, распада государственности, смены общественных вех. Дьявольский инстинкт ведет их (интеллектуалов) при всей их несовместимости к объединению в борьбе с властью, к консолидации усилий для того, чтобы у власти власть отнять».

Другим проектом стала политическая партия «Эрк» (Воля), созданная в 1989 г. по инициативе некоторых интеллектуалов, отделившихся от «Бирлика». Одним из основателей «Эрка» стал поэт М. Салих. В то время имя Мухаммада Салиха стало упоминаться в качестве одного из символов национального возрождения, а вокруг него объединялись представители национальной интеллигенции – деятели культуры, гуманитарии, активное студенчество. Важную роль в деятельности «Эрка» играли такие популярные фигуры, как А. Арифов, К. Разыков, Т. Юлдашев.

Автором политической программы «Эрка» является известный узбекский оппозиционный политик – Т. Юлдашев. Она пред-

ставляет собой призывы «установить в Узбекистане всеобщее благоденствие (бесплатное образование, здравоохранение, услуги ЖКХ, установка за счет государства в каждом доме компьютера с выходом в Интернет и т.д.), чтобы страна через 5–10 лет стала величайшей в мире. Программа предполагала и частичную приватизацию земли. «Эрк», выражая радикальные требования к власти, завоевывает популярность у городской интеллигенции и просвещенных провинциалов, ориентированных на агрокультурный сектор. «Многие молодые узбеки уже приобрели достаточные навыки работы с компьютером, чтобы получить материалы, которые государство старается сделать недоступными», – замечает американский специалист по Средней Азии М. Олкотт. В этой связи идеолог «Эрка» неслучайно заявляет в программе «Эрка» тему Интернета, особенно актуальную для узбекской молодежи, стремящейся к расширению информационных горизонтов.

В декабре 1991 г. М. Салих баллотируется на пост президента Узбекистана от «Эрка» и набирает 12,54% голосов. Поражение М. Салиха вызвало возмущение сторонников и становится одной из причин студенческой демонстрации в январе 1992 г. в Ташкенте, разогнанной властями. Популярность «Эрка» заставляет режим пойти на крайние меры – оппозиционная партия прекращает свое юридическое существование в Узбекистане. Некоторые надежды партия связывала с возможностью поучаствовать в президентских выборах 2007 г., но правящий режим Узбекистана обезопасил себя от гипотетической делегитимации. М. Салих проживает в Швеции, как и большинство других узбекских оппозиционеров, появление которых в Узбекистане сопряжено с многочисленными рисками.

В условиях жесткой конкуренции на правом фланге политического спектра Узбекистана «Бирлик» и «Эрк» так и не смогли обойтись без политических разногласий. Определенная напряженность может существовать и в данный момент. Внутри самих партий наблюдается высокая текучесть. Некоторые интеллектуалы, нуждаясь в трибуне, склонны давать собственную интерпретацию происходящим конфликтам и их причинам. Атмосфера подозрительности провоцирует взаимные обвинения в «двурушничестве», в лояльности властям. Так, «часть эрковцев открыто призывают к свержению “режима Каримова” и при этом свободно ездят по стране, агитируют, живут на широкую ногу. Других арестовывают, пытаются, подвергают гонениям. И те и другие обвиняют друг друга в сотрудничестве с узбекскими, американскими и турецкими спецслужбами».

В начале 1990-х годов из структур «Бирлика» вышла и партия «Озод дехконлар партияси» (Свободные крестьяне). Потенциальная социальная база данного проекта – узбекские дехкане – уже находилась в сфере интересов власти. Но это происходило лишь на этапе становления узбекской многопартийности. Потом партия на некоторое время выпадает из реального политического дискурса. Тем не менее в начале 2000-х годов происходит ее возрождение, причем бренд «Озод дехконлар партияси» удается интеллектуалам удержать за собой. На I Курултае партии, состоявшемся 6 февраля 2003 г. в Ташкенте, было объявлено о создании в Узбекистане новой оппозиционной силы и при этом обнародованы устав партии и программа, определены цели и задачи. Ядро «Озод дехконлар партияси» составляют такие политические деятели, как М. Маликов, О. Каримов, З. Саидов. Весьма популярны у сторонников партии и политики-женщины – кандидат исторических наук Н. Хидоятова и правозащитник Е. Урлаева.

«Озод дехконлар партияси» ориентирована на зажиточных фермеров, на сельских предпринимателей, наконец, на самих дехкан. По различным данным, в партии состоит порядка 100 тыс. человек, преимущественно из крестьянского населения Ферганской долины. Н. Хидоятова в интервью независимому изданию «Фергана.РУ» спрашивает: «Прежде всего – почему идет такое стремительное обнищание дехкан (крестьян)? Почему до сих пор не решен земельный вопрос? Почему в кишлаках такая массовая безработица? Почему женщины из кишлаков идут наниматься мардикерами (поденными рабочими) на базарах? Почему приходят в негодность сельские школы? Почему наши дехкане до сих пор бесправны и на них смотрят как на людей второго сорта?.. Это не ради власти, а ради того, чтобы жил наш народ – крестьянин, кормилец, защитник, труженик – жил достойной жизнью, а не как гражданин второго сорта».

Из обращения Н. Хидоятовой видно, что партия использует весьма популярную риторику – ее требования понятны и лаконичны. Интеллектуалы «Озод дехконлар партияси» выступают весьма референтной группой. Популярность партии увеличивалась на фоне большого количества массовых и стихийных акций протеста узбекских крестьян, прокатившихся по ряду регионов Узбекистана в 2004 г. Тогда крестьяне проявили себя как оппозиционная сила, способная, с одной стороны, переворачивать милицейские машины и торговые ряды, а интеллектуалы, с другой стороны, выгля-

деть искусственными переговорщиками, решая вопросы с властью с пользой для себя.

Конечно, трудно говорить о том, что «Озод дехконлар партияси» является наиболее оптимальным оппозиционным проектом в современном Узбекистане, хотя руководством партии предпринимаются активные попытки позиционирования именно такой единственной силой. «Озод дехконлар партияси» активно сотрудничает с американскими НПО, занимающимися развитием демократии в Средней Азии, с блоком «Наша Украина», киргизскими и грузинскими партнерами. «Озод дехконлар партияси» выступила с резким осуждением действий И. Каримова во время событий в мае 2005 г. в Андижане, что, несомненно, прибавило ей рейтинговых очков.

Интересно, что андижанские события стали результатом деятельности организации «Акромийя» – радикального религиозного течения, по мнению узбекских властей, связанного с «Хизб ут-Тахрир» и с ИДУ (Исламским движением Узбекистана). К деятельности «Акромийи» также могли быть причастны интеллектуалы, иначе сложно было бы говорить о ее популярности, достигшей серьезных масштабов. Понимая, какую роль может сыграть мобилизованный и управляемый ислам в отдельных узбекских регионах, некоторые интеллектуалы пытаются разыграть и эту карту.

Так, основателем «Акромийи», в данный момент отбывающим наказание, является А. Юлдашев, у которого существует много прозвищ, каждое из которых так или иначе выдает в нем интеллектуала – «мулла», «учитель математики», «независимый исламовед». За короткий промежуток времени А. Юлдашев смог создать достаточно независимую организацию – общину, защищавшую своих членов экономически, что для многих неопитов было важным аргументом в пользу вступления в нее. Официальный Ташкент усмотрел в деятельности «Акромийи» экстремистские мотивы, что послужило прекращению ее деятельности.

Понимая, как важно по горячим следам сформулировать собственную позицию в отношении андижанских событий, «Озод дехконлар партияси» попыталась заявить о себе рядом акций, способных вызвать к жизни информационные поводы. Важным имиджевым решением партии была попытка подсчитать количество жертв андижанской трагедии. Активисты партии ходили по домам и записывали имена и данные о погибших. Достаточно жесткая реакция на андижанские события последовала и со стороны зарубежного сообщества, позиция которого во многом совпадала с

позицией узбекской оппозиции. «За Андижан и суд власти Узбекистана уже понесли суровое наказание. Их страна стала классическим «изгоем». Некогда стратегические отношения с США, являющимися ключевым геополитическим партнером Узбекистана в регионе, начинают стремительно портиться.

Вместе с тем «Озод дехконлар партияси» не удалось консолидировать узбекскую оппозицию и выступить авторитетной политической силой для узбекских правых националистов из «Бирлика» и «Эрка». Узбекские оппозиционеры в то же время не могли не понимать, что для успешного сопротивления правящему режиму И. Каримова необходим один проект, который сможет выразить в своем политическом тексте наиболее репрезентативные программные положения для всех оппозиционных сил узбекского политического спектра. Вполне вероятно, что это послужило причиной институционализации еще одного проекта – «Серкуеш Узбекистоним» («Солнечный Узбекистан», другое название – «Солнечная коалиция»). Лидерами коалиции являются Н. Хидоятова и С. Умаров. В «Солнечную коалицию» вступает и молодежно-демократическая партия «Довюррак».

По словам С. Умарова, программа «Серкуеш Узбекистоним» «начала привлекать многих предпринимателей, научных сотрудников, артистов и правительственных служащих среднего звена». К данному проекту также имеют отношение узбекские интеллектуалы, сумевшие вовремя оценить политическую конъюнктуру в республике накануне предстоящих электоральных циклов. Целью «Серкуеш Узбекистоним», озвученной на учредительном съезде 20 апреля 2005 г., является «не организация массовых акций протеста или подготовка “цветной революции”, а объединение демократических сил страны для конструктивного диалога с властью о необходимости политических и экономических реформ». Но С. Умаров выскажет, что создание коалиции было во многом вдохновлено «тюльпановой» революцией в Киргизстане и что «та же самая участь ждет и узбекский режим, и когда он падет, то на его месте должен быть план по спасению нашей страны от экономического и политического хаоса».

Апелляции к экономическим и политическим реформам со стороны лидеров «Серкуеш Узбекистоним», с точки зрения автора, выглядели недостаточно акцентированными. И на это были свои причины, скрывающиеся в опыте предыдущего сопротивления правящему режиму.

Несомненно, данные декларации позволяли почувствовать, что «Серкуеш Узбекистоним» опасался судьбы своих политических предшественников, поэтому «мягкость» риторики должна была как-то сказаться на гипотетических шансах правящего режима и легитимировать данный проект. Тем не менее через месяц произошли беспорядки в Андижане, которые привели к их подавлению правящим режимом. Разумеется, представители «Серкуеш Узбекистоним» не могли не высказать своего резкого отношения к действиям режима, потребовав немедленной отставки правительства и проведения досрочных выборов президента Узбекистана в трехмесячный срок. Дальнейшее развитие политического процесса показало, что высказанное отношение к андижанским событиям и призывы отправить в отставку правительство и президента выглядят скорее как популистские ходы. В условиях, когда Конституция Узбекистана является единственной на постсоветском пространстве, исключающей процедуру импичмента президенту, данный шаг мог выглядеть довольно смешным. Трудно было представить себе правящий режим Узбекистана внимающим данным требованиям оппозиции. Поэтому и выходит, что подобная риторика остается и используется оппозицией. Используется за неимением других более эффективных средств контроля и выражения собственного мнения.

Р. Дарендорф заметил однажды, что «непременной составляющей гражданского общества являются интеллектуалы. Свободная страна нуждается в критиках, не повязанных структурами власти». В этом отношении, конечно, ситуация в Узбекистане значительно отличалась от других постсоветских государств, где интеллектуалам на короткое время удалось легитимироваться в структурах власти (Украина, Грузия, Азербайджан, Армения). В условиях политических постсоветских трансформаций слабость институтов во многом создавала интеллектуалам оптимальную диспозицию, позволявшую им задавать вопросы режиму, подвергая сомнению его легитимность. М. Доган подтверждает, что «когда интеллектуалы ставят под сомнение существующий режим, его легитимность оказывается более слабой». Ситуация в Узбекистане на начальном этапе постсоветского транзита подтверждает это. Будучи не обремененными обязательствами перед обществом и его ожиданиями, интеллектуалы получили некоторое преимущество, позволявшее им критиковать режим. Правда, развитие узбекского политического процесса показало, что интеллектуалы не превратились в заметного и активного политического актора. Это-

му способствовал целый ряд причин, связывающихся, прежде всего, с дефиницией правящего режима в Узбекистане.

К слабости позиции интеллектуалов имеет отношение и внешний фактор. Сближение с мощными геополитическими союзниками, заинтересованными в стабильности, позволяет правящему режиму проводить весьма бесцеремонную политику в отношении узбекских интеллектуальных сил, потому как именно при их непосредственном участии поддерживается нестабильность в стране, гипотетически способная распространиться и на весь регион в целом.

В устранении интеллектуалов с политического поля содействует правящему режиму и Россия, больше заинтересованная в стратегическом партнерстве в Центральной Азии. Собственную незаменимость И. Каримов демонстрирует практически всем авторитетным геополитическим партнерам: «Ислам Каримов в течение практически всего своего правления умудрялся искусно лавировать между основными внешнеполитическими партнерами, сохраняя хорошие отношения и с США, и с Россией, и с Китаем. За эти годы президент Узбекистана почти убедил все эти страны в своей незаменимости». Понятно, что в подобных условиях, когда у правящего режима существует достаточно высокая внешняя легитимность и когда по многим причинам И. Каримов оказывается выгоден в контексте существующих геополитических трендов, говорить о том, что интеллектуалы могут превратиться в ключевых политических акторов, не приходится.

Таким образом, ресурсы интеллектуальной оппозиции значительно проигрывают ресурсам правящего режима. Несмотря на демонстрируемые претензии на легитимацию, интеллектуалы пока не могут инкорпорироваться в узбекскую правящую элиту. Правящий режим, будучи сильно консолидированным, блокирует подобные вызовы со стороны интеллектуалов как оппозиции. Здесь можно найти определенные параллели с выведенной М. Фуко зависимостью, заключающейся в том, что «власть господствующих пытается удерживаться с тем большей силой, с тем большей хитростью, чем сильнее сопротивление».

Подавление интеллектуалов в большей степени устраивает правящий режим И. Каримова, нежели поиск вариантов дорогого консенсуса. В то же время, следуя логике других известных формул, следует отметить, что «усиление власти в политической системе делает возможным смену представителей власти, по крайней мере, на самых высших позициях». Это означает, что усиление правящего режима И. Каримова может неизбежно привести к сме-

не элит. Внутреннее напряжение режима может обеспечить власти неблагоприятные эффекты. Интеллектуалы, понимая это, продолжают осторожные попытки расшатывания режима как изнутри, так и снаружи, используя для этого все имеющиеся у них ресурсы, начиная от относительно политических методов и заканчивая радикальными, относящимися к исламскому фактору техниками. Как будет развиваться ситуация в Узбекистане в дальнейшем – покажет время.

«Социум и власть», 2011 г., № 1, с. 51–56.

Андрей Зюков,

юрист

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ В ГОСУДАРСТВАХ – УЧАСТНИКАХ СНГ

Еще в 2002 г., исходя из полученных в ходе исследований данных, уровень межнациональной терпимости в российском обществе в целом оценивался достаточно высоко. Полная толерантность приближалась к 50% населения, сумма же ответов по всей правой части шкалы (полная толерантность плюс незначительные отклонения от нее) составила 72,5%. При этом, однако, наряду с «толерантностью вообще» отдельно рассматривалось отношение к конкретным национальностям, которое у россиян в настоящее время сильно варьируется.

Таблица 1

Рейтинг национальной терпимости в субъектах РФ

Регионы	Терпимость	Промежуточные группы	Нетерпимость
Москва	43,7	38,6	17,6
Санкт-Петербург	55,4	36,9	7,7
Северо-Запад	57,1	35,8	7,1
Север	45,8	40,3	13,9
Волго-Вятский	47,6	29,5	22,9
Центральный	40,0	36,0	24,0
Центрально-Черноземный	55,5	25,7	18,8
Поволжский	55,5	38,8	10,7
Северный Кавказ	37,0	37,7	25,3
Уральский	42,1	38,9	19,0
Западная Сибирь	42,1	26,7	10,2
Восточная Сибирь	49,0	40,7	10,3
Дальний Восток	42,9	36,9	20,2
Весь массив	47,2	35,6	17,2

По данным этнологического мониторинга в январе–марте 2004 г. ситуация на постсоветском пространстве оставалась свободной.

Таблица 2

Рейтинг конфликтности (2003– начало 2004)

Государство, где осуществляется мониторинг	Конфликтность, %					Общественно-политическая ситуация в январе-марте 2004 г.
	2004	2003				
	январь-март	январь-март	апрель-июнь	июль-сентябрь	октябрь-декабрь	
Азербайджан	нет данных	23,91	17,39	19,02	27,17	нет оценки
Казахстан	5,43	19,01	15,76	10,33	8,15	слабая напряженность
Вост.-Казахстанская обл.	4,48	5,98	5,73	3,34	3,14	стабильная обстановка
Юж.-Казахстанская обл.	9,78	21,74	19,57	13,32	8,37	слабая напряженность
Киргизстан	12,23	9,78	9,24	10,33	4,89	конфликтные ситуации
Россия	6,05	8,30	7,13	9,27	8,63	слабая напряженность
Таджикистан	3,80	3,26	4,89	4,13	3,80	стабильная обстановка
Узбекистан	14,20	23,37	21,20	4,89	5,43	конфликтные ситуации
Крым	16,58	10,16	7,28	7,07	12,77	конфликтные ситуации

В числе современных угроз национальной безопасности на территории СНГ сегодня называются: глобальная террористическая угроза; расширяющаяся наркоопасность; трансграничная оргпреступность; национально-этнический экстремизм и сепаратистские движения; стремление к геополитическому лидерству в этом регионе стран и организаций извне и наращивание наступательного потенциала на границах сопредельных государств. Что касается этнического аспекта общественных противоречий в некоторых государствах – участниках СНГ, то он по-прежнему является существенным.

Казахстан. В период 2002–2004 гг. в Казахстане открытых конфликтов и громких политических скандалов не отмечалось. В то же время через СМИ в общественное сознание внедряется мысль, что в полиэтническом Казахстане культура и праздники – прежде всего казахские, так как именно казахи – титульная нация. В Восточно-Казахстанской области, по оценке экспертов EAWARN, уровень общественно-политической конфликтности в январе-марте 2004 г. оставался неизменно низким – 4,5% (в конце 2003 г. был 3,1%). Однако заметно повысилась этническая составляющая общественных противоречий. При этом в целом практически отсутствует этнодискриминация. Социально-профессиональная мобильность казахов, особенно в сельской местности, обеспечивается в основном за счет родственных и клановых связей. Таковы традиции. Однако молодежь любой этнической принадлежности испытывает равные трудности в трудоустройстве.

Уровень внутренней общественно-политической напряженности в Южно-Казахстанской области в январе-марте 2004 г. составил небольшую величину – 9,8% (в 2003 г. – 8,4%). Между тем эксперты EAWARN отмечали существенное усиление этнических факторов конфликтности на фоне внешних факторов, к которым отнесли противоречия в сфере культуры (с 6,3 до 23,1%). К этому добавились экономические проблемы, составляющие напряженный фон (с 4,7 до 9,7%).

Проблемы терроризма, сепаратизма и экстремизма в Казахстане существуют и носят вполне реальный характер. Только за шесть месяцев 2009 г. зарегистрировано 19 преступлений, предусмотренных ст. 164 (возбуждение социальной, национальной, родовой, расовой или религиозной вражды) УК РК (за шесть месяцев 2008 г. – 12); ст. 170 (призывы к насильственному свержению или изменению конституционного строя либо насильственному нарушению единства территории Республики Казахстан) УК РК – 0 (2008 г. – 0); ст. 233 (терроризм) УК РК – 0 (в 2008 г. – 2); ст. 233-1 (пропаганда терроризма или публичные призывы к совершению акта терроризма) УК РК – 6 (2008 г. – 2); ст. 233-2 (создание, руководство террористической группой и участие в ее деятельности) УК РК – 4 (2008 г. – 1); ст. 337 (создание или участие в деятельности незаконных общественных и других объединений) УК РК – 0 (2008 г. – 2); ст. 337-1 (организация деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации после решения суда о запрете их деятельности или ликвидации в связи с осуществлением ими экстремизма) УК РК – 8 (2008 г. – 10).

Киргизия. По отношению к 2003 г. в 2004 ситуация в Киргизстане несколько усугубилась, но в целом осталась в пределах характерных колебаний: от спокойной обстановки к слабо-конфликтной. Интегрированный показатель конфликтности за январь-март 2004 г. составил 12,2% (в конце 2003 г. было 4,9%). Одновременно несколько возросла роль этнических факторов. С 20 мая 2010 г. начавшиеся в Киргизии события и смена власти в областях обнажили старые межэтнические конфликты между узбекской и киргизской общинами на Юге страны. Последующие межэтнические конфликты и столкновения привели к гибели более 200 человек и затронули более 1 млн. человек, значительная часть которых стали беженцами. Следует отметить, что межэтнический конфликт произошел в районе Ошской области Киргизии. А также он затронул область Ферганской долины, где и до этого существовали неразрешенные территориальные и межэтнические проблемы. Эксперты констатируют, что вооруженный межэтнический конфликт как крайняя форма межэтнической напряженности может служить причиной жертв и крупномасштабных социальных катаклизмов.

На сегодняшний день наибольшее число территориальных споров существует между Узбекистаном, Киргизией и Таджикистаном, которые помимо общих границ и аграрного перенаселения объединяет принадлежность к «пороховой бочке Центральной Азии» – Ферганской долине, где расположены Ошская область Киргизии, Согдийская область Таджикистана, а также Ферганская, Наманганская и Андижанская области Узбекистана.

Несовпадение этнических и государственных границ, берущее свое начало в национально-государственном размежевании 1924–1925 гг., привело к тому, что во всех республиках Средней Азии проживают крупные общины других титульных этносов региона. Так, в Узбекистане, по данным на начало 1999 г., проживало 1,2 млн. таджиков, 967 тыс. казахов, 216 тыс. киргизов и 142 тыс. туркмен; в Туркменистане (1995) – 407,1 тыс.; в Киргизии (1999) – 665 тыс.; в Таджикистане (2000) – 937 тыс. узбеков. За исключением Узбекистана, самой крупной этнической общиной которого являются таджики, наиболее многочисленная диаспора в остальных республиках Средней Азии – узбеки. Наличие крупных этнических общин, проживающих на границе со своим «титульным» государством, является сегодня мощным конфликтогенным фактором.

Таджикистан. Положение в Таджикистане эксперты EAWARN склонны рассматривать как стабильное и мало-конфликтное. Ситуация в целом не меняется с 2003 г., и этническая конфликтность не является существенной. Эксперты также говорят об ослаблении негативного влияния на общественно-политическую ситуацию миграционных процессов (показатель конфликтности равняется 0%, в 2003 г. был 12,5%). В то же время в обществе снижается уровень толерантности, нередко на этой почве конфликтные ситуации, и связаны они не только с ухудшением отношений с Узбекистаном. Проблема имеет внутрисоветский этнический и религиозный аспекты. Некоторые факты прямо указывают на это, как, например, происшествия на таджикско-киргизской границе.

Основной движущей и дестабилизирующей силой Центрально-Азиатского региона является партия «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», которая выступает за создание государства «Исламский Халифат» с концепцией борьбы с «неверными» и установления единоверия (так называемого «чистого и истинного ислама»).

Узбекистан. В Узбекистане в 2003–2004 гг. наблюдалось сильное повышение этнической напряженности. По сравнению с 2003 г., состав факторов конфликтности в Узбекистане заметно расширился. До этого катализаторами напряжения были миграционные проблемы и влияние внешних условий (конфликтность неизменно 12,5%). А теперь проблемными в общественно-политическом контексте стали экономика (конфликтность 21,9%, была – 6,3%) и сфера государственного управления (21,4%, было – 6,3%).

Крым. В Автономной Республике Крым, как и в целом по Украине, наблюдается усиление общественно-политической напряженности. Показатель конфликтности в январе–марте 2004 г. составил 16,6%, наблюдаются частые конфликтные ситуации. Тенденция ухудшения положения стала наиболее заметной в последнем квартале 2003 г. (тогда оценка уровня конфликтности составила 12,8%). Продолжает усиливаться, причем опережающими темпами, этническая составляющая конфликтности. В прошлые годы острота этнических отношений на полуострове наблюдалась по линии «лидеры крымских татар – власти Крыма». В 2003 г. все более заметными стали противоречия в бытовой сфере между крымскими татарами и остальным населением, большую часть которого составляют русские. В этой связи о неизбежности волны внутренних переселений и об их массовом характере писали еще в начале 1990-х годов. Эксперты говорят о растущем недовольстве

бездействием правоохранительных органов, которые не реагируют на нарушения общественного порядка, особенно в тех случаях, когда инциденты имеют этническую окраску. Власти не склонны называть подобные инциденты этническими. В Симферополе, столице автономии, в результате массовой драки с применением холодного оружия, в которой были четко обозначены две стороны: крымские татары и «славяне», ножевые ранения получили десятки лиц. Цепь повторений многочисленных стычек, распространение негативных этностереотипов и страхов – все это недвусмысленно свидетельствует о росте межэтнической конфликтности.

Угрозы террористических актов и иных насильственных проявлений экстремизма продолжают оставаться реальностью, что с наглядностью продемонстрировали террористические атаки 29 марта 2010 г. в Московском метрополитене, городе Кизляре Республики Дагестан 31 марта 2010 г. и в ингушском городе Карабулаке у здания ГОВД 5 апреля 2010 г. В отчетах и информационных письмах из генеральных прокуратур государств – участников СНГ отражается общая взаимосвязь мировых процессов глобализации и возникающих проблем, ведущих к возникновению угрозы терроризма и иным насильственным действиям экстремистского характера.

Называются общие причины возникновения таких угроз, находящиеся в плоскости нерешенных проблем и противоречий межгосударственного характера и внутренних конфликтов политического, социально-экономического, территориального, исторического, национального, религиозного и иного характера. На причины терроризма и иных насильственных действий экстремистского характера влияют экономический кризис, политическая нестабильность, бедность, безработица, неграмотность населения, отсутствие политического опыта и жизненных перспектив, а совершение террористических актов часто прикрывается националистическими или религиозными лозунгами.

Международные террористические организации чаще используют небанковские схемы финансирования, альтернативные системы трансферта денежных средств, что обусловлено высокой степенью конспиративности и отсутствием возможности государственного контроля и контроля со стороны спецслужб государств.

С проблемой межэтнических конфликтов и отсутствием толерантности сталкиваются не только Россия и государства – участники СНГ, но и другие страны. Только в последние десятилетия в Турецком Курдистане в результате столкновений курдов с

турецкими правительственными войсками погибло 26 тыс. человек, в Шри-Ланке – более 35 тыс., в Сьерра-Леоне в этническом конфликте погибло около 100 тыс., на Филиппинах (о. Минданао) – свыше 120 тыс., в Либерии – более 150 тыс., в Боснии и Герцеговине – около 200 тыс., в Судане – более 1 млн., в Афганистане – свыше 1 млн., в Сомали – более 350 тыс., в Анголе – свыше 500 тыс., в Руанде только за три месяца 1994 г. погибло более 1 млн. человек. Многие из названных этнополитических конфликтов остаются неурегулированы и до сих пор. По существу, то же самое можно сказать и о целом ряде этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве, ибо очаги этнической напряженности сохраняются в Закавказье, Чечне, Приднестровье, в Крыму, Средней Азии.

В отношении государств – членов СНГ следует также учитывать геополитическое значение Центрально-Азиатского региона и регионов Северного Кавказа, которые находятся в зоне политической нестабильности и конфликтов. Неразрешаемые межэтнические конфликты на территории отдельных государств – участников СНГ оказывают (или могут оказать, в случае их эскалации) влияние на межэтническую обстановку на территории сопредельных государств.

*А. Зюков. «Этническая преступность».
Владимир, 2010 г., с. 77–87.*

М. Гареев,

президент Академии военных наук,
доктор исторических наук

РОССИЯ И АФГАНИСТАН: ЧТО НАМ НАДО ДЕЛАТЬ В СЛОЖИВШЕЙСЯ ОБСТАНОВКЕ?

Афганистан для России всегда имел большое значение. Объективно, Россия заинтересована в существовании Афганистана как самостоятельного, суверенного и сильного государства. И конечно, крайне опасным является проникновение и закрепление США и НАТО в Афганистане и других районах Центральной Азии. В связи с этим некоторые эксперты, занимающиеся этой проблемой, полагают, что нам надо не только прекратить всякое сотрудничество по содействию США в Афганистане, но и всячески противодействовать этому. Действительно, закрепление США на долгое время в Афганистане для России крайне невыгодно, и у нее

немало возможностей для противодействия этому. В конце концов, когда советские войска находились в Афганистане, США (часто через Саудовскую Аравию, Пакистан и другие страны) оказывали огромную помощь оружием и другими материальными средствами моджахедам. Если стать на такой путь, то можно было бы сегодня в порядке «взаимности» поддерживать талибов, сражающихся против натовских войск.

Однако реально Россия не может становиться на такой путь. Это путь не только к холодной, но и горячей войне. Но зная, какие цели в конечном счете преследуются нашими партнерами, смириться со всем тем, что делается в последние годы в Афганистане, тоже невозможно. Достижение этих целей НАТО приведет к изменению всей геополитической обстановки в мире, создав серьезную угрозу для России. Вместе с тем, если трезво, объективно оценивать международную обстановку и перспективы ее развития, то России на данном этапе невыгодно и опасно делать крутой разворот в политике, прекращать всякое сотрудничество и становиться на путь открытой конфронтации с США и другими странами НАТО. Тем более что на данном этапе это не будет в полной мере поддержано ни Китаем, ни странами СНГ. Последние даже с признанием Абхазии и Южной Осетии воздерживаются. На заседании форума ШОС в Пекине в мае 2008 г. представители Таджикистана и Узбекистана всячески оправдывали действия США и предлагали прекратить антиамериканские выпады.

Главное же состоит в том, что идти на такой поворот в российской политике невозможно потому, что США на данном этапе все равно не откажутся от своих целей, там в настоящее время нет таких политических сил, способных радикально изменить направленность американской политики. Внутри США есть силы, лобби, в том числе направляемые транснациональными структурами, которые часто определяют деятельность Конгресса, правительства, нередко и президента. Например, Президент США Барак Обама еще в период предвыборной кампании обещал закрыть тюрьму в Гуантанамо, реформировать систему здравоохранения в стране, решить другие проблемы, но ничего из обещанного осуществить пока не может. Американская политика может не измениться, в крайнем случае, сменят президента, а международная напряженность еще больше возрастет, начнется открытая конфронтация, и в итоге позиции России еще больше ухудшатся.

Резкий разворот в политике со стороны одной лишь России приведет к ее еще большей изоляции. Исходя из всего изложенного, представляется целесообразным следующее.

Во-первых, в конфиденциальных беседах попытаться объяснить нашим «партнерам» всю опасность не только для России и Китая, но и долгосрочных интересов США, НАТО политики, которая сейчас проводится ими в мире и особенно на южном геополитическом направлении, в том числе в Афганистане и Пакистане. Конечно, все это ими пока еще не будет воспринято. Но надо добиваться хотя бы установления ориентировочных сроков пребывания войск и сохранения баз НАТО в Афганистане и других прилегающих странах. Через ООН обязать их активизировать борьбу с террористами и наркотрафиком. Во всяком случае, способствовать становлению в США и других западных странах тех сил, которые рано или поздно будут вынуждены уяснить, что проводимая ими в настоящее время политика в перспективе опасна и нерациональна и для национальных интересов США и всего мира. В Афганистане нужно делать основную ставку на политический путь урегулирования обстановки, помогать восстанавливать экономику страны. Все это, как предлагает генерал Маккристал, должно способствовать повышению доверия населения к войскам НАТО. Это хоть как-то ограничит международную и афганскую коррупцию. Глава МИД Афганистана Рангин Дадфар Спанта заявил, что Афганистан получил только 5% обещанной международной помощи, обвинив США и других государств-доноров в расхищении 75% выделенных средств.

Во-вторых, в свете возникающих угроз вопрос об обеспечении безопасности на афгано-пакистанском и всем южном геополитическом направлении желательно рассмотреть на одном из заседаний ШОС и ОДКБ. И договориться хоть о каких-то реальных совместных действиях по предотвращению назревающих угроз, в первую очередь о совместных политико-дипломатических, экономических и информационных мероприятиях.

Например, на саммите ШОС в Екатеринбурге президент Узбекистана Ислам Каримов выступил с инициативой создания под эгидой ООН нового международного механизма для решения афганской проблемы в формате «Шесть плюс три», в который вошли бы государства, граничащие с Афганистаном, а также представители России, США и НАТО.

Одновременно придется пока продолжать выполнять достигнутые договоренности о сотрудничестве с США и другими

странами НАТО. Но при этом умело, гибко и последовательно проводить свою политику, направленную на безусловное отстаивание национальных интересов России и других стран СНГ. При этом уточнить и сделать более эффективными и последовательными, направленными к этому шагу и мероприятия. Они не должны ограничиваться призывами и декларациями, а содержать крупные долгосрочные проекты совместных действий, предусматривать взаимовыгодную зависимость участвующих в этом стран, механизмы их осуществления.

Для пояснения этой мысли один исторический пример. В октябре 1944 г. состоялась встреча генерала де Голля со Сталиным. В ходе беседы де Голль спросил у Сталина: «Что это за камень преткновения в Вашей политике? Вы на всех переговорах настойчиво ставите вопрос о западных землях Польши». Сталин решил в беседе с генералом особенно не ударяться в дипломатию и прямо ему ответил: «Нужны такие границы между Польшей и Германией, чтобы они никогда не смогли договориться между собой». Он имел в виду, конечно, что пока западные земли находятся у Польши, кто бы ни правил в этой стране, он будет искать защиту и поддержку у Советского Союза, т.е. он этим шагом как бы прочно привязывал Польшу к Советскому Союзу. Дело другое, что в последующем с распадом СССР новая Россия не дала гарантий безопасности ни Польше, ни Чехословакии и тем самым подтолкнула их в НАТО.

В любом государстве сегодня могут быть у власти одни люди, завтра другие, с различными политическими воззрениями, но по коренным вопросам договоренности должны быть такими, чтобы от них никто не мог далеко отойти. Отход от них должен быть невыгодным и практически невозможным. Например, для республик Центральной Азии в настоящее время одной из самых острых становится проблема водоснабжения и производства электроэнергии. Источники воды в основном в Киргизии и Таджикистане, но у них недостаточно своих источников электроэнергии, строительство новых гидроэлектростанций уменьшит водосток в Узбекистан. При советском плановом хозяйстве все это как-то урегулировалось. Сейчас для урегулирования этой проблемы в эти республики стали наведываться американские и британские эксперты. Бывший мэр Москвы Ю.М. Лужков довольно убедительно предложил вернуться к проекту о переброске части стока сибирских рек (не более 10%) в Центральную Азию, который в 1986 г. был не совсем обоснованно отвергнут. Тогда же под давлением спонсируемых из-за

рубежа либералов и лжепатриотов была отвергнута программа по сохранению Арала, хотя высыхание Арала и только ежегодный выброс в атмосферу более 1 млн. т соли могут привести к катастрофе глобального масштаба. Сейчас она взята за основу правительствами государств Центральной Азии и финансируется Всемирным банком.

Осуществление подобных проектов с участием РФ позволило бы совместными усилиями не только фундаментально решать наиболее сложные проблемы, но и ставило бы участвующие в этих проектах страны в такую взаимовыгодную зависимость, от которой невозможно отказаться даже при временных колебаниях тех или иных руководителей, в том числе и российских. Нужна целая система таких договоренностей в политической, экономической, культурной, военной сферах, которые «заставляли» бы дружить, сотрудничать независимо от преходящих обстоятельств и политических настроений.

Стоит задуматься и над вопросом о том, почему некоторые потенциальные партнеры и союзники от нас бегут, почему их так легко соблазняют наши оппоненты? Брюссель провел два раунда консультаций НАТО с азиатскими странами без участия России.

Прежде всего, медленно идет становление национальных элит, твердо стоящих на национально-патриотических позициях, ориентированных на отстаивание долгосрочных интересов своих народов. Не готовятся они и в рамках СНГ, в то же время у Госдепартамента и американских спецслужб создана система хорошо продуманных мер по подбору и подготовке будущих руководителей для других стран, они их умело проталкивают и щедро поддерживают (Ющенко, Саакашвили, некоторые руководители Прибалтийских стран, кое-кто был подготовлен и для Советского Союза).

Когда какие-то руководители отходят от заданной американцами линии, следуют довольно строгие экономические и дипломатические санкции. А главное, их личные счета находятся в зарубежных банках, и рисковать ими они не будут. Среди стран СНГ нет этой строгости и обязательности, а нарушение договоренностей остается без ощутимых последствий. И от российской элиты требуется больше последовательности и принципиальности в этих вопросах.

В-третьих, для того чтобы не отталкивать, а привлекать к сотрудничеству с Россией бывшие советские республики, Российская Федерация должна показывать добрый пример в рациональ-

ной внешней и внутренней политике, в развитии экономики, культуры, в решении оборонных задач. К сожалению, на деле это не всегда получается, а в ряде случаев, как это уже было показано на некоторых примерах, немало делается в ущерб нашим долгосрочным национальным интересам. Наша экономика по-прежнему носит сугубо сырьевой характер и ни в технологическом отношении, ни по производительности труда, ни по энергосбережению, ни по жизненному уровню населения («развитию человеческого потенциала – 71-е место в мире), ни по решению демографических проблем не может обеспечить динамичное развитие страны и служить примером для других «братских» республик. Так, доли разных стран в производстве высокотехнологичной продукции составляют (в скобках – доля этих стран в населении Земли): США – 36% (около 5%), ЕС – 18 (около 8%), Китай – 7 (около 20%), Япония – 16 (около 2%), Россия – 0,2–0,3% (около 2%). Облик российской деревни остался почти таким же, как 200 лет назад, с еще большей внутренней деградацией.

Но как показала жизнь и по признанию крупнейших ученых-экономистов (от российского Кондратьева до современного Валлерстайна), привычная для западной цивилизации общественно-политическая система, названная в свое время капитализмом, умирает. Ей на смену идет что-то новое, и большие потрясения, связанные с ломкой прежнего образа жизни, еще впереди. Теперь не только Президент РФ Д.А. Медведев, но и многие руководители западных стран заявляют, что никакие транснациональные финансовые кампании, а только вмешательство государств позволяет как-то преодолеть мировой системный кризис. Весь вопрос только в том, как осуществлялась роль государства: в основном экономическими или правовыми методами.

В свете рассматриваемых выше новых угроз национальной безопасности России и с учетом того, что в ближайшем будущем центр тяжести международной торговли, экономических и финансовых отношений перемещается в Азиатско-Тихоокеанский регион, самыми приоритетными должны быть крупные комплексные проекты, связанные с экономическим развитием и укреплением безопасности на Кавказе, а также в Урало-Сибирском и Дальневосточном регионах. Это прежде всего ускоренное экономическое развитие этих регионов, приток населения, строительство дорог, аэродромов и других коммуникаций, ликвидация безработицы, информационное противодействие и преодоление сепаратистских, националистических, экстремистских устремлений, укрепление

внутренней безопасности и пресечение вмешательства внешних сил в дела регионов. На решении этих задач должны быть сконцентрированы основные усилия всей страны и ее ресурсы.

В-четвертых, конечно, судьбу Афганистана вправе решать только сам афганский народ. Но после всего, что произошло, ООН, НАТО, ШОС, СНГ, ОДКБ, ведущие державы – США, Великобритания, Китай, Россия, Пакистан не могут остаться в стороне и снять с себя ответственность за то, что переживает сейчас Афганистан.

Прежде всего, необходимо добиться всеобщего прекращения огня и начать процесс примирения сторон. Конечно, при существующих острых непримиримых противоречиях и продолжающейся оккупации страны иностранными армиями процесс этот может стать долгим и мучительным, но все же может положить начало прекращению гражданской войны. В Афганистане обстановка сложнее и там нет единой линии фронта, разделяющей стороны. Контролируемые территории и многочисленные разрозненные враждующие группировки расположены в различных частях страны. Но если бы прекратить (ограничить) финансовую подпитку извне наиболее экстремистских группировок, добиться хотя бы формального соглашения о прекращении огня, стимулировать этот процесс, организовать массовую скупку оружия, то постепенно можно было бы выйти из создавшегося тупика. Вообще, как показывает опыт, миротворческие усилия международного сообщества не имеют шансов на успех, если международные миротворческие силы, вмешиваясь в гражданскую войну в той или иной стране, заведомо становятся на одну из конфликтующих сторон, пытаются поддержать ее и подавить другую сторону. Главная цель миротворчества – способствование примирению сторон. С этой точки зрения важно также, чтобы основу миротворческих сил в Афганистане составляли представители мусульманских стран. А всем странам, вовлеченным в афганский конфликт, нужно договориться о категорическом отказе от использования спецслужбами любых видов террористической деятельности.

При всех обстоятельствах основные усилия должны быть целесообразно сосредоточены на путях политического урегулирования афганской проблемы во взаимодействии и сотрудничестве со всеми государствами, заинтересованными в этом, и противостоящими группировками внутри Афганистана. Прежде всего требуется активизация роли ООН, которая должна создать фонд для оказания экономической помощи Афганистану для восстановле-

ния его народного хозяйства. России и другим центральноазиатским странам нужно всячески воздерживаться от направления в Афганистан воинских контингентов. Но они могли бы принять активное участие в восстановлении газовой и нефтяной промышленности, энергетической и ирригационной систем, строительстве дорог, школ, больниц и других первоочередных объектов жизнеобеспечения.

Многие тысячи гастарбайтеров центральноазиатских стран вместо того, чтобы промышлять на рынках, могли бы заняться полезным и достойным трудом. Кое-что в этом отношении уже делается. В 2007 г. Россия списала Афганистану 90% долга по кредитам, выданным этой стране СССР, и согласилась на реструктуризацию оставшихся 10% на 23 года. Узбекистан, например, к 2011 г. намеревается построить первую афганскую железную дорогу, связывающую Хайротон и Мазари-Шариф. Строительство ведется на деньги, выделенные Азиатским банком развития по протекции США. Ташкент стремится закрепить за собой статус основного центральноазиатского партнера США. В рамках СНГ это никак не согласуется. Кстати, в самом Афганистане таятся большие запасы нефти (до 1,5 млрд. баррелей) и газа (до 15,6 трлн. м³), которые ждут своей разработки.

К этому процессу желательно шире привлекать и частный капитал. После вывода советских войск из Афганистана несколько американских, британских, саудовских нефтегазовых предприятий обратились к своим правительствам с просьбой помочь проложить нефтегазопроводы из Туркмении и северных районов Афганистана к теплым морям. Им было сказано, что дипломатическая, организационная и другая помощь по линии спецслужб будет оказана, но все расходы за вами. Платите за вооружение, подготовку и содержание талибов, добивайтесь завоевания нужных территорий, устанавливайте в Афганистане их власть и гоните нефть и газ. Талибы не устраивали больших сражений и штурмов городов. Полевые командиры на противоположной стороне были просто подкуплены. На этом примере мы видим, как американское правительство за счет частного капитала решает свои государственные задачи. В России, к сожалению, нередко бывает наоборот, некоторые олигархи пытаются за счет государства обделывать свои частные дела.

Один из видных российских политических деятелей в то время заявил, что талибы дальше Амударьи не пойдут. Конечно, они не обязательно будут форсировать эту реку и штурмовать противоположный берег. Талибы (если говорить об их сути) уже сего-

дня орудуют в Ходжанте, Бухаре, Самарканде, Ферганской долине и ждут только своего часа, периодически давая о себе знать то в Андижане, то в Оше, на разных участках таджикско-узбекской границы. В настоящее время многие тысячи высококлассных афганских специалистов, бизнесменов находятся в эмиграции в России, центральноазиатских и европейских странах. Нужно бы способствовать их возвращению на свою родину и использовать их потенциал в интересах афганского народа. Но для этого необходимо прежде всего обеспечить для населения элементарную безопасность и стимулировать национальное примирение в афганском обществе. И не в интересах афганского народа дать втянуть себя в авантюры, связанные с террористическими и другими экстремистскими действиями против соседних народов Центральной Азии. Это принесет новые, еще более страшные бедствия для всех стран этого региона, и в первую очередь для самого афганского народа. Есть также необходимость еще раз подчеркнуть необходимость согласованных позиций России и центральноазиатских республик по отношению к Афганистану.

Насильственное насаждение в Афганистане даже ультрасовременной демократии там не приживается. Когда-то один умный человек писал об афганцах: «Только их неукротимая ненависть к государственной власти и любовь к личной независимости мешают им стать могущественной нацией». И все, кто в разное время пытался покорить Афганистан, терпели неудачу, прежде всего из-за непонимания именно этой метко подмеченной особенности афганского народа. В результате противодействия свободолюбивого афганского народа, казалось бы в покоренной стране, силы завоевателей подтачивались, иссякали и они были вынуждены покинуть ее.

В Афганистане никогда не было абсолютной централизованной власти. Афганские короли сами находились в зависимости от наиболее могущественных пуштунских племен, платили им за охрану государственной границы, но зато брали двойной налог с других, более слабых племен и национальных меньшинств. Народы и племена, населяющие Афганистан, не признавали неограниченную централизованную власть как в центре, так и в провинциях.

Они боролись с властью на всех уровнях. При всех обстоятельствах рано или поздно все народы и противоборствующие политические силы в Афганистане будут вынуждены искать компромиссы, находить приемлемый баланс интересов и политические решения, учитывающие исторические традиции Афганистана

и позволяющие рационально сочетать минимально необходимые элементы централизованной власти и относительной самостоятельности народов и племен. Вместе с тем непременно нужно учитывать пуштунский фактор, поскольку пуштуны – это основной государствообразующий и наиболее сплоченный народ Афганистана. Но рано или поздно придется предоставлять определенные национальные автономии таджикам, узбекам, хазарейцам и другим народам. Без достижения определенного согласия между народами Афганистана в полной мере афганскую проблему решить невозможно.

Предложения некоторых политиков, направленные на расчленение Афганистана, в частности, отделение его северных территорий, населенных таджиками и узбеками, под эгидой Таджикистана и Узбекистана, чреватые еще большим осложнением обстановки в Афганистане и прилегающих государствах. Это только приблизит очаги военных столкновений к среднеазиатским республикам и к России. Серьезной остается наркоугроза, исходящая из Афганистана, и прежде всего для России. В условиях, когда Иран после исламской революции запретил производство, продажу и употребление наркотиков, а Пакистан и Турция установили более строгие ограничения, вершители наркобизнеса сделали главную ставку на Афганистан как основную базу для производства и главные ворота для экспорта наркотиков через территорию центральноазиатских стран. Здесь создана всемирная мафиозная сеть, которая ежегодно получает до 50 млрд. долл. Ведущие афганские лидеры и их союзники в Пакистане поддерживают исламские фундаменталистические движения: от Боснии и Косова до Азербайджана, Чечни и Дагестана, через Кашмир и Таджикистан до Бирмы, Индонезии и Филиппин. Эта поддержка не только идеологическая, она проявляется прежде всего в предоставлении денег, заработанных на наркотиках, приобретении оружия и в посылке наемников. С учетом всего этого для России и других стран СНГ необходимо особое внимание уделить борьбе с контрабандой и распространением наркотических средств.

Компетентными органами официально сообщается, что от употребления различного рода наркотических средств в России умирает более 30 тыс. человек в год, примерно столько, сколько гибнет людей в результате автодорожных происшествий. Наркозависимость части населения, особенно молодежи, превращается в бедствие для народа, Президент России Д.А. Медведев назвал его одной из серьезных угроз национальной безопасности. Как видно

из этого заявления, соответствующие меры по борьбе с этим злом принимаются. Активно работает Федеральная служба по контролю за оборотом наркотиков. Ужесточаются нормативно-правовые документы по повышению ответственности за участие в распространении и употреблении наркотиков. Активизируется антинаркотическая пропаганда и информационная работа.

Поток наркотиков из Афганистана, 90% которого направляется в центральноазиатские страны и в Россию, не удержать только осуществляемыми в настоящее время мерами. В этой области происходит примерно то же, что и 22 июня 1941 г., когда по существу беспрепятственно пропустили германские войска через никем не обороняемую государственную границу и после прорыва их в глубину начали организовывать противодействие и всякого рода контрудары. Недостаточное внимание уделяется пресечению ввоза в Афганистан прекурсоров, без которых невозможно изготовление героина. Проще и дешевле блокировать доступ прекурсоров в Афганистан, чем контрабанду героина из этой страны. Для эффективной борьбы с наркотрафиком в Афганистане рубежи и меры пресечения и противодействия надо выносить вперед, чтобы пресекать это зло в зародыше. Кто и как будет эту задачу решать – это дело стран НАТО.

Но ООН и международное сообщество вправе потребовать, чтобы страны, взявшие на себя ответственность за Афганистан, эту задачу решали более радикально и эффективно. Нужно, видимо, активизировать действия и повышать ответственность за решение этой задачи как со стороны натовских войск, так и правительства Афганистана. Для лучшей координации усилий центральноазиатских стран напрашивается необходимость создания Центра по борьбе с наркоторговлей ШОС с размещением его в Таджикистане.

В 80-е годы все сложности для деятельности советских войск в Афганистане происходили из-за открытости границ с Пакистаном и Ираном, откуда шло снабжение моджахедов. И в настоящее время главной задачей является закрытие границ Афганистана с соседними странами. Если эту задачу решить, то Афганистан захлебнется наркотиками, а население будет вынуждено бросить опиумные поля и заняться другим производством.

«Безопасность России-2011: Экспертно-аналитическое обозрение», М., 2010 г., с. 192–218.

И. Серенко,
востоковед
**РЕФОРМА РЕЛИГИОЗНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
И УСИЛЕНИЕ ИСЛАМИСТСКОЙ АКТИВНОСТИ
В ПАКИСТАНЕ**

Одной из важнейших проблем современного мира остается борьба с международным терроризмом, покушающимся на государственные и общественные устои сложившегося миропорядка и претендующим на мировой диктат. Формирование нового толерантного поколения, способного справиться с этой «чумой XXI века», выступает в качестве основного императива наших дней. Первоочередная роль здесь отводится всей системе образовательных институтов, включающей в себя как традиционные, так и современные компоненты.

Наиболее эффективно эти вопросы могут решаться при условии постоянного совершенствования учебно-воспитательного процесса с упором на воспитание молодого поколения в духе терпимости и ненасилия на основе планетарной этики, способной вывести человечество на путь межцивилизационного понимания и взаимодействия. Недооценка образования или смещение образовательного баланса в сторону традиционализма и политизации могут привести к прямо противоположным, негативным последствиям – распространению идеологии насилия и экстремистских взглядов.

Примером тому может служить Исламская Республика Пакистан – государство, оказавшееся в центре глобальной борьбы с международным терроризмом. В последнее время здесь наблюдается процесс усиления исламистской активности на фоне дальнейшей радикализации пакистанского общества в целом. Об этом свидетельствуют, например, военные операции пакистанских войск против боевиков исламистской сети «Талибан» – «Аль-Каида» в Южном Вазиристане, сопровождаемые резким усилением террористической активности в различных городских ареалах страны. Можно говорить о постепенном расширении географии исламистского влияния в Пакистане: помимо Северо-Западной пограничной провинции (СЗПП) и Территорий племен федерального управления (ТПФУ) ему теперь подвержен и Панджаб, где сконцентрировано около 60% населения страны. Наибольшая активность исламистов отмечается в южных районах данной про-

винции, известных как Территории сирайки, где проживает 27 млн. человек.

Можно согласиться с оценкой последних событий ведущим пакистанским аналитиком А. Сиддике, которая считает, что «боевики хотят дестабилизировать страну и добиваются смещения правительства. ...“Аль-Каида” и “Талибан” распространили свое влияние уже и на Панджаб, в связи с чем правительству и вооруженным силам пора осознать исходящую из этого угрозу». Укрепление позиции исламистов и их идеологии не в последнюю очередь связано с провалом реформы религиозного образования в Пакистане (2001–2009). Она была направлена на осуществление государственного контроля за учебно-финансовой деятельностью религиозных учебных заведений, на их постепенную интеграцию в общий поток школ с целью ликвидации идеологической базы и материальной инфраструктуры религиозного экстремизма и радикализма.

В стране в соответствии с Указом тогдашнего президента П. Мушаррафа от 18 августа 2001 г. было учреждено специальное Федеральное ведомство религиозного образования, которое должно было отвечать за обновление учебных планов и программ теологических школ, создание образцовых государственных медресе нового типа. Стоит сказать, что в рамках реформы было открыто всего лишь три таких медресе (в Исламабаде, Карачи и Суккуре). Помимо этого, в 2002 г. был принят Закон о добровольной регистрации и регулировании деятельности религиозных учебных заведений Пакистана. Регламентировался государственный контроль за обучением в них иностранцев, которые прибывают на учебу в основном из Афганистана, Саудовской Аравии, Йемена, Ливии, Туниса и Марокко. В течение пяти лет планировалось интегрировать в систему школ до 8 тыс. медресе. На проведение реформы религиозного образования было выделено 5,8 млрд. рупий.

Курс пакистанского руководства на модернизацию образовательной системы нашел широкую поддержку у мирового сообщества, в первую очередь у США и их западных союзников, которые предоставили Пакистану на эти цели значительную финансовую и материально-техническую помощь. Так, в 2002–2005 гг. американская помощь Пакистану составила 100 млн. долл. Она предназначалась исключительно для реформирования национальной системы образования, включая теологические институты. После июльских терактов в Лондоне, где прослеживался пакистанский след, государственная регистрация теологических школ

(во многом под давлением западных стран) стала уже обязательной. Пакистанское руководство внесло поправку от 21 августа 2005 г. № 22 в действующий еще с колониальных времен Закон о регистрации общественных организаций (1860), на основе которого и функционировали религиозные учебные заведения Пакистана. В соответствии с ней все семинарии, не прошедшие государственной аудиторской проверки (в срок до 31 декабря 2005 г.), подлежали закрытию, а студенты-иностранцы – депортации на родину.

Однако заявленные пакистанским руководством меры по модернизации религиозной системы образования не были подкреплены жесткой и последовательной политикой по ее практическому претворению в жизнь. Столкнувшись с упорным сопротивлением образовательным нововведениям государства со стороны религиозных консерваторов, правящие круги ограничились набором полумер, уступок и компромиссов, опасаясь нежелательной конфронтации с происламскими силами. Это позволило последним, объединившись, значительно укрепить свои позиции и отстоять в конечном итоге автономность теологических учебных заведений.

Количественное распределение медресе в различных регионах страны, по официальным данным Федерального министерства образования (2007), представляло собой следующую картину: большинство медресе находилось в Панджабе – 5459, в СЗПП их количество было также значительным – 2843, в Синде – 1935, на Северных территориях страны (северные районы бывшего княжества Джамму и Кашмир, подконтрольные Пакистану с 1947 г.) – 1193, в Белуджистане – 769, в Азад Кашмире (юго-западные территории бывшего княжества Джамму и Кашмир, также подконтрольные Пакистану с 1947 г.) – 586, на Территориях племен федерального управления – 135, в Исламабаде – 77 теологических учебных заведений.

Справедливости ради стоит признать, что традиционные мусульманские учебные заведения стали альтернативой современной официальной общеобразовательной системе, не справляющейся самостоятельно с предоставлением образовательных услуг населению. Компенсируя в определенной мере отсутствие доступа к ней малоимущей части пакистанского общества, медресе одновременно выполняют и своего рода роль центров по социальной защите обездоленных детей и подростков, которые получают здесь помимо знаний (преимущественно теологических) еще и бесплатное питание, кров и одежду. Как показали результаты недавнего со-

циологического опроса учащихся пакистанских медресе (2009), именно причины социально-экономического порядка заставляют их учиться в теологических семинариях (89,58% опрошенных студентов). Осознанно сделали свой выбор в пользу обучения в медресе, мотивируя его религиозными или политическими соображениями, только 10,42% респондентов.

Подводя итоги государственной реформы религиозного образования (2001–2009), Федеральное ведомство было вынуждено признать, что реформа коснулась только 507 из 15 148 медресе, функционирующих в стране. При этом современные компьютерные технологии были внедрены лишь в 30 медресе. В них на контрактной основе (2007–2010) продолжают работать 950 преподавателей. На проведение данной реформы было израсходовано 333 млн. рупий. Остальные средства (5 млрд. 426 млн. рупий) так и не были использованы из-за отказа большинства медресе принимать участие в модернизации. В целом количество студентов, обучающихся в различных медресе страны, превысило 2 млн. человек. Это составляет 5% от общего числа учащихся общеобразовательной школы (34 млн. учеников). При этом преподавательский состав медресе достигает 55 тыс. человек.

Между тем, как явствует из пресс-релиза Всепакистанской ассоциации теологических семинарий (от 27 октября 2009 г.), количество учащихся в зарегистрированных под ее началом медресе увеличилось в 2009 г. на 40% по сравнению с предыдущим годом. Ассоциацией приводятся свои, более подробные статистические данные по всем пяти духовным управлениям религиозного образования, которые и составляют эту объединенную теологическую структуру различных богословских школ страны:

1) «Деобанди» – насчитывает 12 тыс. медресе, количество студентов увеличилось с 1,9 млн. до 2,5 млн. человек;

2) «Барелви» – 6 тыс. медресе, количественный рост составил 40 тыс. студентов (с 80 тыс. до 120 тыс. человек);

3) «Ахл-и Хадис» – 466 медресе, прирост контингента учащихся составил 12 тыс. человек (с 43 тыс. до 55 тыс. студентов);

4) «Джамаат-и ислами» – 632 медресе, количество учащихся возросло с 64 тыс. до 90 тыс. студентов;

5) шиитские учебные заведения насчитывают 507 медресе, где обучаются более 7 тыс. учащихся.

В пресс-релизе Ассоциации сообщается также и о постепенном внедрении в учебные планы медресе некоторых современных предметов и специальностей: банковское дело, журналистика,

компьютерные технологии, английский язык и т.д. Говорится о растущей популярности медресе среди населения и невозможности принять на учебу всех желающих из-за нехватки в них мест. В целом Всепакистанская ассоциация теологических семинарий объединяет под своим началом более 20 тыс. медресе, зарегистрированных по-прежнему в соответствии с Законом об общественных организациях (1860), без учета внесенной в него поправки. Но, по оценкам Ассоциации, в стране все еще продолжают самостоятельно функционировать и более 5 тыс. незарегистрированных семинарий.

Официальные данные Федерального министерства по делам религий значительно разнятся по своим количественным показателям с приведенной выше статистикой. Сообщается, что к 30 июня 2009 г. только 9866 медресе получили государственную регистрацию. Большая их часть располагается в Панджабе (5355), за которым следуют Синд (2852), СЗПП (1242), Белуджистан (297) и Исламабад (120).

Приведенная выше статистика и сравнительный анализ отчетов трех ведомств (двух государственных и одного теологического) о состоянии религиозного образования в стране позволяют сделать вывод о том, что система религиозного образования сохраняет здесь статус «государства в государстве». Само же пакистанское государство не в состоянии контролировать ситуацию в данной области, и предпринятая им реформа полностью провалилась.

Попытка пакистанского руководства переложить бремя модернизации религиозных учебных заведений на силовые структуры, в частности на Министерство внутренних дел страны, в соответствии с принятой недавно очередной Национальной политикой в области образования (от 9 сентября 2009 г.), наводит на мысль об отсутствии у государства четкой и взвешенной образовательной стратегии, о его растерянности и слабости перед лицом растущей радикализации пакистанского общества и таящейся в ней угрозы безопасности и целостности страны.

Анализ последних событий в Пакистане выявляет взаимосвязь между высокой концентрацией религиозных учебных заведений экстремистской направленности и усилением исламистской активности. Примером тому может служить Панджаб, особенно его южные районы, где наблюдается постепенный отход от парадигмы умеренного ислама в сторону радикального.

Не вдаваясь глубоко в исторический экскурс, стоит все же напомнить, что среди местного населения постепенное распространение начиная с VIII в. получил мистико-аскетический ислам – суфизм. Этого направления в форме народного ислама с присущими ему синкретическими верованиями и ритуалами придерживается, по некоторым оценкам, до 75% населения страны. Его догматы представляет богословская школа «Барелви».

В последнее время народный ислам стал активно вытесняться пуританским, ортодоксальным исламом салафитов, выступающих за создание мусульманского государства на принципах раннего ислама. Его проповедуют богословские школы «Деобанди» и «Ахл-и Хадис». Радикальными представителями этого направления ислама, добивающимися создания мусульманского государства под лозунгами джихада, являются различные исламистские организации – такие как «Лашкар-и Тайаба», «Джайеш-и Мухаммад», «Харкат-ул Муджахидин», «Хизвит Техрир», «Сипайи – Сахаба Пакистан» и военизированная группировка «Лашкар-и Джангви», имеющие свои центры в Панджабе.

В целом из 35 округов Панджаба по меньшей мере 26 (в первую очередь Бахавалпур, Рахимьярхан, Музаффаргар, Фейсалабад, Джанг, Гуджранвала, Сиалкот, Лахор, Окара, Мултан, Вехари, Сахивал, Равалпинди, Атток, Чаквала, Саргодха, Мианвали и Баккар) подверглись значительной радикализации, в том числе и через сеть подконтрольных исламистским группировкам медресе. Заметно активизировались экстремисты и в одном из южных округов Панджаба – Дерагазихане, родине небезызвестных руководителей столичного учебно-религиозного комплекса Красной мечети – Абдул Азиза и Абдул Рашида, которые при непосредственной поддержке исламистской сети «Талибан» – «Аль-Каида» первыми сумели организовать массовые антиправительственные выступления радикально настроенных преподавателей и студентов медресе с требованием о введении шариатского правления в Пакистане (2007).

Количество медресе в округе Дерагазихан за восемь лет увеличилось с 200 до 600 (2001–2009). Из 241 зарегистрированного медресе, по официальным данным, 120 принадлежат Управлению религиозного образования «Деобанди», 112 – «Барелви» и 9 – «Ахл-и Хадис». Большая часть незарегистрированных медресе (110) также принадлежат богословским школам «Деобанди» и «Ахл-и Хадис». В округе зародилась новая тенденция по созданию мегамедресе модернистского типа, представляющих собой мас-

штабные учебно-религиозные кампусы, способные по своей инфраструктуре выдержать конкуренцию с частными учебными заведениями общеобразовательного цикла (например, с медресе Джамия Исламия Рехмания, расположенным в одноименном административном центре Дерагазихан).

В целом, по последним данным (2009), около 59% медресе подконтрольны различным происламским политическим партиям и группировкам. В зависимости от богословского толка степень политизации религиозных школ выглядит следующим образом: «Деобанди» – 82% медресе функционируют под контролем той или иной политической партии или объединения; «Барелви» – 27%; «Ахл-и Хадис» – 70; шиитские учебные заведения – 48%. При этом такие религиозно-политические партии, как «Джамаат-и Ислами» и «Джамаат-и Улема Ислами», имеющие свою собственную сеть медресе, контролируют 65% всех религиозных учебных заведений страны.

Результаты выборочного социологического опроса, проведенного в марте 2009 г. учеными Исламабадского института мира среди руководителей медресе различного богословского толка, показали, что 57% респондентов расценивают войну с терроризмом как направленную исключительно против ислама и мусульман. Кроме того, 77% высказались против участия Пакистана в международной кампании по борьбе с терроризмом. При этом представители богословской школы «Деобанди» выразили мнение, что Пакистан не должен бороться с терроризмом «под давлением Запада». В ходе опроса было также выявлена причастность отдельных медресе к джихадистской деятельности (18%).

Высокая степень политизации религиозных учебных заведений страны способствует дальнейшей радикализации пакистанского общества в целом и Южного Панджаба в частности. Здесь может повториться ситуация, подобная Южному Вазиристану. Последствия этого будут носить для страны еще более разрушительный характер. Даже в случае благополучного завершения для Исламабада военных операций в Вазиристане, потоки боевиков из движения «Талибан» попытаются раствориться именно в Южном Панджабе, где они имеют поддержку среди исламистов в лице нового для Пакистана бренда – «Панджабских талибов», состоящих из упомянутых выше панджабских партий и группировок экстремистского толка. Консолидация этих двух исламистских сил может привести к возникновению нового очага сопротивления Исламабаду. С учетом того, что пакистанская армия укомплектована в

основном панджабцами, которые вряд ли будут воевать против своих, одержать победу Исламабаду в этом поединке будет гораздо сложнее.

Нанесение точечных ударов и проведение широкомасштабных военных операций, возможно, и помогут пакистанскому руководству заглушить на какое-то время пожар исламистской активности в стране, но для его окончательной ликвидации потребуются более долгосрочные меры. Они связаны с необходимостью выкорчевывания идеологических корней террора и насилия, в первую очередь через деполитизацию религиозных учебных заведений как составной части национальной системы образования путем обновления содержания учебно-воспитательной компоненты.

Таким образом, несмотря на то что предпринятая государством реформа религиозного образования (2001–2009) и потерпела поражение, она все же стимулировала осуществление отдельных внутрисистемных преобразований в области религиозного образования для его адаптации к реалиям современной действительности. Остается надеяться, что исламские фундаменталисты, осознав необходимость трансформации и модернизации традиционной мусульманской системы образования, дистанцируются от экстремистского крыла улемов и перейдут к практическим шагам по ее реализации в полном объеме на основе принципов толерантности и умеренности ислама. Важными условиями эффективного реформирования религиозного образования как составной части целостного процесса модернизации всей национальной системы просвещения являются консолидация и конструктивное сотрудничество религиозных, государственных, академических и общественных структур Пакистана.

«Ближний Восток и современность»,
М., 2010 г., № 4, с. 245–253.

Валид Фарес,
публицист (Ливан, США)
ВЕТЕР УЖАСА И ВЕТЕР НАДЕЖДЫ
(Большой Магриб: Джихадисты
и их заклятые враги)

У племен и народов, живших испокон веков от Египта до Атлантики, включая пустыни Ливии, Туниса, Алжира и Марокко, до самой Мавритании, есть три общие особенности. Во-первых,

они коренные жители Северной Африки. Во-вторых, все они в течение многих столетий находились под игом одной мусульманской империи (Османской). В-третьих, испытывали и до сих пор испытывают тиранию националистических арабских режимов и крайнюю жестокость современных джихадистов. Среди этих народов выделяются следующие в порядке их численности: берберы Магриба (живущие преимущественно в Марокко, Алжире и частично в Сахеле), копты Египта и чернокожие племена Южной Мавритании. Арабо-мусульманское большинство в этих странах также лишено многих свобод, и их права тоже часто ущемляются, но этнические меньшинства испытывают на себе двойной или даже тройной пресс.

Давление на культурно-лингвистические и религиозные меньшинства с целью заставить их отказаться от своей «самобытности» оказывается во многих странах Большого Ближнего Востока и арабского мира. В Северной Африке они подвергались дискриминации в течение многих веков, но особенно агрессивно это происходит в наши дни. Процессы культурной и политической эмансипации в этих странах всячески сдерживаются. Если арабо-мусульманское большинство ущемляется по политическим мотивам, то неарабские мусульманские общины подавляются в силу самого их существования. На Большом Ближнем Востоке идет борьба между силами авторитаризма и джихадизма (хотя джихадисты нередко устраивают разборательства друг с другом), с одной стороны, и гражданским обществом (в особенности его меньшинствами) – с другой.

Один и тот же сценарий в целом повторяется во многих странах Северной Африки, но с местными культурно-историческими особенностями. Большинство правительств авторитарны по своей сути, с разной степенью напористости. Ливия – единственная настоящая диктатура, которая держит в застенках тысячи политзаключенных. Режим Муаммара Каддафи, вдохновляемый радикальным арабским национализмом, идеями социализма и политического исламизма, находится у власти с 1969 г. В Египте, Тунисе, Алжире и в какой-то степени в Марокко существует многопартийная система, но, по мнению оппозиционных движений, правительства этих стран находятся под контролем авторитарных элит, а политзаключенные томятся в тюрьмах годами.

Дебаты относительно демократизации этих четырех стран продолжаются, и эксперты выделяют несколько факторов, по ко-

торым можно судить о легитимности находящихся у власти режимов. Во внимание принимается тот факт, что правящие круги этих стран наращивают давление и сохраняют контроль над оппозицией и гражданским обществом в целом. (Статья написана до начала политических перемен в регионе. – *Ред.*)

Арабские страны Северной Африки пока не достигли уровня демократизации Турции, Израиля или Кипра, своих средиземноморских соседей. Но если посмотреть на эволюцию политических систем, в глаза бросается колоссальная разница между четырьмя многопартийными конституциями Марокко, Алжира, Туниса и Египта и грубой диктатурой в Ливии, которая больше напоминает режимы Сирии, Ирана и Судана. В четырех недиктаторских, но авторитарных государствах Северной Африки у оппозиции есть доступ к газетам, и она может критиковать правительство (в известной степени), а представители оппозиции имеют возможность избираться в законодательные собрания. В Марокко конституционная монархия постоянно подвергается нападкам оппозиции, но у свободы слова есть пределы. В Алжире, Тунисе и Египте оппозиционные партии могут организовываться и участвовать в выборах разными способами. «Братья-мусульмане» в Египте хоть и стремятся к смене режима и установлению эмирата вместо республики, контролируют фракцию членов египетского законодательного собрания.

Многочисленные исследования последнего десятилетия свидетельствуют о том, что демократические движения в Северной Африке, как и в целом в арабском мире, становятся все более организованными и энергичными, добиваются расширения гражданских прав и свобод. Они все еще далеки от достижения полной либерализации, которая позволила бы гражданскому обществу иметь все те свободы, которыми пользуются на северном побережье Средиземного моря. Процесс либерализации сталкивается с двумя вызовами: угрозой джихадизма и суровой дискриминацией этнических и религиозных меньшинств. Власть пытается сохранить равновесие между сдерживанием исламистов и противодействием джихадистам, с одной стороны, и замедлением демократических реформ – с другой. Но по крайней мере в двух странах государственная идеология по-прежнему отвергает полную эмансипацию этнических меньшинств. Иллюстрацией может служить состояние меньшинств в Алжире и Египте, а также проблема рабства в Мавритании.

Наряду с коптами в Египте берберы являются старейшими жителями Северной Африки. Их опыт сродни тем переживаниям, которые выпали на долю индейцев в США. Арабские националисты, мусульманские историки, идеологи и политики дружно отвергают мысль о том, что представители этих меньшинств имеют законное право на самоопределение, независимость или даже на автономию и самоуправление. Исламисты и, естественно, джихадисты утверждают, что поскольку вся эта территория была честно завоевана халифатом 13 веков назад, она снова должна стать частью мусульманской империи. Мало того, они считают необходимым противодействовать созданию на этих землях небольших независимых государств, в том числе и мусульманских. Исламисты, поддерживающие идею возвращения к халифату, считают, что даже такие большие страны, как Марокко и Алжир, должны исчезнуть с карты мира. Тем более, по их мнению, нельзя допускать даже мысли о возникновении на пространствах Магриба, на западе Северной Африки, отдельной страны для берберов. Однако исламисты приглашают берберов присоединиться к движению салафизма и джихадизма, чтобы наравне с арабскими этническими группами участвовать в джихаде во имя восстановления праведного и справедливого халифата.

Арабские националисты, большинство из которых являются социалистами и сторонниками авторитарных режимов, прибегают к более конкретным аргументам, отвергая право берберов на самоопределение. Каддафи часто заявлял, что берберы – это те же арабы, потому что «они пришли сюда с Аравийского полуострова примерно 4 тыс. лет назад», т.е. задолго до арабского вторжения на континент. Каддафи и его прислужники из числа националистов также пытаются утверждать, что берберы – это арабы, даже если отказываются это официально признавать. Это все равно что англосаксы Америки сказали бы американским индейцам: «Вы европейцы, потому что пришли сюда из Евразии примерно 10 тыс. лет тому назад, так что мы такие же коренные жители Америки, как и вы, и ваши земли – это наши земли».

Древние берберские народы под названием «мазих» или «амазих» имеют афро-хамитское происхождение и всегда населяли территории между Марокко и Западным Египтом, которые на юге простирались до самого Сахеля. Их многочисленные царства встретились с финикийскими поселенцами, основавшими Карфаген, и берберы сформировали ядро населения Карфагенской империи. После окончания Пунических войн берберов завоевывали

римляне, византийцы и вандалы. Однако им удавалось сохранять свои культурные особенности на протяжении многих веков. Среди регионов их обитания называют Нумидию, Мавританию и некоторые другие. Христианство распространилось по Северной Африке в течение первых веков новой эры, и новый город Карфаген стал оплотом североафриканского христианства параллельно с Александрией, в которой обосновалась патриархия коптов.

Крупные еврейские общины начали появляться на берберских территориях в I в. н.э.

После вторжения в Египет под командованием Амр Ибн Аль-Аса полчища халифата совершили марш-бросок через пустыню Сахара, дойдя до берберских поселений, где столкнулись с упорным сопротивлением в 642 и 669 гг. н.э., особенно в районах современного Восточного Алжира и Туниса. Завоевание арабами берберских территорий стало важной исторической вехой, подобно англо-иберийскому освоению обеих Америк. Оно ознаменовало полное изменение облика преобладающей культуры, существенное преобразование этнического большинства, а также смену религиозной принадлежности.

После ряда сражений, которые начались в Киренаике (современной Ливии) и распространились на некоторые западные регионы Северной Африки (современные Тунис, Алжир и Марокко), завоеватели халифата под предводительством полководцев и эмиров, назначаемых на Аравийском полуострове, сломали сопротивление берберов. Огромные территории на севере африканского континента были присоединены к империи, расширяющейся с востока. Арабские войска собрались в Кайруане к югу от города Тунис и продвинулись к Атласским горам и окружающим их равнинам. Исконная родина берберов пала жертвой мусульманской экспансии в Северной Африке, с берегов которой произошло последующее вторжение в Испанию.

В отличие от предыдущих завоевателей, арабские правители настаивали на полной ассимиляции. С начала VII в. в процессе арабизации и исламизации серьезным испытаниям была подвергнута самобытность крупных сегментов берберского населения. Важно отметить, что хотя сопротивление берберов замедлило процесс ассимиляции, некоторые коренные племена присоединились к завоевателям, как это происходило в Сирии и Месопотамии.

Одним из известных берберов, вставших под знамена халифата, был Тарик бен Зияд – блестящий полководец оккупационных войск, которые высадились на побережье Испании и примерно в

715 г. н.э. разгромили армии христиан-вестготов. В его честь гора, возвышающаяся над узким проливом между Иберией и Марокко, была названа «горой Тарика». В европейских языках это название со временем превратилось в «Гибралтар». Тарик провел армию халифата через всю Иберию, дав сначала династии Омейядов, а затем династии Аббасидов то, что не мог себе представить ни один предводитель мусульманской империи, – часть христианской Европы. В этой местности были плодородные земли и множество пресноводных источников. Завоеватели назвали ее Андалусией, или землей вандалов. Однако полководец, который был для халифата примерно тем же, что спустя многие века Кортес для Испанской империи, не удостоился тех почестей, которых заслуживал. Как только он добился победы в Андалусии, арабская знать из Дамаска захватила власть от имени чисто арабской династии Омейядов, известной своим пренебрежительным отношением к другим этническим группам, особенно к выходцам из Африки, даже если последние были мусульманами.

С самым знаменитым бербером в арабской истории обошлись как с второразрядным обывателем, несмотря на то, что он бросил несметные богатства к ногам правителей арабского халифата в Леванте. «Просто с этнической точки зрения он не был первостатейным подданным, – говорит Ферхат Мехенни, лидер современного движения за автономию берберов в Алжире, – потому что не являлся выходцем из правящего класса арабов, двигавшихся с востока со времени начала завоевания».

История Тарика в высшей степени показательна для всей многовековой истории вплоть до наших дней. Берберы разделились на две группы. Первая группа – это арабизированные берберы, ставшие частью арабского населения, переселившегося в эти места из Аравии и Леванта. Это эквивалент метисов в Латинской Америке – смесь европейцев с коренным американским населением. Некоторые утверждают, что арабо-берберы, обратившиеся в ислам, вполне возможно, сегодня являются демографическим большинством в регионе от Марокко до Алжира. Вторая группа берберов сохранила свои доарабские культурные традиции и наследие – в частности, в отдельных анклавах, встречающихся на территории всего Магриба.

С утратой Андалусии западные границы халифата отступили к Северному Марокко. Арабские правители, опасаясь дальнейших набегов европейцев, ослабили процесс арабизации берберов. В XVI в. Османский султанат заявил о притязаниях на всю Север-

ную Африку, назначив своих чиновников «валисами» в Магрибе. Эти исторические события дали берберам возможность перевести дух и вздохнуть свободнее. Они позволили их культуре пережить еще несколько столетий, пусть и под игом султаната. Постепенно турецкое владычество отступило, и в 1830 г. Магриб начали колонизировать европейские державы. Франция прибрала к рукам Алжир, Марокко и Тунис, Испания захватила север Марокко, а Италия установила контроль над Ливией. И арабы, и берберы оказались оккупированными западными державами.

Когда в середине XIX в. европейцы начали селиться в Алжире, французские власти попытались заручиться поддержкой берберов против усиливающегося влияния арабского национализма и ваххабизма. В течение нескольких десятилетий внутри общин берберов «амазих» сталкивались две тенденции. Одна идеология призывала берберов к более решительной поддержке ислама для противодействия французскому колониализму, тогда как другая утверждала, что реальной угрозой для берберского этноса является арабский национализм.

Историки берберских народов соглашаются с двусмысленностью эволюции их политических движений. Хотя многие берберы сражались с французским колониальным игом с самого начала вплоть до достижения полной независимости всех стран Магриба, другие сосредоточились на борьбе за автономию и независимость берберских народностей. Перед этими коренными народами стоял выбор: либо примкнуть к арабскому националистическому движению (в частности, в Алжире) и воевать с французами за светское постколониальное государство, либо вести битву непосредственно за берберское государство или несколько государств.

Эту дилемму было нелегко разрешить. Будучи в основной массе мусульманами, берберы не обладали стойким иммунитетом против призывов к джихаду, чтобы покарать «неверных» колонистов. Арабские националисты при всей своей светскости нередко использовали идею «великого джихада против Франции», чтобы поднять на борьбу племена «амазих». Французские алжирцы и местные власти разыгрывали карту автономии берберов, направленной против будущего арабского доминирования. В конце концов, большинство берберских политических лидеров решили примкнуть к этническим арабам в их противостоянии французскому владычеству, и в Магрибе образовалось три арабских государства: Марокко, Тунис и Алжир. Все это бывшие провинции арабского и османского халифата.

В Марокко, обретшем суверенитет в 1956 г., этнические берберы составляют 40% населения. В современном Алжире, независимом с 1962 г., эта группа представляет собой внушительное меньшинство примерно в 30%. Однако если учесть арабо-берберов, то численность коренного населения «амазих» может достигать свыше 70% всего Магриба. Как и в Судане, количество арабских переселенцев здесь уступает по численности коренным североафриканским жителям. Однако смешанное население Магриба в политическом отношении находится под влиянием арабских националистов и исламистов, хотя в повседневной культурной жизни дают знать о себе как берберские, так и арабские корни.

Гораздо более многочисленные берберы Марокко, особенно те, что живут в районе Атласских гор, чувствуют себя намного комфортнее алжирских соплеменников. Конституционная монархия в Марокко связана кровными узами со многими представителями этих племен. Но даже в умеренном Марокко некоторые берберы опасаются джихадизма, поскольку он угрожает их образу жизни и робким попыткам установить выборную демократию.

В отличие от Марокко, в Алжирской Народно-Демократической Республике берберский вопрос стоит намного острее. Центром борьбы берберов в Алжире является регион Кабилия, стремящийся к автономии. Его жители поднимают вопросы самоопределения и демократизации так настойчиво, как никто этого еще не делал в истории Магриба.

Берберское население распространено по всему региону – от небольших общин в Ливии, Тунисе и Египте до более крупных групп в Сахеле, таких как туареги, живущие в Мавритании, Мали и Нигере, и до северных пределов Буркина-Фасо. Самые многочисленные берберские народности живут в Магрибе. Среди них шилу, ташелхиты на юге Марокко численностью 8 млн. человек, народ риффиан на севере Марокко и шауи в Алжире. Однако наибольшее стремление к автономии и берберский этнический национализм присущи народности кабилы в Северном Алжире, которая в значительной степени сохранила свой древний язык и культуру.

Географически Кабилия располагается к востоку от столичного города Алжир. В этой преимущественно гористой местности живет 5 млн. кабилы-берберов. Большинство сосредоточено в трех берберских провинциях: Тизи-Узу, Беджая и Буира. Примерно 50% населения провинций Сетиф, Бордж-Бу-Арреридж и Бурмедес также говорят на кабийском языке. Кроме того, половина

населения в трехмиллионной столице – это кабилы: В силу бедности и плотности населения Кабилия – источник более половины всех алжирских эмигрантов во Франции. Будучи одним из старейших очагов сопротивления в берберской культуре, Кабилия бунтовала много раз за последние несколько десятилетий, требуя культурной автономии, которая включала бы и право получать образование на древнем языке амазих.

С Ферхатом Мехенни, президентом Движения за автономию кабилов, я встречался в Конгрессе США осенью 2009 г., где он ознакомил конгрессменов с положением дел на его родине. Он, в частности, заявил: «На протяжении многих веков, в полной изоляции от внешнего мира, наш народ всячески оберегал самобытность своей горной родины, когда весь регион находился во власти династий Омейядов, Аббасидов и Османов, а также их вассалов. Во времена французского колониализма наш народ стремился к автономии, поэтому кабилы присоединились к движению сопротивления, чтобы создать независимый, свободный и светский плюралистический Алжир, где арабы и берберы, включая кабилов, мусульман и немусульман, могли бы жить в мире и справедливости. Но после освобождения арабские националисты захватили власть в Алжире и не пожелали создать кабийскую автономию. С тех пор мы сражаемся за наши фундаментальные права – право на сохранение самобытной культуры и право просто быть другими, несмотря на совместное проживание с арабами».

Подобно многим кабийским лидерам, Мехенни находится в изгнании, живет во Франции и служит послом своей этнической общины, странствующим по всему миру. В Вашингтоне проявили интерес к его делу, но для начала задали на удивление простые вопросы. «Кто такие кабилы? Кто такие берберы? Вы арабы? Какую религию вы исповедуете?» – спрашивали законодатели, руководители исследовательских центров и даже журналисты. Подобные вопросы никогда не задаются в отношении палестинцев, не говоря уже об израильянах или курдах. Почему на Западе проявляют такое невежество в отношении этого народа численностью 5 млн. человек, будучи прекрасно информированы о населении Косова? Кабилы боролись за свою культурную самобытность и политические права с 70-х годов прошлого века, когда их подавлял правящий Фронт национального освобождения (ФНО) – североафриканская разновидность партии Баас в Сирии и Ираке. Режим, поглощенный процессом арабизации, систематически от-

вергал требования ввести язык амазих для обучения детей в школах и в качестве одного из государственных языков.

По словам Алекса Медуни, представителя кабилы в Вашингтоне, навязывание со стороны ФНО арабского языка и арабской культуры берберам в целом и кабилам в частности воспринималось этими меньшинствами как разновидность «этнических чисток». «С самого первого дня независимости кабила непрерывно подавлялись на протяжении трех десятилетий – прежде всего панарабистами и социалистической элитой в Алжире. Когда после окончания «холодной войны» власть военных была демонтирована и произошла смена режима, арабские националисты, поддерживаемые военными, а также набирающим силу движением исламистов-салафитов, возобновили давление. У кабилы не было передышки после ухода французов, и это несмотря на то, что они сражались на передовой линии освободительной борьбы». Первое поколение изгнанных с родины кабилы продолжило борьбу за права своего народа в эмиграции. Ряд изгнанных берберов-интеллектуалов поддерживали идею создания берберского государства или по крайней мере кабийской автономии.

В 1980-е годы в арабских националистических кругах Леванта и во всем Магрибе не допускалось и мысли о том, что неарабские меньшинства могут быть чем-то недовольны. Разговоры на эти темы – от проблемы курдов в Ираке до бедственного положения берберов в Алжире – считались под запретом. В эти бурные годы, пока продолжалась «холодная война», я писал о деле кабилы и берберов в ежемесячной газете, которую издавал в Бейруте. В крайне враждебном окружении, где всякий, кто поднимал вопрос о положении меньшинств в арабском мире, считался врагом, мои статьи были заклеены как «подстрекательство к дроблению региона путем распространения вредоносной пропаганды о бедственном положении меньшинств в арабском мире».

Какова же была роль кабилы и джихадистов в Алжирской гражданской войне? В 1991 г. Исламистский фронт спасения (ИФС) с небольшим перевесом победил на первых многопартийных выборах в Алжире. Хотя исламисты находились в меньшинстве, многочисленные слои населения, включая берберов, проголосовали против прежних авторитарных кандидатов, поддерживаемых ФНО. Однако ИФС не скрывал своих намерений сразу после прихода к власти установить исламистский режим, в котором не будет места светской многопартийной системе. С тех пор многие исла-

мисты-салафиты прибегают к джихадистскому насилию и ведут террористическую войну.

В течение последнего десятилетия гражданская война в Алжире ведется джихадистами посредством вооруженных исламских групп салафитов (ВИГ), которые боролись не только с правительством, но и со светским гражданским обществом. Алжирские гражданские лица, арабы и берберы, сильно пострадали, находясь между джихадистами и правительственными войсками, как между молотом и наковальней. В результате варварской бойни от рук салафитов-террористов погибло 140 тыс. гражданских лиц. Слепой террор салафитов был в равной мере направлен против арабов и берберов. Женщины, дети, старики, художники и музыканты, государственные служащие были убиты или изувечены.

Джихадисты расправлялись с гражданским населением, стремясь посеять панику среди светски и умеренно настроенных граждан. В частности, убийство знаменитого кабилского певца Лунеса Матуба в 1998 г. послужило сигналом к эскалации конфликта между арабскими джихадистами и кабилами амазих. Матуб, убитый в районе Тизи-Узу, столицы Кабилии, был гордостью берберов. Помимо гражданской войны между салафитами и правительством, а также терактов джихадистов против светских символов, вспыхнула конфронтация между джихадистами и кабилами.

Столкновение джихадистов с этой особенно умеренной и светской общиной берберов имело ярко выраженные и глубокие идеологические корни. На поверку исламисты-салафиты ВИГ оказались экстремистской разновидностью джихадистов, своим фундаментализмом напоминающей «Талибан». Их призывы к созданию радикального исламского государства, естественно, противоречили интересам светских и либеральных кабилов. Джихадисты не только идеологически чужды кабилам, говорящим на языке амазих, но и олицетворяют в их глазах возрождение средневекового халифата, вооруженное вторжение которого в VII в. привело к падению берберских государств.

Борьба между джихадистами и кабилами всегда была борьбой между возрождающимся тоталитарным халифатом и либеральной демократией, между прошлым и будущим. Столкновения на территории компактного проживания кабилов и берберов оставили незаживающие душевные раны у миллионов людей, живущих в Алжире и в эмиграции.

После терактов 11 сентября и войны в Ираке 2003 г. борьба кабилов стала восприниматься в совершенно ином свете. Прежде всего, в рамках глобальной войны с джихадистами кабилы позиционировали себя как движение сопротивления тоталитарным террористам, и во многом им помогли в этом алжирские салафиты. Хотя верно то, что «Аль-Каида» в Магрибе», новый оплот алжирских и марокканских джихадистов с 2006 г., вербовала в свои ряды немало кабилов, верно и то, что берберское общество в Северном Алжире и во всем регионе всегда было более решительно настроено против салафитской повестки дня, чем другие меньшинства в регионе. Светские кабилы – самые непримиримые и интеллектуальные противники идеологии «Аль-Каиды».

Помимо идеологического столкновения, кабилы были вдохновлены другими событиями в регионе: «Мы видели, как член Лиги арабских государств Ирак предоставил курдам фундаментальные права через несколько лет после падения партии Баас», – сказал мне Ферхат Мехенни. Далее этот политический лидер, глубоко тронутый гибелью кабийского музыканта, провел своего рода историческую параллель. Почему бы с кабилами и берберами в целом не обращаться как с курдами в Ираке? Почему не предоставить им автономию, право на формирование местных органов самоуправления, культурных и общеобразовательных учреждений? И курды, и кабилы являются неарабскими этническими группами, волей судеб живущими в арабском государстве. В конце концов, им должны предоставить фундаментальные права или позволить создать собственное государство. Мехенни также упомянул Дарфур и чернокожее население Судана – еще одной арабской страны, которая отказывается предоставить фундаментальные права своим меньшинствам. В отличие от Курдистана или Дарфура, Кабилия не переживала бойни или резни таких масштабов, как та, что имела место в Ираке и Судане. «Но все зависит от того, кто находится у власти в Алжире, – сказал Медуни, американский лидер кабилов. – Если джихадисты захватят власть в Алжире, и арабы, и кабилы заплатят высокую цену», – справедливо заключил он.

Сложность ситуации в Алжире состоит в том, что там существуют три враждующих полюса: правительство, джихадисты и кабилы. Кабилы обвиняют режим в том, что он препятствует признанию самобытности берберов амазих. Признание Алжиром кабилов имеет огромное значение для этой доарабской народности. «Наше правительство активно участвует в международных фору-

мах в поддержку прав палестинцев, которые находятся на расстоянии нескольких тысяч километров от нас, но не признает права собственного народа в Кабилии», – говорит Мехенни. Он и его единомышленники недоумевают, почему Лига арабских стран добивается справедливости в отношении Газы и требует вывода вооруженных сил с Западного берега, но не обращает внимания на положение дел в Тизи-Узу. Этнические притязания кабилы законны и должны быть рассмотрены международным сообществом и правительством Алжира.

Правительство Алжира ведет тяжелую битву против «Аль-Каиды» местных террористических группировок. Многие алжирские арабы являются светскими людьми и гуманистами, решительно сопротивляющимися наступлению салафитов. Международное сообщество должно помочь алжирскому правительству противостоять джихадистам и в то же время облегчить диалог между Алжиром и Тизи-Узу.

Лучшим решением, в пользу которого выступают представители кабилских демократов, стало бы создание коалиции либеральных алжирцев, кабилы и других берберов. Вне всякого сомнения, это привело бы к образованию демократического большинства в Алжире. Такая коалиция и светское правительство образовали бы единый фронт, оставив «Аль-Каиду» в изоляции. «В случае подобного поворота демократическая культура могла бы возобладать в стране, и в конечном итоге центр признал бы периферию», – говорит Мехенни. Летом 2010 г. он и его соратники сформировали правительство в изгнании.

Если арабы и кабилы вместе выступят в защиту демократии, они смогут осуществить настоящую революцию против тоталитарных доктрин джихадистов. Проблема в том, чтобы найти мужественное меньшинство, которое начнет реформу большинства. На берегах Северной Африки дуют два ветра: ветер ужасов джихадизма и ветер надежды на демократическое обновление.

*«Россия в глобальной политике»,
М., 2011 г., март-апрель, с. 51–62.*

Э. Ноймайер, Т. Плюмпер,
политологи (Великобритания)
**МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ
И КОНФЛИКТ ЦИВИЛИЗАЦИЙ**

Э. Ноймайер* (Лондонская школа экономики и политологии) и Т. Плюмпер (Эссекский университет, Великобритания) предлагают стратегическую теорию международного терроризма, оспаривающую концепцию С. Хантингтона о противостоянии цивилизаций как главном источнике международных конфликтов после «холодной войны». Наиболее интенсивная борьба, по прогнозу Хантингтона, будет происходить между исламской и западной цивилизациями, находящимися в многовековом противостоянии, поскольку обе они по своей ориентации являются универсалистскими и миссионерскими, но в то же время фундаментально различными по культуре и религии. Главная проблема для Запада, по мнению Хантингтона, не исламский фундаментализм, а исламская цивилизация, народы которой убеждены в превосходстве своей культуры и остро переживают падение их власти и влияния в мире.

В отличие от Хантингтона авторы считают главными мотивами международного терроризма не культурно-цивилизационные факторы, а политико-стратегические интересы. Практически все террористические лидеры хотят добиться коренного изменения в политике или даже смены политических режимов в своих странах или регионе. Террор – это инструмент в достижении их целей, поскольку террористические организации исключены из обычного политического процесса и не имеют достаточно широкой поддержки населения. С помощью террора они надеются, во-первых, подрвать политическую стабильность, посеять страх и чувство неуверенности и незащищенности, во-вторых, спровоцировать правительства на ответные жесткие меры и, в-третьих, привлечь к себе внимание средств массовой информации, что способствует распространению их идеологии. Все это помогает террористическим группам вербовать новых сторонников. По существующим оценкам, 90% террористических актов приходится на национальный терроризм, когда террористы и их жертвы принадлежат к одной национальности и не имеют признаков между-

---

* Neumayer E., Plumper T. International terrorism and clash of civilization // British J. of political science. – Cambridge, 2009. – Vol. 39, Pt. 4. – P. 711–734.

народного терроризма. Почему террористы атакуют граждан и объекты иностранных государств? Авторы считают, что террористы атакуют граждан и объекты преимущественно тех стран, правительства которых оказывают военную, политическую и экономическую помощь правящим режимам стран, где проживают террористы и ведут борьбу с этими режимами. В некоторых случаях только благодаря такой поддержке местным режимам удается выживать. Кроме того, нападение на иностранные объекты имеет для террористов стратегическое значение, поскольку такие акты становятся глобальной новостью для международных СМИ и повышают политические акции той или иной террористической организации.

Проанализировав базу данных о международном терроризме, охватывающих период с 1969 по 2005 г. и 148 стран, авторы находят аргументы в пользу своей концепции. Согласно Хантингтону, отношения между латиноамериканской и западной цивилизациями должны быть относительно мирными, однако статистика говорит об обратном: теракты, исходящие из Латинской Америки и направленные против политики Запада, составляют 14% всех международных и около 26% всех межцивилизационных инцидентов за период с 1969 по 2005 г.

Концепция, предлагаемая авторами, прогнозирует такую террористическую активность ввиду активной западной (и прежде всего со стороны США) поддержки латиноамериканских правительств в их борьбе с террористическими организациями. Также неверны прогнозы Хантингтона об отношениях западной цивилизации с индийской и китайской цивилизациями, которые он квалифицирует как конфликтную и весьма конфликтную соответственно. Факты показывают, что угроза антизападного терроризма, исходящая от этих цивилизаций, ничтожна – 0,4 и 1% всех международных терактов соответственно. Авторы объясняют это тем, что правительства Индии и Китая в очень слабой степени зависят от западной поддержки. Прогнозы авторов статьи и Хантингтона сходятся в предвидении роста антизападного терроризма, особенно со стороны исламских террористов, но расходятся в объяснении причин такого феномена.

Хантингтон считает, что речь идет о глубоком и многовековом межцивилизационном конфликте. Ноймайер и Плюмпер объясняют рост антизападного терроризма высокой стратегической ценностью западных целей, а в случае исламского терроризма также и активным вмешательством Запада в дела стран исламской

цивилизации, что препятствовало достижению политических целей террористов. Американское военное вторжение в Ирак и Афганистан под флагом борьбы с терроризмом превратило США в главного врага исламских террористов.

В войне с исламским терроризмом западные страны находятся в патовой ситуации. «Если они уйдут из мусульманского мира, это будет рассматриваться террористическими лидерами как победа, и далее может последовать крушение прозападных режимов. Однако с продолжением западной военной интервенции в страны мусульманского терроризма будут усилены атаки на западные объекты... Кроме того, каждый убитый или раненый мусульманин в этой войне облегчает лидерам исламского терроризма вербовку новых сторонников». В заключение авторы подчеркивают, что «для понимания международного терроризма необходима политическая и стратегическая, а не культурологическая теория».

Рецензию подготовил Ю. Комар.

*«Россия и современный мир»,
М.; 2011 г., № 1, с. 247–249.*

Р. Пашков,

юрист (Московская государственная
юридическая академия)

ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ИСЛАМСКОГО ГОСУДАРСТВА

Для начала кратко изложим западную концепцию формы государства. Форма государства является собирательным понятием, включающим в свою очередь форму правления, государственное устройство, государственно-правовой режим. Форма правления характеризует порядок образования и организации высших органов государственной власти, их взаимоотношение друг с другом и население, т.е. эта категория показывает, кто и как правит в государстве. По форме правления государства подразделяются на республиканские и монархические. Форма государственного устройства отражает структуру государства, соотношение между государством в целом и его составными территориальными единицами. По форме устройства все государства подразделяются на простые (унитарные) и сложные (федеративные и конфедеративные). Государственно-правовой режим представляет собой систему средств и способов существования государственной власти.

Различают тоталитарные, авторитарные и демократические государственно-правовые режимы.

Исламская концепция государства отличается от западной. Прежде всего это концепция исламского государства – «дар аль ислам», т.е. земли ислама, и государства, построенного по исламским законам. Таким образом, эта концепция описывает только собственно исламское государство, а не все вообще государства. Необходимо заметить, что деление по формам государственного устройства в исламе затруднено. Классическая исламская государственно-правовая доктрина полагала, что мусульман нельзя делить в государстве по народам и все мусульмане суть единая умма, нераздельная и неразрывная. Существующие федерации, например, Объединенные Арабские Эмираты или Малайзия, являются объединением государств, а не народов, и в этом коренное отличие от пусть даже вестернизированных основ этих государств от западного понимания федерации. Конечно и в западных странах есть территориальное деление на федерации по территориям, но это больше условность, существующая для удобства территориального деления.

Понятие «исламская форма государства» является собирательным и включает в себя понятие политической формы ислама и типа исламского государства. Политическая форма государства показывает, при помощи каких доктринальных основ правит правитель, на какие законы опирается власть. Понятие «тип исламского государства» наиболее близок к западному понятию государственно-правового режима, однако это всё совокупность конкретных форм государств, а не только средств и способов правления.

Существующие политические формы ислама можно условно разделить на традиционные, фундаменталистские и модернистские. Исламская национальная форма в традиционализме – политическая форма ислама, существующая в исламских странах, опирающаяся на традиционные институты власти, играющие второстепенную роль в руководящей деятельности государства, вытекающая из религиозного союза государства и общества и имеющая в качестве идеологии исламский ренессанс. В исламской национальной форме исламские институты являются всего лишь дополнением к западным институтам власти для стабилизации власти и выполняют роль громоотвода в политической системе.

Исламская форма правления с точки зрения фундаменталистов – политическая форма ислама, создаваемая в исламской стране как универсальный согласованный набор правовых институтов

с миссией вечного джихада и непрерывного освоения мира. В принципе исламская форма правления не совсем правильное наименование, но такое название прочно закрепилось и его приняли сами фундаменталисты. Правильнее говорить об исламистской форме государства, что звучит гораздо менее благозвучно.

Исламократия в модернизме (более привычное – исламская демократия) – политическая форма ислама, которую стремятся построить в исламском мире вестернизированные страны, опираясь на мировой опыт, определенную часть традиции и воплощая дух ислама. Самое слабое место исламократии – это ее западный характер, который никак не удастся скрыть.

Типы исламского государства

Султанат. Султанатом исторически называлось исламское государство с наследственной властью династии султана. В мире в настоящее время два султаната: Султанат Оман в Аравии и Султанат Бруней в Юго-Восточной Азии. Султанат Оман расположен на юго-востоке Аравийского полуострова, граничит с Королевством Саудовская Аравия, Объединенными Арабскими Эмиратами и Республикой Йемен. В 1970 г. пришел к власти Его Величество Султан Кабус Бэн Сэид. В настоящее время в Султанате Оман сложилась следующая система управления. Совет государства (Majlis-al-Dalwa) назначается султаном (первое заседание в 1998 г.) Совет шуры (Majlis-al-Shura) сформирован в 1991 г. вместо Государственного совещательного совета (создан в 1981 г.). Руководитель Совета шуры назначается королевским указом, вице-руководители выбираются самим Советом. Срок полномочий – три года (82 депутата). Совет шуры обсуждает пятилетние планы развития, доносит до султана свое мнение, заботится об экологии. Международные дела полностью в ведении султана. Территорию государства составляют восемь регионов, в том числе автономные регионы Маскат (столица) и Дофар. Главы регионов назначаются министром внутренних дел и подчиняются ему, далее назначаются вали в 59 вилайетах. Судебная система включает Высший султанский суд и султанские суды в вилайетах.

Эмират. Эмират есть небольшое исламское государство, характеризующееся наследственной властью династии эмира или религиозным лидерством выборного эмира. Важен именно небольшой характер государства и его как бы этапность на пути возрождения халифата. Северо-Кавказский Эмират – исламское государство,

существовавшее на территории Чечни и Западного Дагестана с сентября 1919 по март 1920 г. Поглощено РСФСР. К середине 1918 г. для борьбы с властями на Северном Кавказе началось объединение горцев вокруг шейха Аварии, панисламиста Узун-Хаджи. Узун-Хаджи с небольшим отрядом горцев занял аул Ведено и объявил войну Деникину. Вскоре было провозглашено образование Эмирата Северного Кавказа. В сентябре 1919 г. в аул Ведено к Узун-Хаджи прибыл гонец, некий Иналук Арсанукаев Дышнинский, с грамотой якобы от турецкого султана. После ряда совещаний со своими сподвижниками Узун-Хаджи, по сведениям историков, объявил о создании Эмирата Северного Кавказа в качестве самостоятельной шариатской монархии под протекторатом халифа, его величества оттоманского императора Магомета Вахитт Дина VI. Временная столица эмирата была учреждена в ауле Ведено, предполагалось при этом иметь постоянную столицу в городе Грозном. Себе Узун-Хаджи присвоил титул «его величество имам и эмир Северо-Кавказского Эмиратства, шейх Узун Хаир Хаджи Хан». В созданном эмирате, как и в других монархических государствах, стали образовываться привилегированные сословия. Вооруженные силы эмирата состояли из семи армий. Для управления страной было сформировано правительство во главе с великим визирем (высшим сановником) князем Дышнинским, являвшимся одновременно главнокомандующим Северо-Кавказского эмирата. В состав правительства входило восемь министров, имевших, за исключением министра юстиции, звание генерал-майора.

Имамат. Имамат является исламским государством, в котором лидером является религиозный духовный руководитель – имам, обладающий непререкаемым религиозным авторитетом. Имамат свойственен больше шиитской доктрине государственной власти и возможен его глобальный характер как у халифата. Северо-Кавказский имамат (Имамат Шамиля) – исламское государство, существовавшее на территории Дагестана и Чечни в 1829–1859 гг. Завоевано и поглощено Российской империей. Наибольшее развитие получило в годы правления имама Шамиля (1834–1859). Шамилю удалось сплотить полиэтничный регион и сформировать стройную централизованную систему управления. Территория была разделена на административные единицы – наибства, число и размер которых менялись в зависимости от военно-политической обстановки. Более или менее постоянными были 20, иногда их число доходило до 50. Некоторое время их объединяли в четыре губернии во главе с мудирами. Наибства делились на участки под

управлением мазунов, которые занимались военными сборами и заготовкой провианта. Судебные и административные функции выполняли кадии, муфтий, алимы. Низшей единицей административного деления являлся аул, в котором сохранялась выборная система управления, однако старшины стали утверждаться имамом по представлению наивов. Глава государства – имам-уль-Аззам (великий имам), «отец страны и шашки», являлся духовным, военным и светским вождем, имел огромный авторитет и решающий голос, однако его власть нельзя считать неограниченной. Примерно с 1841 г. ежедневно, кроме пятницы, при нем заседал Диван-ханэ (Высший совет) и рассматривал административные, военные, хозяйственные, судебные дела, заслушивал доклады наивов. Периодически созывались съезды наивов и алимов для обсуждения важнейших государственных проблем (1841, 1845, 1847, 1851, 1858, 1859). Местное управление находилось в руках назначаемых Шамилем наивов. Их деятельность регламентировало «Положение о наивах»: сбор налогов и ополчения, суд, наказания, забота о вдовах и сиротах. Наива сопровождали муфтий, палач, отряд охраны – муртазикаты. Они выполняли не только роль личной гвардии высших должностных лиц имамата, но и составляли ядро войска. Эти воины отказывались от семьи, давали присягу, были наиболее религиозны и фанатично преданы имаму. Низшую административную инстанцию представляли старшины, избранные народом и утвержденные Шамилем по представлению наивов. Старшины и кадии заботились об исполнении указов и распоряжений имама, отвечали за порядок в ауле.

Халифат. Халифат является единым всемирным исламским государством по государственно-правовой доктрине ислама. Халифатом называют феодальное теократическое арабо-мусульманское государство, возникшее в результате арабских завоеваний в VII–IX вв. и возглавлявшееся халифами. Первоначальным ядром Халифата стала созданная Мухаммадом в начале VII в. в Хиджазе (Западная Аравия) мусульманская община – умма. В результате арабских завоеваний было создано огромное государство, включавшее Аравийский полуостров, Ирак, Иран, большую часть Закавказья, Среднюю Азию, Сирию, Палестину, Египет, Северную Африку, большую часть Пиренейского полуострова, Синд. Слово «халифат» (араб. Khallfah – «наследник», «представитель») означает как титул халифа, так и обширное государство, созданное после Мухаммада арабами-завоевателями под предводительством его халифов.

Историю Халифата условно делят на три периода.

Первый датируется 630–750 гг. В этот период, начавшийся сразу после смерти Мухаммада, сформировалось мусульманское государство, подчинявшееся халифу. Эпоха первых четырех халифов (632–661), называемых «хулафа ар-рашидун» («справедные халифы»), вызвала последующие споры между теми, кто называл себя суннитами и шиитами. Последние считали, что выборный халиф, если он не является родственником Пророка, не легитимен. Лишь Али, двоюродный брат и зять Пророка, отец его внуков Хасана и Хусейна, принимается шиитами без оговорок в качестве халифа. В этот же период включается эпоха правления династии Омейядов (661–750), штаб-квартирой которых был Дамаск.

Второй период (750 – середина IX в.) приходится на эпоху правления династии Аббасидов, правивших в Багдаде. В этот период халифы утратили политическую власть над основной частью мусульманского мира, так как наместники в провинциях стремились к автономии. Однако халиф сохранил за собой звание духовного главы мусульман. Фактически независимые правители признавали его духовный суверенитет и, объявляя себя его вассалами, упоминали его имя в пятничных молитвах. Одновременно в этот период заявляют о себе новые династии халифов – Фатимиды в Египте и Омейяды в Испании.

Третий период начинается в середине IX в., продолжается до XIII в. и характеризуется упадком династии Аббасидов. Но с 1171 г. Аббасиды являются единственными халифами. В 1258 г. правление этой династии было прервано вторжением монголов под предводительством Хулагу. Захватив Багдад, монголы казнили халифа Мустасима, который не имел наследника. Возникла беспрецедентная ситуация: мусульманский мир остался без своего духовного главы. Кровавой расправы в Багдаде избежали только двое из Аббасидов. Один из них – дядя убитого халифа, был приглашен мамлюкским султаном Байбарсом в Каир, где он был принят с почестями и в 1261 г. провозглашен халифом. Мамлюкские правители рассматривали присутствие Аббасидов в Каире как гарантию легитимности их правления.

После завоевания турками Египта идея халифата постепенно исчезает. Однако в XVIII в. она была реанимирована в виде легенды, согласно которой последний египетский Аббасид (халиф Мутаваккиль) якобы передал халифат османскому султану Селиму (1517). На самом деле 24 августа 1516 г. на Дабикском поле (Мардж – Дабик, неподалеку от Алеппо) произошло сражение

между османскими войсками и отрядами мамлюков. Битва закончилась беспорядочным бегством мамлюков, и 28 августа турецкий султан торжественно вступил в Алеппо. На следующий день султан Селим I был увенчан титулом «Служитель обоих священных городов». Это означало, что султан принимает на себя функции духовного и светского главы всех мусульман, для которых священными городами были Мекка и Медина. Присвоив этот титул, османские султаны стали называть себя халифами и требовать от правителей других мусульманских стран признания своих верховных прав. Автором легенды о передаче права на халифат султану от последнего Аббасида историки называют дипломата К. Мурджу д'Оссона. Халиф Мутаваккиль, увезенный османами в Стамбул, после смерти султана Селима получил разрешение вернуться в Каир, где прожил, сохраняя титул халифа, до 1543 г. Официально халифат был упразднен в 1924 г. турецкими революционерами.

Новая исламская форма. К новым правовым явлениям можно отнести разработку такой политической формы ислама, как новая исламская форма, и такого типа исламского государства, как исламат. Новая исламская форма направлена на преобразование мира, и ее можно определить как форму, возникающую в мусульманском мире в результате Реформации, воплотившей традиции исламской мысли и раскрывшей себя в качестве гуманистической системы публичных институтов и права. Новая исламская форма может быть в форме халифата (арабский мир) или исламата (не в арабских странах). Новая исламская форма правления раскроет себя в последующем Халифате. Второй Новый Халифат возникнет в результате объединительного движения в мусульманском мире. Правительства мусульманских стран или будут участвовать в данном процессе, или они уйдут. Этот процесс необратим, так как застой не может продолжаться вечно. Второй Новый Халифат будет демократическим гуманистическим духовным государством, где будут соблюдаться права человека как фундамент отношений человека и государства. Второй Новый Халифат будет нацелен на объединение всех мусульманских государств различным путем, но может и не включать все мусульманские страны, оставаясь национальным государством арабов.

Источники исламского права

К основным источникам исламского права как нормативно-правовым актам можно отнести:

- 1) Байа,
- 2) Доктрина шариата,
- 3) Фетвы.

В данном случае речь идет именно о нормативно-правовых источниках права как определенных документах, сформулированных принципах, готовых правилах, а не общих источниках права как Коран, Сунна, иджма и кыйас. Байа является конституционно-правовым договором правителя с народом об основных условиях избрания и правления. Шариат выступает целостной доктриной права, разработанной мусульманскими учеными. И наконец, фетвы как умозаключения выдающихся ученых мира ислама, имеющих общепризнанный авторитет. Дадим определение байа, переводимого на русский язык как «договор». Байа – это конституционно-правовой договор правителя мусульманской страны с высшим представительным органом – парламентом об условиях своего избрания и правления, что выражается в принятых на себя обязательствах и вытекающих из этого правах для их реализации. То есть байа – это прежде всего конституционно-правовой договор. Западный мир знает понятие административно-правового договора, хотя вопрос остается дискуссионным по сей день. Но вот конституционно-правовой договор – это явление совершенно новое для современной мировой практики, но органичное и естественное для исламского мира. В понятие «договор» вкладываются равноправие и свободная воля обеих сторон. В байа это присутствует в полной степени: и правитель и парламент свободны в своих действиях. Байа является следствием вступления в должность правителя в том смысле, что без договора невозможно не просто правление, а именно справедливое и мудрое правление на основе взаимных прав и обязанностей.

В содержание байа можно отнести следующие условия:

– Условия избрания, что включает в себя факт заключения договора, соблюдение процедуры избрания и условия цензов, к которым можно отнести возраст – 35 лет, кандидат должен быть мусульманином (хотя возможны и исключения), иметь добрый и справедливый нрав (поведение, репутация), высшее образование, политический опыт.

– Условия правления – система взаимных обязательств, возможно более конкретизированных политических, экономических, социальных и культурных прав и обязанностей, т.е. обязательств по выполнению своей предвыборной программы.

– Условия досрочного ухода с поста – импичмент, по состоянию здоровья и так далее, это больше выражается именно в байа, а не в Конституции (Основном низаме).

Процедура заключения байа выглядит следующим образом: Сначала избирается правитель, далее Меджлис аль Байа в срок от 10 до 30 дней после избрания, который не позднее чем за месяц до вступления в должность предлагает заключить договор правителю. Отказ от Байа делает избрание недействительным. Попытка вступить в должность без байа есть государственный мятеж против основ власти в стране. Байа можно отнести к числу источников конституционного права, по юридической силе он стоит ниже Конституции и выше законов. Законы не могут противоречить байа. Меджлис аль Шура вправе вносить изменения в байа. Проще говоря, байа есть не социальное, а правовое согласие мусульман на право властвовать над ними определенным лицам. Таким образом, байа является одним из отличительных правовых институтов исламского конституционного права и позволяет ему динамично развиваться, не теряя связи с традицией.

Адат – это исторически первое право самих мусульман, известное мусульманам. Вторым был соответственно шариат. Адат есть прежде всего право человеческой практики мусульман. И поэтому оно-то и возникло первым. Человек шел от практического освоения мира, его понимания, и формой регуляции отношений этого практического отношения стал адат, приобретая своеобразные черты через преломление ислама. Соотношения адата и шариата нельзя толковать однозначно. Фундаменталисты настаивают на вытеснении адата шариатом. Мусульманские ученые первых веков ислама прямо писали о том, что три из четырех суннитских мазхаба, кроме ханбалитского, прямо допускают урф как метод применения адата. В современном виде адат не остался неизменным, а испытал широкое и многогранное влияние ислама. Ислам выступил фундаментом, ценностной системой адата, но именно ислам, а не шариат. Шариат задавал рамки развития адата, но прямого влияния не было. Противоречие между шариатом и адатом заключается в том, что обе системы права регулируют одни и те же отношения, только адат – из области практики, а шариат как божественный закон. Если понимать шариат как созданное по божественным законам право и прямую систему его развития, а не методы регулирования, то он приближается к праву человеческого разума и в принципе им и является, но исходит из божественной религии, сохраняя ее концептуальные основы. Адат же, оставаясь

в рамках мусульманского миропонимания, превращается в право племен, которые еще не интегрировались в единое ценностное и поведенческое пространство мусульман. Адат выступает здесь не как отсталое право, а как историческое право, регулирующее отношения, которые исчезают из общественной жизни.

Мусульманам надо предоставить право выбора и соответственно отказа от этого выбора. Адат мог бы выступить не основной, консультативной, формой судопроизводства. В рамках каждого мусульманского сообщества возможно создание Свода адата и на центральном уровне Кодекса адата, регулирующий наиболее общие отношения. При халифе может быть образована Комиссия по вопросам адата. Ее функции – окончательная инстанция по делам адата, назначение судей адата второй инстанции, предложения по общей политике. Судами второй инстанции выступают Судебные советы каждого сообщества численностью свыше 200 тыс. человек. И наконец, первичные суды адата, члены которых избираются Шурай (джиргой) и утверждаются главой (шейхом).

Что касается соотношения систем права, то прежде всего необходимо выяснить, как понимается адат, шариат и государственное право в исламе. Адат, или обычное право мусульманских народов, можно объяснить как систему права, созданную в ходе человеческой практики, олицетворяющую оптимальное правило поведения в жизненной ситуации. Шариат – божественный закон, данный мусульманам Аллахом через Пророка Мухаммеда, совершенный в своем создании. Государственное право – право государства, созданное человеческим разумом в ходе своей эволюции, и представляет собой наиболее рациональную форму правового регулирования. Исторически первым появился адат как наиболее доступная система права, вырабатываемая всеми членами общества в ходе своей жизнедеятельности. Шариат не мог быть дан сразу, так как просто не был бы воспринят. Адат подготовил почву для реализации готовой формы, проще говоря, он выступил фундаментом для построения этой системы. Шариат мгновенно формализовал правовые отношения, вложив их в готовую форму.

Наиболее сложным остается вопрос о статусе государственного права. Западный мир выработал полностью секуляризованное светское право, дойдя до логического завершения, в то же время мусульманский мир с трудом признавал государственное право, справедливо считая его результатом вестернизации. К сожалению, рациональное государственное право как оригинальную систему мусульмане не выработали до сих пор, хотя работа ведется. Одно-

временно шариат не модернизируется, так как предполагается его неизменный характер. Шариат совершенен не в том, как он дан, а в том, как он развивается. В самом шариате заложен механизм эволюции, и это возможно единственный путь его развития до момента, когда придет новый Пророк или настанет Судный день. Таким образом, адат является законом человеческой практики, шариат – божественным законом, государственное право – результатом человеческого разума. Наиболее правильный путь состоит в развитии шариата, сохраняя его суть как государственного права, исходящего из человеческой практики.

Фетвы выносятся выдающимися мусульманскими учеными-законоведами, имеющими общепризнанный авторитет в мусульманском мире – муджтахидами. Фетва является мнением муджтахида по конкретной правовой проблеме и должна быть основана на принципах шариата. В конечном счете фетва является также источником права, но скорее производным, так как вытекает из шариата, впрочем, как и байа. Фетва содержит в себе вводную часть, т.е. постановку проблемы, ее описание; мотивировочную часть, т.е. изложение доводов муджтахида, и в конце повеление, т.е. установленное правило поведения. Фетвы сильно обусловлены мазхабами (правовыми школами) муджтахидов, но все же многие из фетв носят общемусульманский характер. Фетва является в какой-то степени аналогом прецедента в англосаксонской правовой системе, так как выносится конкретным человеком по конкретной правовой проблеме, однако этим человеком является не судья, а ученый.

Концепции исламской политической системы

Можно выделить две основные концепции исламской политической системы. В основу каждой из них положены принципы как основные начала организации политической власти. В первой концепции принципы складываются из трех составных частей:

- принципы создания исламской политической системы;
- принципы функционирования исламской политической системы;
- принципы данного исламского политического института.

Принципами создания исламской политической системы являются следующие.

1. Таухид.
2. Рисалят.
3. Умма.

Принцип *таухида* означает единобожие в исламе. Аллах единственен, и никто не может его увидеть. Аллах есть бог, давший мусульманам истину и веру в него. *Рисалят* означает пророчество Дня Страшного суда. Пророк открыл мусульманам пророчество и сказало о его исполнении. Концом земной жизни мусульман будет День Страшного суда, когда Аллах будет судить всех и решать о новой жизни. *Умма* есть всемирная община мусульман. Ничто и никто не может разъединить мусульман в их стремлении к познанию Аллаха, и это высшая цель. Все мусульмане братья и друзья друг другу.

Принципами функционирования исламской политической системы являются следующие.

1. Меджлис.
2. Шура.
3. Халиф.

Меджлис создает представительное правление мусульман для блага демократического строя и процветания мусульман. Меджлис воплощает в себе представительство мусульман на Земле перед лицом верховной власти и их право решать свою судьбу по законам Аллаха. Меджлис может принимать законы, обязательные для земной жизни мусульман. *Шура* есть принцип консультаций в исламе *халифа* с представителями уммы. Консультации предполагают исполнение воли представителей халифом, для чего он обязан узнать их волю. Халиф не может идти против воли уммы, кроме часа тяжких бедствий уммы и заблуждений мусульман и с согласия улемов.

Вторая концепция более проста и предполагает наличие общих принципов организации власти как целостную систему. К ним относятся:

1. Суверенитет Аллаха.
2. Доктрина шариата как источник права.
3. Принцип консультаций.
4. Повиновение амиру;
5. Заключение байа.

Высший политический суверенитет принадлежит *Аллаху*, и правитель лишь его наместник до Судного дня. Один Аллах может творить божественный суд и распоряжаться судьбами человечества. Исламское право покоится на *доктрине шариата* как источнике права. И именно из доктрины вытекает толкование права путем фетвы ученых как второй источник права. *Принцип консультаций* совпадает с принципом Шуры в первой концепции. Добавим толь-

ко, что сейчас этот принцип приближается все больше к западному пониманию парламентаризма. *Повиновение амиру* как главе государства является необходимым условием стабильного развития. Амиру надлежит повиноваться до тех пор, пока он соблюдает шариат, который является высшим критерием оценки справедливости правления амира. Отношения народа и правителя регламентирует *байа* как конституционно-правовой договор. Байа несет в себе все основные обязанности правителя помимо Конституции государства. Только байа содержит конкретную программу деятельности правителя и устанавливает ответственность за ее невыполнение.

Рассмотрим эволюцию политико-правовой доктрины. Затронем вначале вопрос о суверенитете. В классическом понимании суверенитет над мусульманами принадлежит только Аллаху как Творцу миров. Правитель же властвует как богоданное лицо. В современной доктрине: суверенитет принадлежит Аллаху, но он вручил его мусульманам до Судного дня, чтобы жили они по законам его по свободной воле. Человек есть наместник Аллаха на Земле. В период Средневековья федерация и союз не допускались. Мусульмане равны перед Аллахом, и национальность их разделяет. В мусульманском мире существуют федерации, главным принципом которых является принцип единства в многообразии. Национальное более частное по отношению к исламскому и дополняет его.

Далее возник плюрализм политических партий. Раньше их не было, так как считалось, что мусульмане суть единая партия Аллаха, а политические партии их разделяют, сеют вражду. Партии вырабатывают политическую волю мусульман, обеспечивая их представительство в высших органах власти и реализацию политики в государстве. В классическое время понятие разделения властей, конечно, не существовало. Это достижение западной политико-правовой мысли. Сейчас допускается разделение властей. Но в исламе разделение носит вторичный характер, а главное – единство и баланс властей перед лицом верховной власти правителя.

Меджлис аль Шура в классическое время, как правило, назначался правителем для совета с общиной и имел совещательные функции. Сегодня Меджлис аль Шура имеет право принимать законы, так как шариат есть идеальный наиболее общий закон, а Конституция и законы конкретизируют его, и шариат возможно реформировать в соответствии с новым пониманием.

В классической политико-правовой доктрине министры напрямую подчиняются главе государства. В современном понима-

нии стал допускаться институт правительства как коллегиального органа исполнительной власти. Лавинообразно возросли функции исполнения, и поэтому исламские ученые согласились с практикой создания правительства.

В судебной системе в классический период был кади всех кади. Он имел право назначать и смещать судей. Сейчас постулируется создание такого органа, как Высшая судебная шура. Это коллегиальный орган, возглавляемый правителем, он административно руководит судебной системой. Функции высшей судебной инстанции и управления разделены. Возникла концепция Нового исламского мирового порядка. В классическое время мировое сообщество отсутствовало, было противоборство отдельных государств. Сейчас исламский мир стремится занять достойное место в нем, вырабатывая свои взгляды и проводя свою внешнюю политику. Концепция Нового исламского мирового порядка предполагает равноправие и совместное развитие всего человечества и мусульман как его части.

Чем же является *принцип шуры* и чем он не является? Первое, что очевидно – это принцип власти, ее функционирования и развития, причем власти государственной и в исламском мире. Точнее, это принцип исламской политической системы, а именно принцип функционирования исламской политической системы как системы политико-правовых координат, в которой находятся исламские государства. Классическое знаменитое понимание принципа шуры предполагает, что есть правитель и шура. Правитель – халиф или правитель обычной мусульманской реальной страны. Шура – орган, представляющий интересы общины мусульман (это может быть община страны или община всех мусульман в халифате – умма). Принцип шуры переводится как «принцип консультаций», и в таком названии он и известен. Шура же в переводе означает «совет». Главная суть классического понимания данного принципа: правитель при принятии решений обязан проконсультироваться с шурой. Принцип шуры в современном понимании звучит так: правитель обязан выполнять законы, принимаемые парламентом в рамках его компетенции. Данное понимание наиболее приближено к мировому достижению правовой мысли и позволяет выразить новое значение того, что было дано в классическое время. Необходимо коренное обновление многих положений исламской политико-правовой мысли, что в настоящее время и происходит.

Меджлис – это собрание, палата. Если шура понимается как совет общины, то Меджлис – это представительный властный государственный орган, принимающий решения. Одновременно Меджлис, как и шура, является принципом политической жизни мусульман. В самом общем виде Меджлис – это орган, принимающий решения конституционно-правового значения, или по-другому – наиболее важные решения по вопросам государственной жизни. Отсюда Меджлис как принцип – это то, что в западном мире известно как представительное правление. Меджлис есть представительство мусульман как целого и как части перед лицом верховной власти халифа. *Принцип Меджлиса* включает не только постоянное профессиональное собрание депутатов, но и совещательное собрание эмиров в Меджлис аль Эмира. Принцип Меджлиса и принцип шуры есть единое целое, две стороны одной медали, одно без другого немислимо, а вместе они неразрывное целое.

Интересен вопрос о верхней палате парламента. Ранее политико-правовая доктрина не допускала ее образование, так как она строилась по территориальному принципу в федеративном государстве, а федерация не допускалась как раскалывающая мусульман. Все мусульмане едины и равны – так говорилось об этом. Сейчас произошло изменение взглядов: все равны в вере и вместе в разнообразии являют собой целое. Наиболее целесообразно верхнюю палату составлять из глав султанатов – султанов, чем достигается взаимодействие региональной и союзной властей. Возможно, данный орган позволит наиболее правильно организовать такое взаимодействие. Мусульманский мир долго шел к этому принципу, так как божественность предполагает очевидность и самодоказуемость власти правителя, но пока эта власть не наступила, надлежит руководствоваться человеческим разумом.

Устройство исламского государства

Предполагаемая кандидатура на должность халифа также должна отвечать определенным требованиям. В первую очередь кандидат должен быть справедливым и популярным человеком, способным на вынесение решений (иджтихад) по первоисточникам религии – Корану и Сунне, т.е. он должен быть ученым человеком. Кроме того, он должен обладать всеми необходимыми качествами для управления государством – решительностью, храбростью, способностью защитить государство. Большое значение имеют и физическая полноценность и здоровье кандидата. Он

должен быть здоровым человеком и лишен явных физических недостатков. После своего избрания халиф в качестве главы государства обязан выполнять следующие функции: обеспечивать действие шариата; защищать неприкосновенность имущества и всех видов собственности граждан; обеспечивать всех граждан минимальными средствами к существованию; защищать государство от внешней агрессии и укреплять границы; в случае агрессии врага вести военные действия; организовывать сбор различных видов налога (закята и джизьи); обеспечить государственных служащих достаточным жалованием; обеспечить социальные выплаты, установленные религией, всем нуждающимся; выполнять все основные государственные и религиозные обязанности.

В обязанности граждан страны входит безусловная поддержка и подчинение халифу. Такая полная поддержка должна быть только в том случае, если халиф на деле показывает свою полную приверженность шариату. Если халиф открыто нарушает религиозные нормы, следует своим страстям и даже если совершает сомнительные с точки зрения религии действия, то может возникнуть проблема его несоответствия занимаемой должности. Однако это необходимо подробно исследовать и доказать. Если же согрешивший халиф раскается и снова приведет свои действия в соответствие с шариатом, то для продолжения пребывания у власти необходимо его новое избрание. Также является неправомочным пребывание у власти халифа еще в двух случаях: если у него имеются явные физические недостатки и если он не свободен в своих действиях и является марионеткой других лиц.

Исламат возглавляет амир государства как верховный политический руководитель. Амир является прежде всего политическим лидером, действующим в согласии с духовным главой мусульман страны шейх-уль-исламом. Налицо их симбиоз, союз, как в халифате. Амир прежде всего должен быть храбрым и умным политическим лидером, однако широко образованным и понимающим проблемы ислама. Амир должен быть лишен явных физических недостатков и обладать душевным здоровьем. Высшими критериями деятельности амира являются общественная польза и следование шариату. Амиру надлежит повиноваться, пока он поступает в согласии с шариатом и на благо государства. Амира необходимо отстранить от должности, если он преследует в своей деятельности частный интерес или подвержен пагубным страстям. Амир обязательно должен быть мусульманином по вероисповеданию.

Что касается классификации меджлисов, то напомним, что такое Меджлис. Меджлис – представительный орган, решающий вопросы конституционно-правового значения. В данном случае имеется в виду и принятие законов. Шура – профессиональный орган по рассмотрению важных государственных вопросов. Джирга – представительный орган племени или федерации племен в общинном исламе. Диван – совет верховной власти, совещательный орган или орган по реформе. Наиболее полное наименование Меджлисов можно представить так:

- Меджлис аль Умма (Вселенское собрание);
- Меджлис аль Байа (Собрание договора);
- Меджлис аль Шура (Палата совета);
- Меджлис аль Улема (Духовная палата);
- Меджлис аль Даава (Палата призыва);
- Меджлис аль Шариа (Палата шариата);
- Меджлис аль Эмир (Палата эмиров).

Меджлис аль Умма – вселенский представительный орган мусульман верховной учредительной власти по изменению высшего правового закона, данного мусульманам, т.е. шариата. Дело в том, что шариат есть высший закон, понимание которого мусульманами меняется в соответствии с историческим временем. К тому же, первоначально шариат как право был дан для регулирования жизни общества первых веков Хиджры. Именно вселенский орган мусульманам, в соответствии с исламским духом и законами Аллаха, может изменить шариат как закон всех мусульман.

Меджлис аль Байа – высший представительный орган халифата или в мусульманской стране, заключающий байа с избранным правителем об условиях властвования. В принципе, если Меджлис аль Умма может составляться из высших Меджлисов или избираться всеми мусульманами, то Меджлис аль Байа – это расширенный состав Меджлиса аль Шура.

Меджлис аль Шура – высший законодательный орган халифата или в мусульманской стране, т.е. парламент в западном понимании, избираемый на 4–5 лет. Меджлис аль Шура – это однопалатный парламент, как правило, все-таки унитарного государства. Федерализм признается с трудом как раскалывающий единство мусульман, ведь Коран не знает национального деления, а только религиозную принадлежность.

Меджлис аль Улема – высший орган духовенства, или шире – духовных лиц, как орган, проверяющий соответствие законов исламскому духу и нормам шариата. В принципе, говоря откро-

венно, это орган духовенства, так сказать, профессиональный, в том числе и с представительством духовных авторитетов, не принадлежащих к церкви. Главное – это духовный авторитет лиц, их высшая сила в обществе, которая позволяет им выносить подобные решения.

Меджлис аль Даава – высший представительный орган, являющийся по сути верхней палатой парламента, т.е. контролирующим, уравнивающим Меджлис аль Шура органом. Избирается он или парламентами исламских земель или мусульманами в административно-территориальных единицах. Он обладает, например, функциями высшего суда для должностных лиц.

Меджлис аль Шариа – консультативный представительный орган мусульманских ученых. Меджлис аль Шариа может вносить свои предложения в органы государственной власти, и в его состав входят признанные выдающиеся муджтахиды, но он не должен подменять собой официальные государственные органы. Можно указать, что Меджлис аль Шариа может быть органом, готовящим изменения шариата.

Меджлис аль Эмир – консультативный орган эмиров как глав эмиратств (регионов) в халифате и мусульманской стране. Это опять же совещательный орган, вносящий свои предложения главе государства для совершенствования работы, но не принимающий решения. Хотя возможен вариант, когда Меджлис аль Эмира может быть вместо Меджлиса аль Даава или третьей палатой парламента, но это вряд ли возможно.

Таким образом, Меджлис аль Байа, Меджлис аль Шура, Меджлис аль Улема, Меджлис аль Даава, Меджлис аль Эмир являются государственными органами. Меджлис аль Улема – духовная палата. Меджлис аль Даава и Меджлис аль Эмир органы территориального представительства. Меджлис аль Эмир и Меджлис аль Шариа – органы совещательного характера.

Система организации органов исполнения:

1. Исполнительный помощник ведомства – назначается главным визирем с согласия халифа из числа большинства исламских партий в Меджлисе и несет ответственность перед Меджлисом.

2. Исполняющий обязанности министра – «назначен» до Дня Страшного суда, единственный судья для него – Аллах в День суда.

3. Амир ведомства – назначается главным визирем с согласия халифа из числа государственных служащих, и он ответственен перед халифом.

Согласно классической исламской государственно-правовой доктрине халиф или имам не имеют правительства в качестве коллегиального органа исполнительной власти. Правительство есть ненужная преграда между великим визирем как начальником канцелярии и визирями или исполнительными помощниками (руководителями) ведомств. Руководители напрямую подчиняются ему. Сейчас в доктрине исламской формы правления это институт не вполне признан, но в практике произошло его окончательное утверждение как органа, возглавляющего исполнительную власть или сферу исполнительных дел.

Шариатская судебная система

Хисба. Европа знает суд как орган разрешения конфликтов, а исламская политико-правовая доктрина обосновала административный способ разрешения конфликтов и в том числе конфликтов в области прав человека. Современная политическая жизнь мусульман знает такой институт, как Канцелярия жалоб, которая представляет материалы конфликта для разрешения вопроса главе государства. Хисба же является межведомственным органом по административному разрешению конфликтов о праве.

Что включает в себя понятие «хисба»:

- орган государственной власти;
- межведомственный орган;
- окончательная инстанция по разрешению административных конфликтов по своей компетенции;
- орган полицейского надзора в области нравов;
- включает в свой состав системы административных судебных трибуналов.

Хисба включает в себя: главного мухтасиба, мухтасибов провинций, Апелляционную коллегия мухтасибов, полицию нравов и судебные административные трибуналы. Таким образом, хисба имеет трехчленную структуру мухтасибов, полиции и суда. Главный мухтасиб имеет право рассматривать споры ведомств и принимать обязательные решения, кроме решений по деятельности правительства. Стороны могут оспорить решение мухтасиба в Апелляционной коллегии мухтасибов, чье решение окончательно. Главный мухтасиб руководит полицией нравов, а мухтасибы провинций ее территориальными подразделениями. В систему хисбы входят судебные административные трибуналы как органы суда, рассматривающие споры с участием государства и граждан. Су-

дебные административные трибуналы включают Верховный административный трибунал и административные трибуналы провинций. Судьи административных трибуналов назначаются и освобождаются от должности Высшей судебной шурой государства. В заключение можно отметить, что предлагаемый институт позволит эффективно решать поставленные перед ним задачи.

Прежде всего о статусе высшего судебного органа. Это орган судебной власти, и поэтому он воплощает в себе государственное начало. Но при этом он не должен пересекаться с органами самоуправления судебного сообщества или с органами отправления правосудия как такового. Должно быть достигнуто равновесие. Поднимается вопрос о кади всех кади вместо Высшей судебной шуры. Кади всех кади будет совмещать функции и отправления правосудия и возглавлять судебную власть. На наш взгляд, это не вполне правильно. Высшая судебная шура есть орган административного руководства судебной системой со стороны государства, а кади всех кади будет совмещать важнейшие функции. Он физически не сможет справиться с таким объемом работы, и потому реально все будет решать его канцелярия, готовящая документы.

Главу Судебной власти ИРИ назначает лидер страны (рахбар) на пятилетний срок из числа «сведущих в судебных делах муджтахидов». Глава Судебной коллегии имеет право назначать и увольнять судей, предлагать законопроекты, связанные с судебной властью. Он фактически независим от двух других ветвей власти: исполнительной и законодательной, и ответственен только перед лидером страны. Министр юстиции в исполнительной ветви власти имеет административные функции и не играет важной судебной роли. Вряд ли целесообразно создавать единый орган для прокурорского и судейского сообществ, тем более что прокуратура строится целиком на подчинении и централизации. В то же время судебное сообщество внутренне плюралистично и допускает широкое самоуправление. Наконец, к вопросу о том, кто будет возглавлять Высшую судебную шуру. Кади всех кади или глава государства? Думается, что должность кади всех кади как лица, возглавляющего судебную власть, неприменима в современных условиях. Высшую судебную шуру должен возглавлять глава государства как высшее должностное лицо, направляющее государственную политику в области административного руководства судебной системой.

Что касается шариатской судебной системы, то решение данного вопроса зависит напрямую от понимания сущности шариата. Если шариат понимается как божественный закон, данный в неизменном виде, то структура будет следующая. В данном случае на самом деле будет две структуры: для мусульман и немусульман. Для мусульман наиболее вероятен такой вариант: Верховный шариатский суд, Апелляционный окружной шариатский суд и первичный (участковый) шариатский суд кади. Для немусульман западноевропейская система права, соответственно, и судебная система. Обычно это Верховный суд по уголовным делам, участковые суды по уголовным делам, Высший суд по гражданским делам и Суд по социальным и трудовым делам. Если же шариат понимается как развивающееся государственное право с общими принципами функционирования, но проявляющее себя в разнообразных правовых формах мусульманских государств, то может быть возможна и такая система: Конституционный суд как орган исламской конституционной юстиции, система арбитражных шариатских судов во главе с Высшим шариатским арбитражным судом; система судов общей юрисдикции, включающая Верховный суд и суды по уголовным и гражданским делам. Административные шариатские трибуналы как органы административной юстиции наиболее целесообразно включить в структуру хисбы.

На самом деле, структура шариатской судебной системы во втором случае будет очень похожа на то, что мы видим в западноевропейских странах, но, возможно, будет создано и что-то глубоко оригинальное. В любом случае параллели будут очевидны. Мусульманским странам придется в какой-то степени повторить путь западного мира, творчески перерабатывая его. Наиболее положительным здесь является опыт Германии в части построения разнообразной судебной системы и опыт Франции в области административной юстиции. Также рациональным кажется и опыт России в области арбитражных судов. В любом случае все это позволит мусульманам создать подлинно исламскую судебную систему.

Территориальное устройство халифата

Первый исторический Халифат базировался, по мнению средневековых мусульманских мыслителей, на взаимосвязи трех элементов: халифа, султанов и улемов. Последние выступали как корпоративное сословие во главе с религиозным главой всех му-

сультман шейх-уль-исламом. Именно на согласии этих трех политических субъектов базировались мир и спокойное развитие Первого Халифата. Эта концепция не осталась неизменной – изменилось время, изменилось и ее содержание, но основы не поколебались. Халиф представляет собой верховную власть в халифате, султаны же – главы мусульманских земель – султанатов. Это разные уровни власти во Второй Новом Халифате. Если раньше султаны возглавляли всю власть в султанатах, то теперь исполнительную, или там все равно есть правительство как орган исполнительной власти. Появился и Меджлис как парламент мусульман. Взаимоотношения халифа и султанов можно охарактеризовать как подчинения законам в рамках своей компетенции, установленной Основным низамом халифата и последующими законами государства. Халиф представляет халифат в международных отношениях, султаны представляют султанаты в отношениях с халифом как властители. Вали представляют вилайеты в отношениях с султанатами. И так далее. Данная система является оправданной и целесообразной при функционировании политических институтов халифата.

Халиф первое лицо в халифате, вместе с султаном они принимают решения о направлениях развития страны. Естественно, необходимо увязывание воли султанов и халифа в единое целое, одними волевыми решениями халифа много не сделаешь. Встает вопрос об органе представительства султанов, куда бы входили султаны по должности. Таким органом мог бы стать Меджлис аль Даава как верхняя палата союзного парламента халифата. Данное понимание соотношения власти халифа и султанов полностью соответствует мусульманскому историческому властному миропониманию и позволяет приблизиться к оптимальной точке взаимодействия всех уровней власти в халифате.

Прежде всего определим, что такое эмират. Эмират – федеральный округ в федеральном исламском государстве, т.е. административно-территориальная единица, создаваемая федеральными властями для эффективности управления вилайетами со стороны федерального центра. Вилайет – провинция, административно-территориальная единица, создаваемая как союз общин в силу исторического разнообразного единства. Султанат – административно-государственная единица в возможном будущем Втором Новом Халифате мусульман как исламском национальном государстве.

К органам эмирата можно отнести: эмира, шуру эмирата, территориальные службы федеральных ведомств. Эмиром может

быть гражданином халифата старше 35 лет, возможно немусульманин в христианском эмирате, либо очень близкий к мусульманам, имеющий высшее образование и опыт управленческой деятельности.

Шура эмирата составляет: 50% – руководители вилайетов и 50% – руководители территориальных служб федеральных ведомств. Шура эмирата является консультативным органом при эмире, обсуждая вопросы государственного управления. Состав шуры определяет сам эмир, и он несет ответственность за невыполнение рекомендаций шуры. Предполагается, что эмират по территории будет совпадать с султанатом для удобства и четкости государственного управления, делиться на более мелкие единицы не будет в отличие от султаната, включающего вилайеты, хакимияты и джамааты.

Эмират может образовываться по решению премьер-министра, либо халифа и оформляется решением в виде низама. Предложение об этом может вносить Меджлис аль Эмир либо премьер-министр. Главными критериями создания эмирата могут быть историческая общность языка, культуры, религии и т.д. Один султанат может совпадать с территорией нескольких эмиратов, но эмираты не должны включать территорию разных султанатов, т.е. от двух и более.

*«Вопросы гуманитарных наук»,
М., 2011 г., № 1, с. 50–65.*

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР
2011 – 8 (230)**

Научно-информационный бюллетень

Содержит материалы по текущим политическим,
социальным и религиозным вопросам

Художественный редактор Т.П. Солдатова
Технический редактор Н.И. Романова
Корректор О.В. Шамова

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 5/VII-2011 г. Формат 60x84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная. Свободная цена
Усл. печ. л. 11,5 Уч.-изд. л. 10,8
Тираж 500 экз. Заказ № 124

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН**
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий**
Тел/ Факс (499) 120-4514
E-mail: market @INION.ru

E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)

Отпечатано в типографии ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва В-418, ГСП-7, 117997
042(02)

